

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

Handwritten signature or mark in the bottom right corner.

Этот конкурс, ты помнишь, «Пионер» объявил в пятом номере. Среди 895 участников многих «начинающими» не назовешь. Мастера да и только! Вот почитай.

нера» все сразу: и пилу-видимку, и ковер-самолет, и волшебную лампу!

Уж я найду им работу.

Ой, что тогда будет!

Ну почему на Севере только зима, а на Юге только лето? Скатиться на лыжах с Килиманджаро, промчатся на коньках по Замбези — разве это не интересно? А выйти во двор где-нибудь в Архангельске или Ленинграде, Якутске или Свердловске и среди зимы сорвать прямо с ветки апельсин, нырнуть с разбега в теплую речку и понежиться на горячем песочке — разве это не великолепно?

Всем нравится летать. Ну и пусть летают. Кто хочет — верхом на стуле, кто прямо в кровати (отличный летательный аппарат), а если все пассажиры согласны, то и в автобусе.

Разное лесное зверье надо на Новый год пригласить в горо-

Если уж быть волшебником...

Я не тороплюсь. Я могу еще подождать. Пусть пока другие ребята пользуются... Но уж тридцать первого декабря, под самый Новый год, я попрошу у «Пио-

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

да. Отучить их на этот день от всех хищнических повадок и разрешить разговаривать на нашем человеческом языке. Ты сидишь в троллейбусе, а рядом с тобой читает газету мишка в очках. А настоящая лиса водит хоровод у елки.

Потом героев любимых книг надо оживить. У каждого к ним есть вопросы.

А домашние вещи пусть молчат. Опасно, если они заговорят.

Кто-то захочет стать великаном—пожалуйста! Кто-то мечтает сделать маленьким—пожалуйста! Шоколадные до-

мики я бы увеличила до размера настоящих домов. Подходи, отлочи кусочек и ешь. А дом стоит себе и стоит целехонек.

Злых людей я бы сделала хотя бы на этот один-единственный денек добрыми. А добрых—сильными. Всех несчастливых—веселыми. Всех счастливых—чуткими. Всех мальчишек—внимательными. Всех девчонок—красивыми.

Но это еще не все. Я бы наделила всех без разбору волшебной силой, но чтобы удавались бы у них только добрые волшебства. Все вместе мы бы столько навдумывали... Ну и удивительный был бы это Новый год!

Наташа СОЧИННИНА, 13 лет
г. Химки

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Издательство «Правда»
1969 г.

Экипаж космического корабля «Союз-7»: Анатолий Филипченко, Виктор Горбатко и Владислав Волков.

Звездные профессии

Со стартовых площадок Байконура точно по расписанию уходили в звездное небо «Союзы». Три корабля, семь космонавтов...

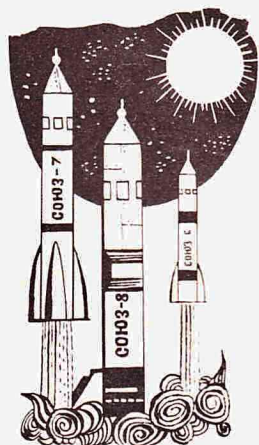
Впервые за пределами Земли люди приступили к обширному объему научных исследований. «У меня такое ощущение,— сказал тогда академик Борис Николаевич Петров,— что в космосе находится научно-исследовательский институт, настолько разнообразны и интересны эксперименты, которые проводят космонавты».

У современной науки есть одна особенность: специальности ученых становятся все более узкими. Даже, к примеру, физики не всегда «понимают» друг друга. Область их науки настолько расширилась, что быть в курсе всех событий одному человеку невозможно.

Но в кабину космического корабля пока нельзя посадить представителей всех отраслей науки, и поэтому космонавту сегодня надо очень много знать, он должен быть универсальным исследователем.

Успех полета «Союза-6», «Союза-7» и «Союза-8» целиком зависел от подготовки космонавтов к широкой научной программе, которую им предстояло выполнить. Георгий Шонин, Валерий Кубасов, Анатолий Филипченко, Владислав Волков, Виктор Горбатко, Владимир Шаталов и Алексей Елисеев блестяще с этой задачей справились.

В течение нескольких дней им пришлось несколько раз «менять»

свою профессию. Они становились то сварщиками, то метеорологами, то астрономами, то геофизиками, то геологами, то географами.

Чем же именно обогатили они науку?

СВАРКА. В орбитальном отсеке «Союза-6» был установлен сварочный аппарат «Вулкан».

При создании больших орбитальных станций, на которых космонавты будут жить по многу месяцев, безусловно, без сварочных работ не обойтись. Они необходимы для соединения узлов станции, монтажа аппаратуры, ремонта. Однако сваривать в глубоком вакууме, да к тому же в условиях невесомости очень трудно.

На семьдесят седьмом витке Георгий Шонин закрыл люк, соединяющий кабину корабля с орбитальным отсеком. Затем отсек был разгерметизирован, сварочная аппаратура оказалась практически в открытом космосе. Бортинженер «Союза-6» Валерий Кубасов включил установку. Он опробовал несколько видов сварки — плазменную, электроннолучевую, дуговую сварку плавящимся электродом. Затем в орбитальном отсеке вновь была создана «земная» атмосфера, и бортинженер перешел туда. Кубасов собрал образцы и вернулся в кабину корабля. Экипаж готовился к посадке, а, как известно, орбитальный отсек во время спуска отделяется от спускаемого аппарата и остается на орбите. Кубасов взял образцы, чтобы здесь, на Земле, ученые могли тщательно проверить качество сварных швов, проанализировать работу «Вулкана».

Сварка в космическом пространстве проведена впервые. Ученые получили уникальные данные.

МЕТЕОРОЛОГИЯ. Все космонавты внимательно наблюдали, как и где рождаются циклоны. К сожалению, не везде на земном шаре можно установить метеорологические станции. В океанах, пустынях, горных районах их очень мало, и поэтому метеорологи не могут точно предсказывать погоду. Они не знают, где именно родился циклон, несущийся сейчас над Тихим океаном, с какой скоростью он движется и так далее. Космический корабль — идеальный наблюдательный пункт, из поля зрения которого не скроется даже самый удаленный уголок Земли.

Космонавты следили за распространением облачности и образованием воздушных вихрей. У берегов Камчатки и в районе Сахалина Владимир Шаталов и Алексей Елисеев заметили мощный циклон. Они тотчас же сообщили о нем на Землю. Через несколько минут жители Камчатки и Сахалина были предупреждены о приближающихся ливнях.

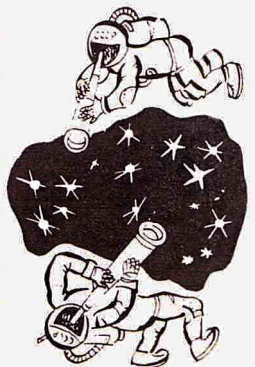
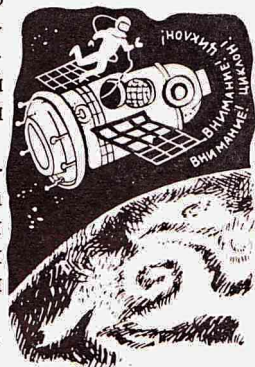
Пройдет несколько лет, и на околоземной орбите появится метеорологическая лаборатория, на которой будут находиться синоптики. Вместе с автоматическими станциями системы «Метеор» и наземными пунктами пилотируемые метеорологические корабли помогут нам, землянам, правильно прогнозировать погоду, а может быть, и управлять ею.

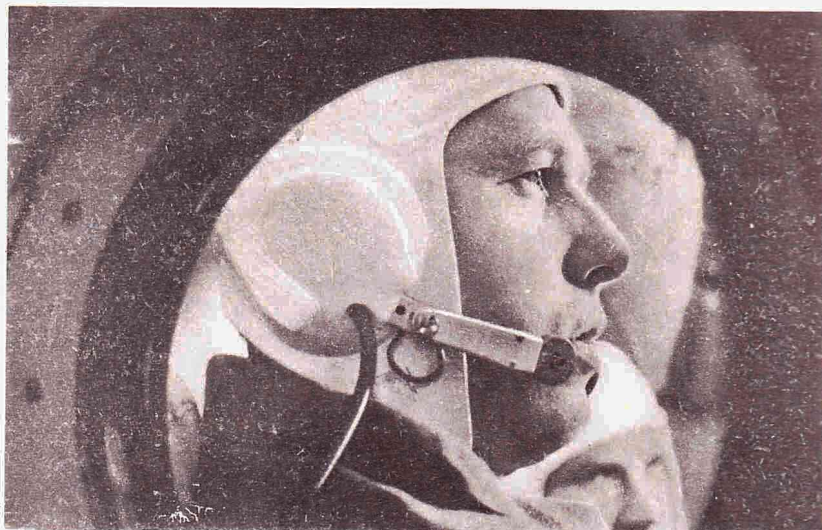
АСТРОНОМИЯ. Из космоса звезды выглядят иначе, чем с Земли. Они не мерцают, а горят ярко и ровно. Атмосфера Земли никогда не бывает спокойной: массы воздуха перемещаются, перемешиваются. Поэтому-то и мерцают звезды.

У космонавтов идеальные условия для наблюдения светил. На борту корабля находятся фото- и киноаппараты, которые в течение всего полета ведут съемку Солнца, звезд, Луны.

Космонавты проводили астроориентацию корабля. Вот он летит в точно определенном положении, которое фиксируют специальные оптические датчики, нацеленные на Солнце, Землю и одну из звезд. Датчики «держат» их в своих объективах и не позволяют кораблю отклониться от курса. Особой любовью в космонавтике пользуются две звезды — Канопус и Сириус. Они горят достаточно ярко, и датчик легко находит их. Другие же звезды менее заметны, и датчик может их перепутать.

Космонавты несколько раз проводили астроориентацию на эти и на другие звезды. И хотя случалось, что одновременно где-то на Земле бушевала гроза и мешали отблески молний, опыты прошли успешно. Они помогут создателям межпланетных автоматических станций раз-

Первые в мире космические сварщики Георгий Шонин и Валерий Кубасов.

работать новую, более совершенную аппаратуру для астроориентации.

ОХРАНА ПРИРОДЫ. Когда космонавты вернулись на Землю, журналисты поинтересовались, видели ли они пожары.

— Грозы хорошо наблюдать ночью, — ответил Георгий Шонин. — В одно и то же время на Земле очень много гроз. Очевидно, поэтому так часты и пожары. Они заметны и ночью и днем. Особенно большие пожары мы наблюдали в Австралии. Там горели леса. А на Аравийском полуострове, очевидно, загорелась нефть.

— Из космоса отлично видны и небольшие очаги огня, — сказал Главный конструктор кораблей «Союз», — я думаю, целесообразно организовать в космосе особую «пожарную службу»...

Лесные пожары наносят хозяйству огромный урон. А пожарникам не всегда удается вовремя обнаружить очаги огня. Их вертолеты и самолеты прилетают обычно через два-три дня, когда огонь уже уничтожил большие массивы драгоценного леса.

Космический наблюдатель сможет информировать земных пожарников сразу же, как только огонь появится.

ГЕОГРАФИЯ. Урожай на полях во многом зависит от того, сколько влаги впитала почва весной, насколько хорошо работают системы орошения.

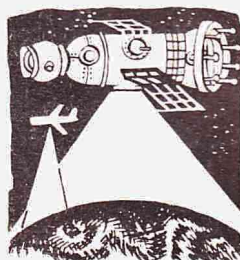
Реки, большие и малые, питаются из ледников. Недаром они обычно начинаются в горах. От размеров и характера ледника зависит, сколько воды придет в долины, где расцветает хлопок и поднимаются хлеба.

Экипажи «Союзов» фотографировали снежный покров различных областей, наблюдали за ледниками. Эти снимки они привезли на Землю, чтобы представить их географам.

ГЕОЛОГИЯ. Когда «Союзы» приближались к Туркмении, в воздух поднимались самолеты. Начинаясь уникальный в геологии эксперимент, в котором вместе с космонавтами участвовали «земные» поисковые партии и летчики.

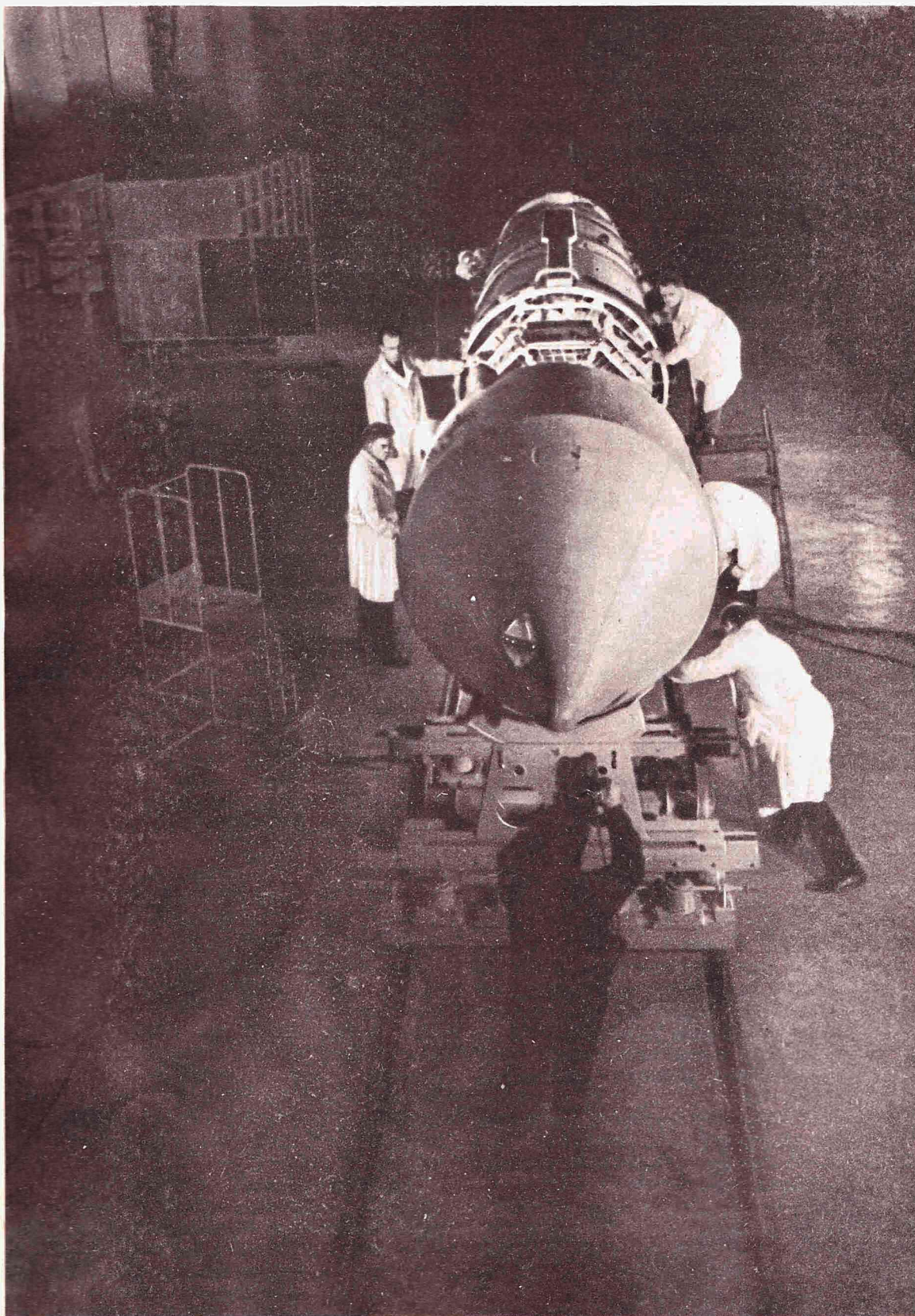
Одни и те же районы снимались с самолетов и космических кораблей. Ведь большие геологические образования, иногда протянувшиеся через целый континент, можно увидеть только из космоса. Анализ полученных результатов даст исследователям составить геологическую структурную карту Туркменистана.

Искусственные спутники Земли уже помогли найти несколько крупных месторождений полезных ископаемых. Например, залежи железной руды в Сибири. Наверняка и в Туркмении геологи что-то откроют, и в немалой степени они будут обязаны экипажам «Союзов».

Я рассказал лишь о некоторых профессиях космонавтов. На самом деле их гораздо больше.

В. ГУБАРЕВ

Солнце, как и другие звезды, трудно изучать через толщу воздушного океана. Поэтому на солнечную вахту запущен спутник «Интеркосмос-1». Семь братских социалистических стран принимают от него важную информацию. На снимке ты видишь «Интеркосмос-1» вместе с ракетой.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Владимир ВИШНЯКОВ

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

Серезка вышел во двор, когда солнце высоко уже поднялось над низкими домиками, рассеявшимися среди садов. Здесь, в этом маленьком южном городке, он будет теперь жить. Долго ли, кто знает? Родители его все время кочуют из города в город, со стройки на стройку, им не дано найти на одном месте свой труд и покой. Они привыкли к переездам, им легко это, даже весело, они везде как дома. А вот Серезка всякий раз тяжело расстается с обжитыми местами, за два-три года они становятся ему родными, и, отправляясь на новое место, он всегда испытывает смутную тревогу перед близкой неизвестностью.

Серезка с опаской ступил за порог, точно земля, на которую он ступал, не была надежна, но шатка, как наспех сколоченные подмостки передвижного театра.

Она, однако, не покачнулась, не пошла в сторону из-под ног, и все было тихо вокруг по-прежнему, как бы в дреме, и Серезка шагнул увереннее, и еще, и еще шагнул.

Он огляделся. Странен был этот двор. Трава не росла на сухой и твердой, как камень, земле, и она, нагретая солнцем, источала душный жар. Неподвижный, как под стеклянным колпаком, воздух был горяч и прозрачен, а висящие над городом горы,

кудрявые деревья в садах и грустный маленький ослик, привязанный у забора, казалось, навсегда заснули здесь, очарованные тишиной.

Но вот свистнула где-то в саду невидимая птичка, за ней — другая, листья пошептали о чем-то, ослик потянулся за колючкой, а на крыльцо одного из домов вышел человек и сразу сказал другому, оставшемуся в доме, какие-то слова, а тот засмеялся в ответ.

Серезка услышал этот смех чужого человека и тоже улыбнулся. Он как будто обрадовался чему-то, только не знал, чему.

Он хотел подойти к ослику и тихо сказать ему на ухо что-нибудь понятное, но из дома вышла женщина и увела ослика, и Серезка опять остался один. Но он теперь уже догадывался, что люди, наверное, специально оставили здесь кусочек пустыни, чтобы больше любить прохладу своих садов и не уставать работать, выращивая кусты и деревья на бесплодном песке.

Никто не видел Сережку, стоявшего в углу двора, а он видел все — и мертвый двор и горы над ним, а еще выше тусклое, точно выгоревшее на солнце небо. И это была для него пока лишь картинка, на которую он смотрел с равнодушным любопытством случайного гостя, потому что еще не разглядел в ней себя, стоящего в углу двора, настороженного и жадного к первым впечатлениям открывающейся ему жизни.

Посреди двора был устроен бассейн, не очень большой и не очень глубокий. На цементном дне его валялся дырявый чайник, пожилой ботинок, лопата без ручки и другие вещи, уже отслужившие свое и теперь ненужные. А из трубы, свисавшей с одного из бортов, вечно бежала в бассейн тонкая струйка воды.

Такие бассейны устраиваются для хранения воды на случай пожара, но Сережка не знал этого и удивился, зачем тут быть бассейну.

Сережка опустил руку в воду, теплую, как парное молоко, а потом перегнулся через борт бассейна и посмотрел в воду. Там, у самого дна, рядом с застывшим на своем месте чайником он увидел золотую рыбку.

Прекрасная рыбка чуть шевелила крыльшками плавников, и чешуя ее красноватым золотом светилась на солнце.

И вдруг неподвижное зеркало воды раскололось. Сережка поднял голову. Тут другой камень попал ему в плечо. Несколько мальчишек стояли тесной группкой шагах в пятнадцати от бассейна, молча глядя на Сережку.

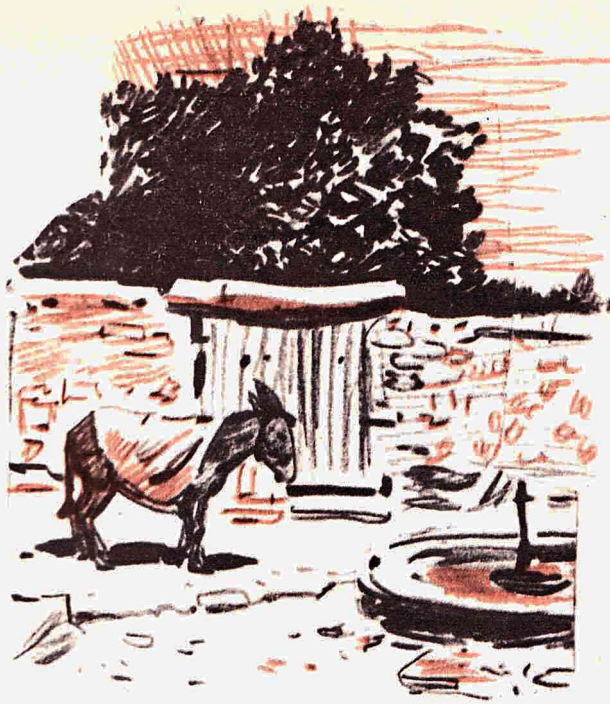
— Чего бросаетесь? — спросил он охрипшим от волнения голосом.

— А ты чего смотришь? Это наша рыба, — усмехнулся в ответ один, самый рослый и, видимо, предводитель.

Сережка улыбнулся смущенно и пожал плечами — так странно показалось ему в первый миг это рассуждение, впрочем, в следующий момент он уже понял, что все это специально говорилось, чтобы испытать его, но он не чувствовал себя вправе возражать что-либо, ведь он был новенький и не знал еще здешних законов.

— Бороться будешь? — приблизился рослый.

«Наверное, у них так принято знакомиться», — подумал Сережка. Ему стало грустно, он почувствовал вдруг себя маленьким мальчиком, которого обижают ни за что, ему хотелось заплакать и побежать к маме жаловаться, но он остал-

ся на месте и не изменился в лице, он уже умел владеть собой и умом понимал, что отказаться от борьбы невозможно и что придется подчиниться законам этого двора, иначе проходу ему не будет, потому что каждый карапуз тогда почувствует себя вправе бросать в него камни.

Борьба происходила в недалеком парке, в укромном местечке среди кустов. Ребятишки взяли за руки, образовав круг, а Сережка и соперник его оказались в центре круга. Рослый сбросил рубашку и, вытянув руки вперед, замер перед Сережкой — загорелый и мускулистый.

Сережка взглянул в его глаза, но ничего в них не увидел, они как будто остановились на чем-то своем, им одним видимом, и хоть и смотрели на Сережку, но как бы и мимо него. У Сережки стало холодно в сердце, и, когда он стягивал через голову свою рубашку, коленки его дрожа-

ли, как тогда, когда он впервые пробовал прыгать в воду вниз головой.

Высвободив голову из-под рубашки, он опять взглянул на рослого, и то ли показалось ему, то ли вправду тот подмигивал ему левым глазом, но Сережка от одного предположения этого весь расцвел, как от желанного давно подарка. Ему захотелось улыбнуться и поговорить о чем-нибудь с рослым и со всеми ребятами, молчаливо ожидавшими начала схватки; спросить, как их зовут, и сказать что-нибудь такое, от чего все они сразу сделаются друзьями и пойдут куда-нибудь вместе, но он сдержался, решив, что они могут понять это как желание уйти от поединка, и подумал, что скажет это потом, когда окончится навязанное ему испытание.

Сережка не был силачом, но и рохлей не был. Небольшого роста, но ладно скроенный, худощавый, но ловкий и гибкий, он любил участвовать в мальчишеских состязаниях, беря свою долю заслуженных побед и поражений, не злобясь на победителей и не торжествуя над неудачами других. Там с друзьями все было ясно, легко и весело, там была игра, здесь же пахло чем-то взаправдашним, чем-то очень тяжелым, в этой борьбе как бы не просто мерились силами, но цель ее была иной, и Сережка чуял, что она недобрая, эта цель. Он чуял, что его как бы хотели раздавить, насмеяться над ним, и одна мысль о такой возможности ужасала его, лишала сил. И каким же облегчением для него была другая мысль, мысль о том, что все это ему только почудилось со страху, вот же этот рослый подмигнул ему по-приятельски — давай, дескать, повозимся.

Наконец они схватились. Они долго пыхтели, стараясь половчее ухватить друг друга для броска, но каждый берегся и вовремя ускользал. Снова сплетались и опять кружились по песку в окружении молчаливых, внимательных наблюдателей.

Устали оба, покраснели от напряжения, но сдаваться не собирались ни тот, ни другой, каждый надеялся на счастливый случай, на какую-нибудь оплошность противника, и хотя Сережку вполне бы устроила ничья, он ни за что не предложил бы ее первый. Он ждал, что рослый сам сделает это, поняв безуспешность своих попыток, и уже заранее радовался такому исходу, как вдруг рослый, высвободив обе руки, быстро нагнулся, обхватил Сережкину ногу под коленкой, а другую подсек своей, выдвинутой вперед. Земля рванулась из-под Сережки, и он рухнул на песок неуклюжим кулем.

Сережка сильно ушибся при падении, а когда приподнял голову, увидел, что противник его уже натянул свою рубашку, показывая этим, что борьба окончена.

— Так нечестно! — завопил Сережка. —

Так не договаривались, чтобы подножки ставить.

Но ребята уже пошли куда-то гурьбой, посмеиваясь и не слыша его, не обращая внимания на него, распростертого на песке, с разодранными коленками.

Весь, остаток дня до вечера обдумывал Сережка план мести. Ярость его и обида уже остыли, но все силы ума и чувства направлены были на одно: как досадить насмешникам, что бы такое ужасное сделать, что было бы сравнимо с их несправедливостью к нему. Беда была в том, что он совсем не знал их жизни, а без этого трудно было выбрать чувствительное место для задуманного удара.

Когда стемнело, его отправили спать в маленькую комнату, но, только мать вышла, пожелав ему приятных сновидений, он вскочил и сел у окна, весь дрожа от мелькнувшей внезапной мысли.

Он сидел у окна, вглядываясь в густеющий мрак, и план зрел в его голове, вырисовываясь в мельчайших подробностях. Дождался, пока погасили свет в доме, еще выждал немного и, уверившись, что все уснули, вышел на кухню. В окна кухни светила луна, ярко, как будто старалась угодить кому-то. Сережка расстегнул карман своего рюкзака, стоящего в углу, достал фонарик и проверил. Тонкий луч расплющился на стене в яркое пятно.

Посветил под стол. Из множества громоздившихся там пустых банок выбрал одну, вытряхнул из нее суетящегося таракана и выскользнул в сад.

В куче хлама возле сарая он с утра приметил старый сачок для ловли бабочек. Он тогда еще удивился, откуда здесь эта вещь, посторонняя в хозяйстве, и потому запомнил о сачке. Этот-то старый, выцветший сачок с длинной ручкой стал важнейшим орудием его мстительного плана.

Рыба дремала на дне у самой стенки бассейна. Ослепленная, точно пришипленная лучом к цементу, она не двигалась, лишь отливающие перламутром плавнички мелко дрожали. Сережка осторожно подвел сачок...

Зажав в ладони банку с бьющейся рыбкой, он побежал к дому. У калитки оглянулся: все спокойно, ни тени, ни шороха. Сережка подумал, что рослый, наверное, спит сейчас в одном из этих домов, видит какой-нибудь скучный сон и не подозревает, что в бассейне нет уже его золотой рыбки. Торжествующая улыбка змейкой скользнула по губам Сережи, он запер калитку и неслышно вошел в дом.

Свет он не стал зажигать, поставил банку в темный угол, а сам лег на кровать поверх одеяла.

Он лежал на спине, скрестив под головой руки, снова и снова переживая случившееся. Здорово он их проучит. То-то

физиономии у них вытянутся, когда завтра в бассейне не окажется рыбки. То-то, не будут жадничать.

Он опять вспомнил подробности сегодняшней борьбы, и обида вновь зажгла его щеки. Ничего-ничего, скорей бы наступило завтра. Завтра он будет смеяться над ними. Подойдут к бассейну, а рыбки и нет!

Он пытался развеселить себя этой картиной, смехом прогнать горький комок, стоявший в горле, но смех получался каким-то натянутым, вымученным, а горечь не то чтоб не проходила, а, наоборот, сгущалась, так что ему наконец трудно стало дышать.

Он пытался заснуть, но, сколько ни ворочался с боку на бок, заснуть не мог и снова сел один в темноте, которая, как живая, стояла вокруг, и он почувствовал, что она впитывается в его кожу, наполняет тело тяжестью и оседает в мозгу.

Тогда он зажег лампу на столе, а рядом с лампой поставил банку с рыбкой. Ее чешуя вспыхнула темным золотом, точно драгоценный слиток шевельнулся в банке. Сережа положил ладони на стол, а на ладони голову и стал смотреть в глаза рыбке. Она часто жевала воду губами, и жабры ее трепетали неровно, точно она силилась проглотить что-то огромное, плавники дрожали в судороге; вода полна была мелким мусором, и рыба задыхалась в пыльной тесноте. Ее глаза, большие и выпуклые, иногда поворачивались, разглядывая незнакомый мир за стеклом, и Сережка вдруг понял, что рыбка живая.

Она была живая. Сережка как будто сейчас только заметил это и радостно удивился, точно увидел некое чудо. Он еще не знал, что если на живое долго смотреть вблизи, то оно всегда кажется чудом.

Уже была глубокая ночь, часы пробили два, а он все сидел и смотрел в лицо рыбке, не гася лампы. И улыбался. Если бы он мог увидеть себя со стороны в тот момент, то, наверное, сказал бы: «Улыбается, как дурачок».

Наконец он опомнился, встал от стола и прошелся по комнате, глядя в серебриющую тьму за окном. В нем как будто было никаких мыслей, только одна, самая главная, от которой ему стало легко и спокойно жить. Он слышал в себе эту главную мысль, но вряд ли сумел бы выразить ее связно, он только поднял банку и, взглянув еще раз на рыбку, сказал тихо:

— Ты-то тут при чем?

Осторожно, стараясь не тронуть тишины спящего дома, он вышел в сад, а потом во двор, залитый лунным светом.

Ночь была тихая, и вода в бассейне стояла неподвижно, а в ней стояли луна и звезды, точно кто перенес их с неба и запер в бассейне, прикрыв тонким стеклом.

Сережка опустил банку в воду, перевернул и поднял легкую от пустоты. Он шел к дому счастливый и спокойный, как будто сдал на пятерку трудный экзамен. Легкий предутренний ветерок принес из садов запах цветущего абрикоса, и Сережка с удовольствием вдохнул его аромат. Хорошо было в мире...

Я читаю книгу судеб

Анна Сергеевна поставила на мне крест. Она так и сказала: — На Калюжном я поставила крест. Моего предмета для него не существует.

Я с Анной Сергеевной не спорю. С тех пор, как у меня появилась шапка-невидимка, истории для меня действительно не существует.

Я теперь целыми днями пропадаю в древних веках. Я возвращаюсь из них, чтобы только кое-как выучить параграф из учебника по истории, сделать другие уроки, ну, и, конечно, сыграть в футбол. А так, я сейчас все время провожу в военных походах и в битвах третьего века до нашей эры. Какая же это для меня история?

...Завернувшись в плащ воина, я лежу на земле среди других воинов Ганнибала, и седло под моей головой пахнет пылью и потом. Я смотрю на восток, где разгорается багряное пламя зари, и слышу, как поседевший в боях, мудрый Гасдрубал бормочет кряхтя:

— Экке-хе-хе, боги видят будущий день яснее людей. Много крови прольется завтра, ох, много...

Он трясет меня за плечо и шепчет еле слышно:

— Старый Гасдрубал видел вчера, как ты спустился в расщелине Орла. Он видел, как ты появился ночью из ничего в рубище пастуха, но он мол-

чит, он никому не сказал об этом, чтобы не гневить богов. Старый Гасдрубал отдал тебе свой плащ... Скажи, чьей кровью обогрится земля у берегов Трeбии? Скажи...

Я и сам хотел бы знать это. Я мучительно, строчку за строчкой вспоминаю все, что говорится в учебнике о пунических войнах. Я знаю их исход в общих чертах, но, увы, о завтрашнем сражении там ни слова...

— Поднимись к богам, — шепчет мне старик Гасдрубал, — ты знаешь туда дорогу...

— Калюжный! — слышу я голос издали. — Будь добр, Калюжный, спустись-ка на

— Братья Гракхи, — говорю я, чтобы не дать Анне Сергеевне закончить мысль. — Они... были братьями. Они были родными братьями... Один Гракх был старшим братом, другой...

— Другой, естественно, младшим. Скажи мне, Калюжный, ты хоть что-нибудь знаешь из того, что мы проходили с классом?

Я молчу. Я вспоминаю, как неделю назад на исходе дня, блуждая тенью в окрестностях Карфагена, вдруг натолкнулся на мальчонку, одетого в воинские доспехи. Он был мал и худ, но быстр и ловок, как детеныш пантеры.

Я вышел к нему из кустов

землю, расскажи нам, пожалуйста, что ты знаешь о реформах братьев Гракхов.

Я вижу лицо Анны Сергеевны. Анна Сергеевна язвительно улыбается и манит меня к доске.

«Братья Гракхи, — думаю я с тоской. — Они жили целое столетие спустя. Для меня это уже чистая футурология — наука о будущем».

— Ну, Калюжный, не задерживай класс. Если знаешь, рассказывай, а нет, так...

в привычном одеянии пастуха. Мальчишка не испугался. Он мгновенно бросился мне навстречу и упал под ноги. Мы покатались. Он был младше меня года на два, но одолеть его было не так-то просто. Я благодарил судьбу за то, что Валька Скрипник удосужился показать мне два-три приема самбо...

— Ну, а теперь, кто ты? — пристально глядя мне в лицо, спросил будущий полковдец. — Ты не пастух! Ты но-

сишь обличье пастуха, но ты не тот, за кого себя выдаешь!

— Я скромный читатель книги судеб,— ответил я и тут же пожалел об этом.

Глаза у мальчишки округлились. Он издал высокий гор-таный звук, кусты зашевелились, и я оказался в непробиваемом кольце полуголых под-ростков.

— Свяжите его!

О, это они проделали ловко. Только потом я узнал, что мальчишку звали Ганнибалом. Он был сыном великого Гамилкара.

— Ты будешь свободен, богат и знатен, когда покажешь, что умеешь читать книгу судеб,— довольно величественно изрек мальчишка и двинулся к городу. Лежа на плечах у его телохранителей, я пытался прочесть в звездном небе свою собственную судьбу...

— Что же ты молчишь, Калюжный? Неужели ты решительно ничего не знаешь?..

Анна Сергеевна скрестила руки на груди и стала похожа на стражника у моей карфагенской темницы.

— Нет, почему же,— говорю я,— я знаю... В Африке звезды на небе устроены совсем не так, как у нас...

Я замечаю, что Зойка надувает щеки и прижимает ко рту обе ладони. Ей смешно.

Анне Сергеевне почему-то грустно, а ей, видите ли, смешно. И всему классу тоже ужасно весело.

Анна Сергеевна медленно, как при специальной кино-съемке, подходит к столу. Медленно берет в руки желтую шариковую авторучку...

121 год... Да, кажется, этот самый год я видел на странице учебника, там, где шла речь о Гракхах... Пусть будет так: 121 год до новой эры, Рим, середина лета... На улицах возбужденная толпа.

— Гракх защищается! Его люди вооружены и засели на Авентинском холме.

— Убийце ликтора не жить!

— Защитим Гая! Не дадим убить его, как Тиберия!

Ого, тут может дойти до рукопашной! Те, кто победнее, сбиваются в кучу. Говорят взволнованно, с ненавистью глядя на краснолицых важных господ в белоснежных тогах. Смысл речей понятен: толсто-сумы хотят убить младшего Гракха, чтобы отнять у бедноты землю. Там, в сенате, они уже давно подкапываются под законы, которые провели Гракхи...

Голос Анны Сергеевны настигает меня на площади перед сенатом.

— Ну что ж, Калюжный, я ставлю тебе...

— Братья Гракхи боролись за народ,— торопясь и подывая, забормотал я.— Они хотели дать бедным землю. Рабовладельцы ненавидели их за это. Они убили старшего брата, Тиберия, и хотели потом убить Гая. Но он со своими сторонниками укрепился на Авентинском холме. Это было летом 121 года!..

— Господи, но что же ты молчал столько времени?.. Продолжай же!

...Я смотрел вниз с высокого холма. Здесь только что кипел бой. Стонали раненые. С диким ржаньем носились обезумевшие кони. Внизу за деревьями слышались воинственные клики. Толпа вооруженных стрелков преследовала

бегущего к Тибру человека. Я понял: это Гракх. Его сопровождал раб. Беглецам удалось перебраться по мосту на другую сторону реки. Они направлялись теперь к роцце, думая скрыться там от погони. Гракх упал. Что случилось? Раб склонился над ним. Нога! Гай подвернул ногу. Он не мог двигаться дальше. Преследователи были совсем рядом. Гракх просил о чем-то своего верного телохранителя. Тот выхватил из ножен кинжал и вонзил его в тело своего хозяина. В следующее мгновение он сам был схвачен озверевшей толпой...

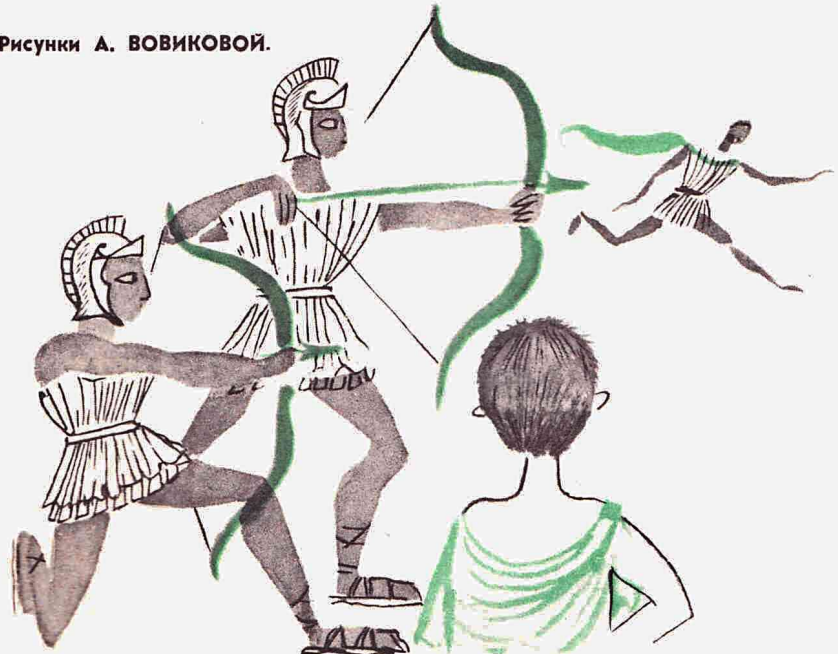
— Историю нельзя выдумывать, Калюжный. Историю надо учить! Тройка с большой натяжкой. Учти, она висит буквально на волоске.

Анна Сергеевна устало опустилась на стул. Я не спорю с Анной Сергеевной. Ей виднее.

...В тот вечер я снова был на улицах Рима. Повсюду на шумных площадях и в кварталах бедняков говорили о геройской смерти Гракха, говорили, что Гай сам приказал заколоть себя. Его раб Фустанатор услышал его последние слова: «Умирают люди, народ не умирает!»

Коля КАЛЮЖНЫЙ, 13 лет.
г. Пружаны, Белорусская ССР

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

СТО ЛОШАДЕЙ В УПРЯЖКЕ

А. ГРИБАНОВ

Есть на Горьковском автомобильном заводе один совсем особый цех. В нем, протянувшись почти на четверть километра, течет лента главного сборочного конвейера. Отсюда начинают свой путь автомашины марки «Волга».

Давайте войдем в этот корпус. Гудят моторы, по сложному лабиринту подвесных путей транспортеры везут кабины, рамы, кузова. Сейчас здесь собираются машины новой марки — «Волга-М24».

Вот сошла с конвейера очередная «Волга». Давайте попросим конструктора А. Невзорова рассказать о ней.

Он подводит нас к машине и поднимает капот. Нам открывается стальное с иссиня-металлическим отливом сердце машины.

— Сто лошадиных сил — вот мощность нового двигателя (в старой машине было всего семьдесят пять), можно сказать, целый табун

в упряжке. И очень резвый табун, сто сорок — сто пятьдесят километров для него не предел...
— Нам показалось, что эта машина ниже ростом, чем прежняя «Волга»...
— Это верно, и в этом достоинство новой машины — она стала намного устойчивее.
— А где же олень, который красовался на первых машинах?
— Убрали оленя. Почему? Расскажу чуть позже.
Конструктор распахивает дверцу, и мы удобно устраиваемся на мягких сиденьях.
— Посмотрите на руль. Помните, на прежней машине рядом был и рычаг для переключения скоростей. А теперь, видите, он на полу. Управление стало проще, удобнее. Еще новинка — передние сиденья разделены — одно для водителя, другое для пассажира. Каждый может отрегулировать кресло по своему вкусу — приподнять или опустить. Что еще? — Невзоров оглядывает машину. Он щелкает какой-то кнопкой, и мы чувствуем прошедшую по ногам волну теплого воздуха (печка и вентиляция заработали. Они обогревают и стекла, поэтому окна не запотевают и не замерзают).

Ну, а теперь пора и прокатиться.

Поворот ключа — и машина плавно выезжает на шоссе. Смотрим на часы. Прошло всего 22 секунды, а стрелка, показывающая скорость, уже на отметке 100 километров. Еще немного — и вот мы уже мчимся с ветерком — скорость 150 километров! Впереди крутой поворот. Конструктор нажимает на тормоза, и машина плавно и мягко затихает на асфальте.

— Конструкторы новой машины много сделали, чтобы поездка была безопасной. К примеру, обычно тормоз в машине один. А здесь два — задний и передний. Это очень важно: ведь они действуют одновременно. Почему-нибудь не сработает один — в ход пойдет другой. Изменили и конструкцию руля. Теперь при резком торможении водитель не ушибется. И оленя сняли с капота не случайно. Конечно, он украшал машину, но был опасен при столкновении.

Работа над новой машиной еще не закончена. Хотим добиться максимальной безопасности.

Мы легко, не выезжая на обочину, разворачиваемся на узком шоссе, и навстречу нам стремительно начинает приближаться заводской гул.

Б. Дж. ЧУТ

Подарок ко дню рождения

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

— **В**от чертов нож! Только жует дерево, а не режет! — Джимми неодобрительно провел большим пальцем по лезвию.

Нож этот, приобретенный по случаю в мелочной лавке за 59 центов, выдывал, должно быть, лучшие дни.

Генри, старательно и любовно полировавший наждачной бумагой крыло самолета, оторвался на миг от работы:

— Нам потребуется резина для мотора.
— У Симпсона найдется, — буркнул Джимми.

Свалка позади симпсоновского гаража, избранная ими для работы, была не самым красивым местом в городе, но зато здесь имелась куча всякого полезного хлама, а забор из расшатавшихся досок отнюдь не являлся непреодолимым препятствием для непрошенных гостей.

Генри кивнул и снова принялся за крыло. Через минуту Джимми с сожалением заметил:

— Мне пора домой. Уже поздно.

— Да ты за пять минут добежишь.

— Но мне надо еще умыться перед обедом,— возразил Джимми тоном человека, которого ожидают серьезные неприятности, и беззлобно прибавил: — Тебе хорошо. На тебе грязь незаметна. В этом твое преимущество.

Со всей серьезностью поразмыслив над сделанным замечанием, Генри не смог, однако, полностью согласиться с ним:

— Не всегда попадается подходящая грязь. Здесь хорошо, а вот на реке глина светлая, и на тебе она не так заметна, как на мне.

— Но сейчас-то мы не на реке,— проворчал Джимми.— А к обеду я должен быть чистым.— Он отложил дощечку, которую строгал, подтянул колени к подбородку и, охваченный недобрим предчувствием, добавил: — Может быть, даже придется принять ванну.

Столь мрачная перспектива тронула Генри. Он последний раз провел наждачной бумагой по крылу и положил его на траву.

— Ладно уж. Пойдем.

Джимми удовлетворенно вздохнул. Вот отчего так крепка его связь с Генри. У Генри обедают позднее, и тот мог бы оставаться здесь до захода солнца, но отказался от этой привилегии, чтобы не огорчать Джимми. Генри был настоящим другом.

С признательностью посмотрев на него, Джимми поднялся и сунул руки в карманы, так оттянув книзу свои шорты, что между ними и рубашкой проглянуло голое тело.

— Завтра увидимся,— и напомнил со значением: — Ведь завтра день моего рождения.— Чтобы не лишиться себя возможного подарка, он при каждом удобном случае упоминал о торжественной дате.

Генри тоже встал.

— Ты уверен, что все нормально, Джим? Твои знают, что я приду?

— Они сказали, я могу пригласить, кого хочу,— заверил Джимми, лимитированный лишь числом гостей: мать предупредила, чтобы за столом было не более восьми человек.— Я подозреваю, что торт будет шоколадный.

— Вот это да! — Генри взъерошил свою густую шевелюру.

— Ну, пошли? — Джимми сложил и сунул в карман нож.

— Пошли!

Они перелезли через забор и разошлись по домам.

Джимми, как обычно, не рассчитал времени. О ванне нечего было и думать, но он с большим присутствием духа соскреб с

лица и рук грязь, по крайней мере настолько, чтобы она не слишком бросалась в глаза, натянул курточку с длинными рукавами с целью скрыть от взора матери все находящееся выше запястий. Что касается коленей, то тут он надеялся на удачу: авось, не заметит.

Надежда была напрасной. Мать вышла из кухни в ту самую минуту, когда он пробирался в столовую, и сказала именно то, что он ожидал услышать:

— О Джимми, твои колени!

Он мог бы с безошибочной точностью сам произнести те же слова и с той же интонацией. Он жалобно посмотрел на мать. Она, как всегда, прямо-таки блистала чистотой, на нее приятно было смотреть, и он рад был бы походить на нее, но вся его натура упорно противилась этому.

— Колени будут под столом, мама! — пробормотал он.

Отец обернулся, окинул его взглядом и издал смешок:

— Мы живем в свободной стране, Энн!

Благодарно ослабившись в ответ, Джимми поспешно уселся на свое место, развернул салфетку, схватил кусок хлеба и задумался о своем дне рождения.

Он твердо надеялся получить от отца очень нужный набор инструментов. Не в его правилах было подглядывать, но не мог же он не заметить, что накануне вечером отец вернулся домой с пакетом многообещающей формы и размеров. Мать, он опасался, подарит ему рубашки. Ей нравится видеть его аккуратно одетым, и она знает, что он постарается бережно обращаться с ее подарком. С одной стороны, это, конечно, смахивает на провокацию, но с другой,— комплимент его благородным чувствам. Ну что ж, эти рубашки будут выглядеть весьма элегантно в его ящике. Мысленно он даже заранее освободил место для них.

— К завтрашнему дню все готово, сын?

Джимми оторвался от своих размышлений.

— Да, сэр. Все придут.

— Кто же эти все?

За него ответила мать:

— Семеро его друзей, дорогой. Я решила ему пригласить, кого он сам хочет.

Джимми набрал воздуха в легкие и стал быстро перечислять:

— Билл, и Спэд, и Джо, и Джим Эган, и Генри, и Пит, и Мики... — Он прибавил задумчиво: — Я знаю, что мне подарит Пит,— галстук! Он сказал, что не думает, чтобы я очень этому обрадовался, но его мать сама купила этот галстук мне в подарок.

— Не надо быть таким меркантильным,— мягко упрекнул отец.

Мать чуть сдвинула брови.

— Генри? Что за Генри, Джимми?

— Генри Вильсон. Джем клубничный? Передай мне его, пожалуйста.

Отец передал ему клубничный джем. Мать продолжала хмуриться. Джимми высмотрел целую клубничку и, положив ее в центр ломтя, стал обмазывать по краям жидким джемом.

— Джимми!

— Да, мама? — Он поднял на нее глаза. Впрочем, он и сам знал, что игру из еды не устраивают, и сразу же отложил нож в сторону.

Однако мать имела в виду другое.

— Генри Вильсон — это не тот ли черный малыш, Джимми?

Он серьезно задумался. Генри был на полголовы выше его самого, но взрослые обычно считают малышом каждого, кто учится в младших классах. И Джимми, оставив без внимания это неточное определение, ответил на вопрос по существу:

— Он не черный, мам. Он темно-коричневый.

Отец и мать поверх его головы переглянулись. Он очень хорошо знал этот взгляд. Иногда за ним следовало предложение пойти поиграть в бейсбол, так как ожидали прихода тетки, а иногда он означал, что Джимми схватил книгу (как правило, невероятно скучную), которую ему не полагалось читать. На сей раз, однако, причин для подобного взгляда как будто не было, и Джимми удивленно спросил:

— Мам?

Она продолжала пристально смотреть на отца, и на этот раз взгляд ее был так красноречив, что Джимми казалось, он слышит звук ее голоса: «Ну, Марк!»

Отец прочистил горло и тяжело двинул стулом. Джимми, положив руки на колени и глядя на свой хлеб с джемом, ждал.

— Я скажу тебе, сын... это немножко трудно... — Должно быть, это было даже очень трудно, так как отец стал вдруг водить своей ложкой по скатерти. — Ты часто играешь с Генри, Джим?

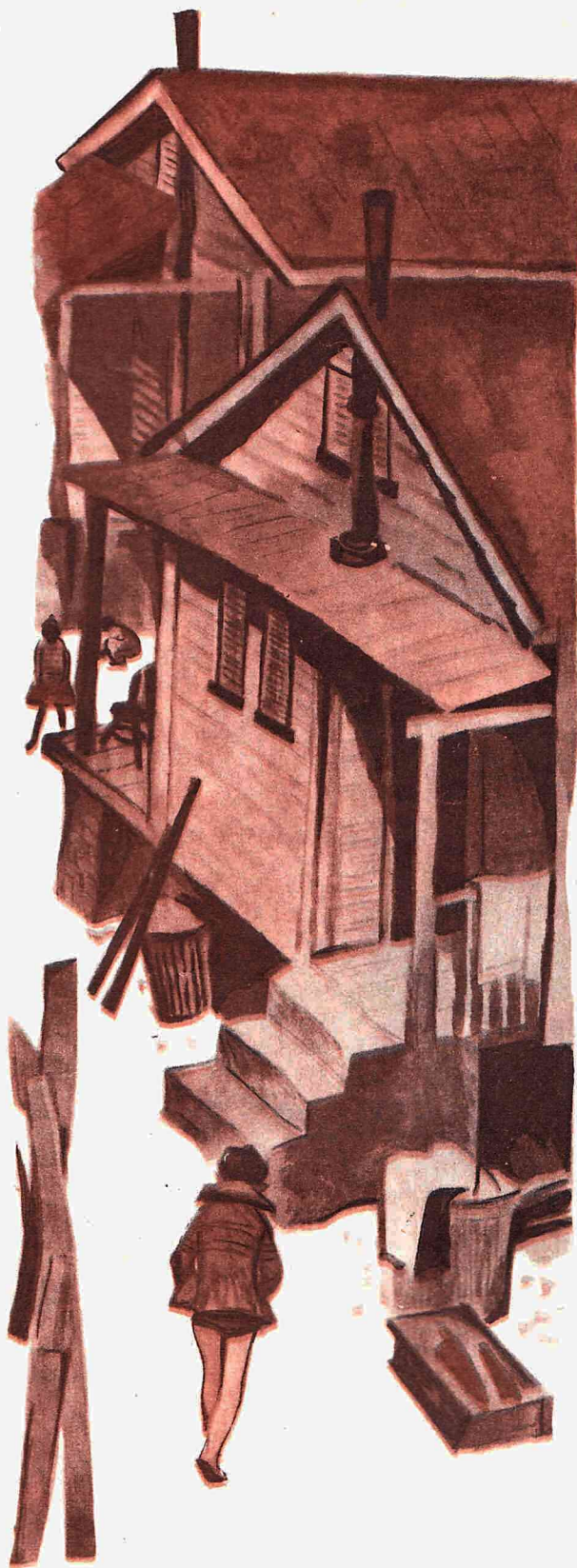
— Вильсоны, — вмешалась мать, — переехали сюда всего недель шесть назад, Марк. Не думаю...

Она не знала, что они вместе с Генри конструируют модель самолета, но это не было тайной, так что Джимми тут же все объяснил, прибавив:

— Мы работаем за гаражом Симпсона. Там очень удобно.

Они как будто не заинтересовались проектом. Отец сказал:

— Так... Я не знаю... — Стул под ним легонько скрипнул. — Джим, есть много вещей, которые тебе пока непонятны. Ты поймешь их, когда станешь старше. Социальные различия, например. Я хочу ска-

Он шел медленно, ощущая какую-то пустоту в душе, не зная, что и как скажет.

зять, что школьные знакомства — это одно, а личные... домашние — совсем другое. — Он чуть виновато улыбнулся. — Боюсь, тебе трудно это понять, но... в общем, я думаю, лучше тебе пригласить кого-нибудь другого вместо Генри, Джим.

Джимми покачал головой.

— Я уже пригласил его.

— Да, понимаю. Я так и думал. — Он беспомощно кинул взгляд через стол.

Мать сказала:

— Мальчика это только смутит, Марк. Вероятно, он никогда не был в доме у... у белых. Он будет чувствовать себя неловко.

Ощувив наконец под ногами твердую почву, Джимми обрадовался.

— О нет, мам, нет! У них дом почти такой же, как у нас. Так что все в порядке.

Голос матери неожиданно стал резким: — Нет, не в порядке, Джимми. Ты должен просто поверить отцу и мне и сделать, как мы велим. Генри поймет.

Джимми недоверчиво оглянулся на отца. Тот невесело кивнул:

— Твоя мать права, Джим.

— Вы хотите сказать, что Генри нельзя прийти ко мне?

Одно мгновение казалось, что они снова собираются начать объяснять все сначала, однако они не стали этого делать. Просто отец твердо и решительно объявил:

— Нет, сын, нельзя, к сожалению.

Он знал этот тон, означавший, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Не сводя глаз с лежавшей на куске хлеба клубнички, он сказал только:

— Да, сэр.

Сразу после обеда он отправился к Вильсонам предупредить Генри, чтобы тот не приходил. Он шел очень медленно, ощущая какую-то пустоту в душе, не зная, что и как скажет. Ноги плохо повиновались ему, когда он поднимался на крыльцо, падец долго отказывался нажать такую знакомую кнопку.

Когда прозвучал звонок, в доме послышались голоса и шаги. Мистер Вильсон, справившись с задвижкой, имевшей тенденцию к застреванию, открыл дверь.

— Добрый вечер, Джимми! Входи.

Он был большой, степенный, черный. Он очень нравился Джимми, но сейчас тот охотнее всего повернулся бы и убежал. Пересилив себя, он, однако, последовал за мистером Вильсоном в гостиную.

Это была просторная, привлекательная комната. Миссис Вильсон, очень маленькая, подвижная и светлая женщина, шила, сидя под лампой. Она улыбнулась Джимми и перекусила зубами нитку. Генри сидел на корточках посреди комнаты, подперев

подбородок кулаками, и читал страничку юмора в газете. Он поднял голову и с коротким «Хи!» подвинулся, давая товарищу место.

Джимми, не двигаясь, смотрел на забавную картинку в газете и чувствовал себя глубоко несчастным. Затем он набрал воздуха в легкие и одним духом выпалил:

— Меня послал отец, он считает, что Генри не следует приходить на мое рождение.

Мистер и миссис Вильсон обменялись тем особенным взглядом, которым обмениваются родители Джимми беспомощно ждал, чтобы кто-нибудь произнес хоть слово. Он посмотрел на Генри. Тот теперь сидел на полу, вытянув ноги, и тщательно вырезал из газеты смешную картинку; за его спиной лежала уже небольшая, аккуратно сложенная стопка таких картинок.

Некоторое время Джимми смотрел на макушку Генри, затем с отчаянием оглянулся на мистера Вильсона. Мистер Вильсон поспешно сказал:

— Все в порядке, Джимми! Все в полном порядке. Мы понимаем.

Джимми отвернулся и закусил губу. Он хотел что-нибудь сказать, но не находил слов. Гнетущую тишину прервал мистер Вильсон. Очень мягко он спросил жену:

— Есть у нас что-нибудь вкусное, Джен?

— Там в банке остался имбирь. Генри...

— Я только что пообедал, — поспешно сказал Джимми и тут же пожалел о своих словах: есть ему действительно несколько не хотелось, но отказываться в данном случае не следовало.

Однако миссис Вильсон, казалось, поняла, что сразу после обеда у человека не может быть аппетита, и, молча кивнув, снова принялась за свое шитье.

Внезапно Генри поднялся.

— Ма, ты не нашла ленту?

Она отрицательно покачала головой.

— Я хотела поискать ее позднее. Но, думаю, Джимми не обидится, если будет не лента, а шнурок, дорогой.

Генри подошел к камину. На полке рядом с большими бронзовыми часами лежал пакетик в тисненой бумаге, перевязанный зеленым шнурком. Генри взял его обеими руками и протянул Джимми.

— Это тебе. Я хотел перевязать его лентой, но раз ты... раз я не... лучше я отдам его тебе сейчас.

Джимми машинально принял пакетик. Он выполнил приказ. Он сказал то, что ему велено было сказать, то, для чего его сюда послали. Теперь ему оставалось только уйти.

— Ну, скоро увидимся...

— Конечно, — подтвердил Генри. — Скоро увидимся.

— Это тебе,— сказал Генри.— Я хотел перевязать его лентой, но раз ты... раз я не... лучше я отдам его тебе сейчас.

— Ну... спокойной ночи вам всем.

— Спокойной ночи, Джим.

Он побрел к двери, вышел, спустился с крыльца. Он так крепко сжимал в руке пакетик, что шнурок впился в ладонь. Положив подарок Генри в карман, он быстро зашагал домой.

Отец в гостиной читал вечернюю газету. Когда Джимми вошел, он поднял голову. Мать выглянула из кухни с посудным полотенцем в руках и остановилась на пороге, глядя на них обоих.

— Я сказал ему,— доложил Джимми.

Отец аккуратно сложил газету, нагнулся и опустил ее на пол, рядом с креслом.

— Что же он ответил?

— Ничего.

Наступила короткая, напряженная пауза. Джимми повернулся к двери.

— Джим!

— Да, сэр?

— Куда ты?

— Делать уроки.

— О!.. Это правильно.— Отец снова наклонился за газетой, которую только что так тщательно сложил.

Джимми стал подниматься по лестнице. Он слышал за спиной их голоса, потом мать снова вернулась на кухню. Он вошел в свою комнату, закрыл дверь, постоял

немного, затем взял задачник, бумагу и карандаш и сел за уроки.

Первая задача была еще глупее большинства арифметических задач, но особых трудностей не представляла. Он подумал, справится ли с ней Генри. Тот обычно приходил в полнейшее замешательство от таких задач из-за множества содержащихся в них дробей: ведь никакой проблемы вообще не возникло бы, не поленись человек, о котором говорилось в задаче, поработать еще четверть часа.

Джимми посидел, уставившись взглядом в одну точку, положил скрещенные руки на учебник и опустил на них голову.

Услышав, как мать отворяет дверь, он торопливо выпрямился. Постояв немного, она сказала:

— Не засиживайся слишком поздно, дорогой!

— Хорошо, мама.

— Спокойной ночи, Джимми.

— Спокойной ночи.

Она повернулась, чтобы уйти, но, уже взявшись за ручку двери, заколебалась.

— Все в порядке, Джимми?

Он ответил, что да, и она вышла.

Некоторое время он сидел, погруженный в уныние, и машинально тыкал карандашом в настольную бумагу. Потом резко отодвинул стул и поднялся. Он был бессилен против случившегося, и лучше бы ему вовсе забыть об этом.

Внутренне опустошенный и безутешный, он стал раздеваться. Рука его наткнулась на лежавший в кармане пиджака подарок Генри. Он вынул его и положил на комод, в самый центр, так что по одну сторону оказались гребень и щетка, а по другую — коробка из-под сигар, подаренная ему дядей Джорджем и служившая теперь хранилищем для гвоздей, бечевки и прочих необходимых вещей, которые в любую минуту могли понадобиться.

Потом он вытащил валявшуюся на самом дне стенового шкафа пижаму и приступил к умыванию. Эта процедура протекала с осложнениями. Сперва мыло, выскользнув у него из рук, завалилось за радиатор. Затем он уронил в раковину крышечку от тюбика с зубной пастой, и она скатилась в водопроводную трубу. Представлялось чрезвычайно важным делом извлечь ее оттуда, но это потребовало уйму времени, величайшего терпения и длинного куска проволоки из сигарной коробки.

Преодолев в конечном счете все препятствия, Джимми неохотно открыл окно, выключил свет и забрался в постель. Он полежал немного на спине, потом с тяжелым вздохом свернулся клубочком. Обычно стоило ему принять эту позу, как он мгновенно засыпал, но на этот раз сон

не шел к нему. Он перевернулся на другой бок, и пружины матраца сердито заскрипели.

Он плотно сжал веки и явственно представил себе пакетик в центре комода. Что бы там могло быть? Ничего, конечно, особенного, так как ресурсы Генри не превышали его собственных, но наверняка что-нибудь из того, что ему хотелось иметь. Например, цветные карандаши, или мелки для рисования, или еще что-нибудь из множества вещей, которые, как знал Генри, были нужны ему.

Он сел на постели, включил свет и посмотрел на комод. Пакетик и правда был совсем маленький, и Джимми решил. Он откинул одеяло, спустил ноги на пол, подбежал к комоду и вернулся назад в постель, сжимая подарок в руке. Он попытался на ощупь определить содержимое, но внутри была коробочка, и догадаться, что в ней, он не мог. Тогда он не спеша развязал шнурок, намотал его колечком на палец и отложил в сторону. Затем все так же неторопливо развернул и аккуратно сложил бумагу.

На соломенного цвета коробочке стоял глубокой фирменный знак: «Джексон. Скобяные товары». Теперь уже со сладким замиранием сердца Джимми поднял крышку. На картонной прокладке лежал перочинный нож. Джимми раскрыл его. Лезвие было гладким, блестящим и очень острым. Таким ножом можно глубоко вырезать свои инициалы на деревьях, ровным слезем снять крепкую кору с ивовых ветвей, придать нужную форму элеронам самолета. Это был великолепный нож, и чувство обладания им было глубоко волнующим.

Магазин скобяных товаров Джексона был лучшим в городе, и цены там были высокие. Генри должен был долго копить деньги на этот подарок.

Лежа в кровати и любуясь изумительным ножом, Джимми стал вспоминать. Вот почему Генри решительно заявил, что мороженое отобьет у него аппетит перед обедом. Вот почему он решал задачки на обрывках бумаги, хотя в школьном киоске имелись отличные блокноты. Вот почему он уговаривал Джимми пройтись, когда можно было воспользоваться трамваем. Он откладывал каждую лишнюю монетку в 5 и 10 центов, чтобы купить этот нож.

Джимми нежно провел пальцем по гладкой, изящной рукоятке. Завтра он первым же делом отправится поблагодарить Генри.

Он вдруг ясно представил, как знакомая дверь захлопывается у него перед носом. Он плотнее прижался к постели, вытянувшись во всю длину, упершись пятками в одну стенку кровати, а головой — в другую. Он не мог теперь так просто прийти

к Вильсоном, чтобы сказать Генри «спасибо». Он вообще не знал, захотят ли они еще когда-нибудь видеть его после того, что случилось.

Долгое время он лежал, не шевелясь, глядя пустыми глазами в пространство. Затем внезапно вздрогнул, потянулся к выключателю. Когда комната погрузилась в темноту, он плотнее закутался в одеяло, натянув его до самого подбородка. Он услышал, как громко тикает будильник. Кажется, его тиканье никогда еще не было таким громким.

Джимми беспокойно ворочался на постели, сбивая простыни и стараясь улечься поудобнее. Он чувствовал себя таким несчастным, что даже новый нож по-настоящему не радовал его. Он не ощущал сейчас ничего, кроме этого глубокого несчастья, а в уши ему назойливо стучал будильник.

Он зарылся лицом в подушку, обхватив ее руками и сжимая в кулаке нож, и горько, отчаянно заплакал. Он перестал плакать только потому, что ему необходимо было подумать.

Сбор гостей был назначен на полдень.

В 11.15 Джимми вошел в кухню, приставил табуретку к буфету и, взобравшись на нее, снял сверху красную с белым коробку. Он не собирался таиться и, если бы вошла мать, объяснил бы ей все. Но она не вошла, и ему не пришлось давать объяснений.

Осторожно приподняв крышку, он заглянул в коробку. В ней был шоколадный торт, украшенный белой глазурью, а по кругу светло-желтые буквы: «Счастливого дня рождения, Джимми!».

Прижимая коробку к груди, он слез с табуретки, достал из ящика нож, которым режут хлеб, аккуратно отрезал от торта два больших куска, завернул их в вощеную бумагу и положил вместе с двумя яблоками в свою коробку для школьных завтраков. Затем, поставив табуретку на место, он принялся искать остальные вещи, приготовленные матерью для праздничного стола. Он нашел их не сразу, но все же нашел — за электрическим прибором для поджаривания тостов. Он отобрал две толстые свечки, две ярких хлопушки и две бумажных салфетки, на которых было написано: «Поздравляем с днем рождения!» Кроме того, там лежала коробочка с мятыми леденцами, и Джимми, поколебавшись, какие выбрать, решил наконец взять шесть — по два каждого цвета. Все это он положил в свою коробку для завтраков вместе с тортом и яблоками. Наконец, он захватил еще несколько спичек с плиты и сунул их в карман, в котором лежал подаренный Генри нож. Окинув взглядом кухню и убедившись, что ничего не забыл, он вышел, держа в руке свою коробку для

завтраков, и через заднюю калитку прошел на дорогу, по которой каждое утро ходил в школу. Но сегодня была суббота, и ему незачем было идти туда. Вместо этого он отправился к гаражу Симпсона.

Генри был здесь. Сидя у забора, он рассматривал кусок грязного резинового шланга, найденного в куче хлама. Заслышав шаги Джимми, он быстро поднял голову, и лицо его выразило удивление.

— Хэлло! — сказал Джимми.

Он поставил на землю коробку и присел рядом с ней на корточки. Потом, выбрав место почище, разложил бумажные салфетки. Чтобы их не унесло ветерком, он прижал каждую к земле яблоком. Затем вынул из коробки два куска торта, оставив их на вощенной бумаге, в которую они были завернуты, и пристроил на каждом куске по свече. Рядом он положил по хлопушке и по три леденца. Под конец он зажег свечи. На секунду они замигали, готовые, казалось, потухнуть, но он ладонью прикрыл их от ветра, и понемногу пламя стало ровным — бледное в ярких лучах солнца и все же торжественное. Джимми оглядел сервировку и пришел к выводу, что, несмотря на походный вид, получилось довольно празднично.

— Ну вот! — объявил он и впервые оглянулся на Генри, сообразив вдруг, что тот все это время оставался безмолвным и недвижимым.

Генри сидел все в той же позе, словно застыл, и тяжелым взглядом следил за приготовлениями друга. На миг Джимми с ужасом подумал, что гость его сейчас заплачет.

Он поспешно схватил одну из хлопушек и протянул ее Генри.

— Видишь? Начнем с этой!

Генри фыркнул, но в этом звуке было уже что-то успокоительное и привычное — все равно, как если бы вы подтянули штаны перед тем, как взяться за работу.

— Давай! — с чувством облегчения предложил Джимми.

С серьезными лицами они потянули каждый за свой конец и были вознаграждены негромким, но приятным для их слуха хлопком и зеленой шапочкой из шелковой китайской бумаги. Из второй хлопушки выскочила оранжевая шапочка. Джимми тут же надел ее, и Генри после минутного колебания последовал его примеру, надев зеленую шапочку. Теперь праздник стал наконец настоящим.

Джимми радушным жестом пригласил гостя разделить с ним трапезу и нагнулся, чтобы задуть свечу на своем куске торта. Генри остановил его:

— Задумай желание! Ведь сегодня твоё рождение.

Это было верно. Джимми едва не упустил из виду столь важный ритуал. Между

тем в данном случае можно было считать, что практически действуешь наверняка: ведь для того, чтобы желание исполнилось, необходимо было задуть всего одну свечу. Джимми плотно смежил веки и быстро произнес про себя: «Хочу, чтобы все стало так, как было раньше». Затем он дунул на свечу, и она сразу погасла.

Открыв глаза, он увидел, что Генри смотрит на него с улыбкой, широко улыбнулся в ответ, слизнул со свечи нагар и положил ее на салфетку.

Некоторое время оба молчали, попеременно откусывая по куску от сочного яблока и от покрытого глазурью торта. Затем Джимми с полным ртом произнес:

— Шикарный нож!

Генри кивнул в знак согласия.

— Ты тоже можешь пользоваться им, когда захочешь.

— Спасибо.

Они прервали разговор, чтобы подобрать все оставшиеся от торта крошки. Затем Джимми указал на леденцы и дал другу практический совет:

— Их надо сосать, тогда их надольше хватит.

Они стали сосать леденцы, надолго растянув это удовольствие. Джимми вздохнул, ослабил пояс на штанах и осведомился:

— Ты нашел хорошую резину?

Генри кивнул, поискал возле себя в траве и протянул другу длинный кусок шлан-

Джимми зажег свечи, потом оглядел сервировку и пришел к выводу, что, несмотря на походный вид, получилось довольно празднично.

га. Резина была упругой. Джимми одобрил ее и, вернув, предложил:

— Хочешь взять мой старый нож, чтобы разрезать ее? Он не слишком острый, но, если хочешь, можешь оставить его у себя насовсем.

Генри с явным удовольствием принял дар. Джимми подумал, как хорошо, что он случайно захватил его с собой. Он вынул собственный новый нож, раскрыл его и оглянулся в поисках подходящего куска дерева для пробы. Генри, ни слова не говоря, подал ему тот кусок, который они берегли, потому что он был особенно ровным, прямым и словно бы специально предназначенным для самолетостроения.

Джимми принялся строгать. Воробей опустился подле них на траву, чтобы исследовать валявшуюся там бумагу, но на ней не осталось ни крошки, и он, разочарованный, улетел. Они работали молча, в добром согласии дружно трудящихся людей. Джимми, весь ушедший в свою работу, что-то тихо мурлыкал себе под нос.

Внезапно на него упала тень, и он поднял голову. Над ним стоял отец.

— Пойдем, Джим! — сказал отец резко. — Твои гости ждут тебя.

Джимми медленно поднялся. Отец его посмотрел на Генри, который не двинулся с места, и перевел взгляд на траву. Ничего особенного он не увидел. Там валялась коробка из-под завтраков, воцеленная бумага, салфетки, две лопнувших хлопущки и огрызки яблок.

Джимми неуверенно объяснил:

— Мы праздновали мое рождение.

— Вижу. — Отец так внимательно разглядывал остатки пиршества, точно хотел увековечить их в своей памяти, точно здесь, правда, было что-то важное. Затем он сказал: — Я вижу, Джимми, что вы праздновали. Но сейчас пойдем домой. Твои гости — твои другие гости — ждут тебя.

Джимми кивнул, поднял коробку и принялся складывать в нее остатки праздника. Точно мистер Симпсон мог бы выразить недовольство, если бы в куче его хлама оказался не принадлежавший ему мусор.

Под конец Джимми поднял с земли кусок дерева, над которым трудился, с нежностью посмотрел на него и протянул другу.

— Поработай над ним, если хочешь. Завтра мы доделаем крылья.

Отец Джима с минуту молча смотрел на Генри, потом сказал:

— Похоже, у вас выйдет неплохой самолет. — И, взяв сына за руку, повел его домой.

Перевела с английского
Т. ГИНЗБУРГ.

Зинка + Вовка + ковер

— Угу-гу-ууу! — дико закричала Зинка и спрыгнула с дерева прямо на морковную грядку. Тут она вытряхнула из сандалий землю, протяжно вздохнула и отправилась в сарай за шлангом. Она обещала бабушке полить огород.

Еще раз вздохнув, Зинка включила насос и уже направила струю на грядки, когда увидела над забором знакомую физиономию соседа Вовки.

— Все поливаешь? Ну, давай, давай... А к Ильюшкиным гость приехал, говорит, в цирке работает! Фокусником! — торжествующе сообщил Вовка.

— Эка невидаль, — мрачно заметила Зинка, продолжая свою работу, и вдруг неожиданно для себя направила струю прямо Вовке в лицо. — А ну-ка не мешайся тут!

— Ты что? — обиделся Вовка и сполз с забора.

Зинка бросила шланг и в два счета оказалась на своей любимой вишне.

— Ладно, Вов, — примирительно сказала она. Ей совсем не хотелось ссориться с другом. — Помоги мне дополивать и вместе сбегает.

...Солнце тронуло верхушки сосен за речкой, когда они вышли за калитку.

— Побежали? — предложила Зинка.

— Побежали! — согласился Вовка.

Дача Ильюшкиных находилась в самом конце деревни.

Спиной к распахнутому окну стоял молодой мужчина в домашнем халате. Над его головой взлетали белые шарик.

— Он? — шепотом спросила Зинка.

— Он.

Мужчина в комнате вдруг поймал все шары и обернулся к окну.

— Вам что, друзья?

— Дяденька, мы это... — пролепетал Вовка.

Зинка ослепительно улыбнулась.

— Скажите, а что, правда, что вы фокусы показывать умеете?

Фокусник усмехнулся.

— Я волшебник — сказал он. — Хотите, полезайте ко мне в окно.

— Не-е... — протянул Вовка, оказавшись в комнате. — Волшебники такими не бывают.

Волшебник протянул вверх руку.

— Вот, пожалуйста, у меня в руке шапка-невидимка.

— Но ведь у вас в руке ничего нет! — засмеялась Зинка.

Волшебник подошел и протянул к ней руку. Зинка, к величайшему своему изумлению, нащупала что-то мягкое и пушистое.

— Можно, я надену? — неуверенно попросила она.

Зинка исчезла и появилась снова, а ее приятель все сидел с открытым ртом и не мог вымолвить ни слова. Наконец он пришел в себя.

— Ой, дяденька волшебник, дайте мне, пожалуйста, поносить эту шапочку!

К удивлению ребят, волшебник согласился.

— Любезная леди Зинаида, не хотели бы вы получить на время ковер-самолет?

Зинка смутилась. Ей не хотелось показаться нахалкой.

— Получай. — Волшебник сделал широкий жест, и к Зинкиным ногам откуда-то сверху упал туго свернутый ковер.

*

Прижимая подарки так, словно кто-то собирался отнять их, ребята вывалились в окно и пустились восвояси.

По дороге им встретилась ватага мальчишек, предводительствуемая Викой. В шортах и кедах, с мокрыми распущенными волосами, она, должно быть, вела их с речки.

— Привет, — бросила Вика, оглядев приятелей из-под своих длинных ресниц. — А мы с пляжа. Водичка сегодня что надо! Будете с нами в футболчик?

— У нас дела поважнее, —

сухо ответила Зинка, перехватив покрепче ковер.

Вика взглянула на своих телохранителей и философски заметила:

— У каждого свои дела.

Ватага громко рассмеялась, словно их предводительница и вправду сообщила что-то необычайно остроумное.

Когда компания церемонно проследовала мимо, Вовка помаялся и сказал:

— Кривляка она и больше ничего.

К Зинкиной даче подошли молча. К счастью, бабушки дома не было. Волшебные вещи замаскировали в лопухах у забора.

*

Минутная стрелка подползла к двенадцати, а часовая остановилась на шести. В Зинкиной комнате раздался звонок. Зинка поспешно сунула будильник под подушку и прислушалась. В доме было тихо.

Она осторожно вылезла из-под одеяла и, стараясь не наступать на скрипучую половицу, подошла к шкафу. Здесь нашла она свои новые брюки и свитер.

Одевшись, Зинка взглянула на постель и замерла. Под одеялом сладко спала... она, Зинка! Две тугие белообрывые косички лежали на подушке, щека была густо усыпана веснушками.

— Эй! — сказала Зинка.

Та, другая, открыла один глаз и хмуро спросила:

— Чего тебе?

— Как это чего? — возмутилась настоящая Зинка. — Кто ты и что здесь делаешь?

— Я тебя замещаю, а что? «Ничего себе, — подумала Зинка, — шуточки!..»

Под окном кто-то завозился. Зинка выглянула и увидела нарядно одетого Вовку.

— Ну, ты скоро?

— Сейчас, — ответила Зинка шепотом и покосилась на кровать.

Девочка безмятежно спала. «Вот нахалка!» — подумала Зинка, но уже весело, и выпрыгнула в окно.

*

Ковер летел над морем. Зинка смотрела вниз и приветливо махала рукой дельфинам.

Внезапно впереди возник золотистый берег и большой белый город на холме. Экзотические деревья подступали к самой воде.

Зинка не успела растолкать Вовку. Ковер плавно опустился на песок.

— Что такое? Где мы? — проснулся Вовка.

К ковrolетателям по берегу спешила девочка. Когда она подошла, ребята увидели: у нее черные, как смоль, волосы, а глаза на удивление синие-синие...

— Кто ты? — спросил Вовка.

— Мелина, — назвалась девочка. — Меня зовут Мелина.

— Хорошее имя, — кивнул Вовка, — красивое.

Девочка покраснела и уставилась в песок.

— А почему ты одна?

— Потому что со мной никто не может дружить. Все меня боятся. Они называют моего отца государственным преступником. Потому что он против военного правительства, против диктатуры фашистов.

Наступила неприятная тишина.

— Но у тебя есть мама? — с надеждой в голосе спросила Зинка.

Девочка отвернулась и промолчала.

— Значит, ты живешь одна?

— Да, — тихо ответила Мелина.

Вовка помрачнел. У Зинки выступили слезы на глазах.

— Хватит нюнить! — строго сказал Вовка. — Нужно действовать!

Девочка недоверчиво и вместе с тем с уважением посмотрела на Вовку.

— Я видела, как вы прилетели на этом пледе, — сказала она и указала на ковер. — Вы откуда?

— Мы пионеры из Советского Союза, — ответила Зинка, вытирая слезы. — Но ты никому не говори...

— Я знаю, я научилась молчать, — сказала Мелина твердо. — А теперь идемте со мной. Я покажу, где я живу.

Мелина жила в небольшом домике у моря. В маленьком дворике росли три мандариновых дерева.

Ребята вошли в дом. В единственной комнате было чисто. На стене висела фотография смеющегося мужчины в военной форме.

— Это мой отец, — объяснила Мелина.

В эту минуту в дверь постучали. Зинка и Вовка тревожно переглянулись. Вошли двое, и в комнате сразу стало тесно.

Один из пришедших — пожи-

лой рыбак, широкоплечий, бородатый, — принес Мелине сверток. Второй, совсем еще юный, был, по всей вероятности, сыном рыбака.

— Здравствуй, — сказал паренек и пожал девочке руку.

— Как живешь, дочка? — обратился его отец к девочке. — Я вижу, у тебя появились друзья?

— Это советские пионеры! — воскликнула Мелина.

— Они из России? — вскинул брови рыбак.

— Да, — не без гордости произнес Вовка. — Это Зина, а я Владимир.

— Меня зовут Микис, — представился юноша и попросил: — Расскажите о вашей стране.

Ребята принялись рассказывать, но тут оказалось, что их новые друзья знают о нашей стране больше, чем они.

«Вот что значит лазать по деревьям вместо того, чтобы читать газеты», — с досадой подумала Зинка и вспомнила, что целую неделю не брала в руки «Пионерскую правду».

Вовка преуспел больше. (Он очень любит «Пионер» и даже начал читать «Комсомолку».)

— Ну, нам пора, — сказал отец Микиса.

Он достал из кармана деньги, положил их на стол.

— Это тебе от комитета. Держись, девочка!

*

Ребята шли вдоль берега, оглядая валуны и рыбацьи лодки.

— Смотрите. Видите там вдалеке остров? — спросила Мелина. — Там находится тюрьма.

Вовка и Зинка посмотрели и действительно увидели далеко в море клочок земли — остров.

— У тебя есть веревка потоньше? — спросил Вовка Мелину.

— Есть. Но зачем? — поинтересовалась она.

— Тогда тащи ее сюда.

— Зачем тебе веревка? — спросила Зинка, когда Мелина ушла.

— Помнишь, как Гулливер увел вражеский флот лилипутов?

— Но с нами нет Гулливера!

— Зато у нас есть ковер-самолет!

*

— Команда готова? — спросил Вовка.

— Готова! — ответила Зинка, не зная, к чему, собственно, они должны быть готовы.

— Тогда по местам!

Это значило, что Зинка должна быть на ковре вместе с Вовкой, а Мелина в одной из лодок.

Следуя приказу Зинки, ковер-самолет, увлекая за собой флотилию лодок, полетел к злополучному острову.

Мрачные, глухие стены крепости отделяла от моря узкая полоска берега.

— Оставайтесь здесь, у лодок, — приказал Вовка девочкам и надел шапку-невидимку.

Возле ворот он увидел: в полосатой караульной будке стоит солдат.

Вовка прошмыгнул мимо солдата и попал во внутренний двор тюрьмы. Оглянулся: солдат стоит разморенный, ему жарко... Значит, не заметил.

В узких, мрачных коридорах тихо. Вовка шел вперед, осторожно, крадучись.

Из-за поворота показались двое. Это тюремщики делали обход. Они подошли к зеленой двери, на которой вместо замка был установлен телефонный диск. Один из них набрал номер, и дверь бесшумно отошла в сторону.

Вовка понял: ключом к каждой камере служит номер!

— ...Что-то его долго нет, — тревожно вздохнула Зинка.

Мелина не ответила. Она сидела на лодке и со страхом смотрела на стены крепости.

Где-то в тюрьме раздался выстрел. Потом еще и еще...

— Ой! — вскрикнула Зинка. — Я боюсь!

Из ворот бежали люди в тюремных куртках. С автоматами преследователей что-то случилось: ни один из них не стрелял. В толпе заключенных девочки увидели Вовку.

— К лодкам! — послышалась его команда.

В эту секунду над Зинкиным ухом просвистела пуля, посланная со стены, и... Зинка лишилась одной косички.

— Папа! Папочка! — закричала Мелина. — Я здесь!

Навстречу ей бежал мужчина, знакомый ребятам по фотографии.

Теперь они были вместе — греческая девочка с красивым именем Мелина и ее отец, борец за свободную Грецию.

Ковер взмыл вверх.

Вовка + Зинка

Этот рассказ, занимающий в рукописи девять страниц, мы смогли напечатать лишь в отрывках. Просим «Вовку + Зинку» назвать свое настоящее имя.

Редакция.

РАДИОСТАНЦИЯ
«ЗДРАВСТВУЙ»

Фрлибустьер

Балдырган (Росток)

САМИ!

НИКОЛАЙ КРАВЧЕНКО
(дер. Таврическая).
Учитель оставляет редколле-
гию после уроков, дает листки
из календаря или открытки и
заставляет выпускать газету.
Разве это порядок?!

ВЯЧЕСЛАВ ШУЛЕПОВ
(г. Очер).
Мне газету читать интересно,
потому что в ней написано обо
всем, что происходит в клас-
се.

Сквозняк

КОРЕШ

Увья

ГАЗЕТА

ОЛЯ МАРУСОВА
(г. Уссурийск).
Газета нравится, если в ней
рассказы недлинные, рисунки
яркие (а не приклеенные кар-
тинки) и много стихов и юмо-
ра.

ИРА ПЕТУХОВА
(пос. Мельничная Падь).
Газета выходит только к
праздникам. Я не согласна!

Забияка

НАТАША ЗИНЧЕНКО
(г. Харьков).
Заголовок газеты пишут роди-
тели, а заметки — учительни-
ца. Надо, чтобы газету выпу-
скали ребята, а не взрослые!

НУРАЛАЙНА АТАЕВА
(г. Гудермес).
Главное, чтобы всем было ин-
тересно делать газету.

МЫ-1969

ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

«Фор-трюмсель» и другие

Газета называлась странно:
«Фор-трюмсель».
— Есть такой парус, — ска-
зали ребята. — Самый верхний, на передней
мачте. И маленький, вроде нашей газетки.
Его ставят на самых быстрых судах — кли-
перах. Ну вот и у нас...

Командовали «Фор-трюмселем» пятеро
шестиклассников, очень непохожих на
примерных активистов и отличников.

Каждый номер был как взрыв неболь-
шой гранаты. У газеты хохотала и спорила
толпа читателей. Учителя порой не начина-
ли занятия, пока, хотя бы бегло, не про-
смотрят новый выпуск.

Иногда после уроков закипал внеоче-
редной сбор, на котором обиженные кры-
ли газету за «перегибы». Но редакторская
пятерка всегда умела доказать, что она
права. Ребята не боялись споров, которые
помогали делу.

Сейчас, просматривая газеты и письма,
которые пришли в ответ на нашу анкету
(ты, конечно, читал ее в № 3 за этот год), я
очень жалел, что не встретил среди них
письма из такой газеты, как лихой «Фор-
трюмсель»...

753 письма пришло в ответ
на этот вопрос. Кто-то совету-
ет, кто-то спрашивает, одни
отчаиваются, другие уверены:
их газета — самая лучшая.

Зато есть много (к сожалению, слишком
много) писем, где любви к своей газете не
чувствуется. В одном, смотришь, хва-
лят газету, в другом — ругают. А пригля-
дишься внимательнее — одно и то же. В
обоих случаях газета выпускается обяза-
тельно к праздникам, после того, как «ска-
жет классная 'руководительница». Эта же
классная руководительница приносит
большинство материалов — только перепи-
сывай поаккуратней. Разрисовывается
пышный заголовок. Наклеиваются выре-
занные из журналов картинки. Издалека
посмотришь — красиво. Одни ребята счита-
ют, что так и должно быть. И хвалят такие
газеты. Другие откровенно говорят: «Скуч-
но!» И они правы.

Ну, а как сделать, чтобы газета была
боевой? Чтобы стала она «флагом и парусом»
отряда? Не подумайте, что я хочу да-
вать советы на все случаи. Ведь и отряды
разные, и люди в них всякие. Что хорошо
для одних, для других не годится...

ИГНАТЫ
РЕТЬ ПАРТЫ

БОРИС ТРОФИМОВСКИЙ
(г. Воронеж).
Чем поможет газета, которая
выпущена не для дела, а для
заветных очков?

ГАЛЯ КОНДРАТЬЕВА
(г. Рязань).
Хочу, чтобы в газете писали
честно и откровенно.

ЛЮДА ГАЛАКТИОНОВА
(пос. Жарковский).
Ребята думали: в газете мож
но только критиковать и рисо
вать карикатуры. Я думаю
иначе и пишу обо всем.

Машьял (Маяк)

ТАНЯ ПРОСЕНКОВА
(г. Новосибирск).
В газете многое из книг и
журналов. Мне это не нравит
ся!

Наш Конек

Шатлыкы а
(Веселый Ве

ИНТЕРЕСНЕ?

ТАНЯ СТЕПАНОВА
(г. Пенза).
В стенгазете все должно быть
сделано своими руками.

ВЛАДИМИР ГУЦУ
(с/с Кайнар-Векь).
Хочу, чтобы в газете писали
обо всем, что происходит в
школе, и выпускали ее раз в
месяц.

Школьный
Директор (Светлячок)

ПАВЕЛ ГРЕБЕНЮК
(г. Шамхор).
Я пишу в газету о происшеств
виях и о наших ребятах...

Дятел

Сонечко

Мы благодарим всех, кто написал нам и прислал свои газеты, всех, кто любит юнкорское дело. На вопросы ребят отвечают писатель и журналист

Год назад, в декабре, я в одном шестом классе видел такую картину: девочка, член совета отряда и член редколлегии, наседа-ла, метала громы и молнии на мальчишку-одноклассника.

— Давай сию же минуту заметку! Опять подводишь? Антонина Павловна, ну смотрите, Ветлугин опять не написал! Если через пять минут не будет заметки, вызовем на совет отряда!

— Не умею я... О чем писать, если я ничего не придумал?... — мрачно бубнил бедный Юрка Ветлугин.

И мальчишки смотрели на него с сочувствием. И я, признаться, тоже.

Во-первых, он действительно не умел писать заметки. А ему толком не объяснили. Просто «давай пиши, о чем хочешь, а то худо будет», — и точка.

Во-вторых, он совершенно не чувствовал, что «подводит». Он видел, что газету делают по требованию учительницы, что ругают там одних и тех же двоечников, и

скука там, и толку никакого. Ребятам было все равно, есть газета или нет. Она не была ИХ газетой, они не любили ее такую. Да и какая уж любовь, когда под страхом наказания выколачивают заметки!

Я уже слышу возражения: «Как же газета станет хорошей, если все будут сидеть сложа руки? Всем надо работать, стараться. Одна редколлегия ничего не сумеет».

Правильно? Кажется, да.

А на самом деле неправильно.

Я не очень разделяю восторг тех ребят, которые пишут, что у них весь класс трудился над газетой или газету выпускали все звенья по очереди. Не уверен, что это были очень хорошие газеты!

Дело в том, что писать в газету могут многие, но выпускать ее должен штаб, редколлегия. Те, кто УЖЕ УМЕЕТ быстро составить план номера, отредактировать материалы, оформить их. Те, кто, в случае нехватки материалов, «прорыва», быстро найдут выход, выполнят срочные задания.

Возьмите настоящие газеты. В них пишут артисты и шахтеры, ученые и каменщики. Но ведь никто не ставит так вопрос: сегодня газету будет выпускать коллектив театра, а завтра — швейная фабрика.

В редколлегии должны собраться люди, которые знают, что газета будет их постоянной работой, а не случайным поручением. И от номера к номеру они будут накапливать умение, придумывать что-то интересное. «Знаешь, Володька, сделаем посто-

ЧЕГО НЕ ВИДИТ ЧИТАТЕЛЬ

янную рубрику «Взгляд с последней парты!». «Ребята, не будем, как в прошлом номере, забивать пол-листа карикатурами, а напечатаем лучше юмористическую рекламу. Например: «Всех любителей прыгать из окон во двор просят перенести тренировки на третий этаж»...»

Ребятам — членам редколлегии должно быть весело вместе, должно быть интересно сидеть над своей газетой, думать над будущими номерами.

А остальные? Они будут выполнять другие пионерские поручения. И, кстати, рассказывать о своих делах в газете. Только не надо с них требовать: «Эй, ты! Завтра чтоб заметка была, а то...» Лучше иначе: «Сергей, у нас просьба. Напиши, как ты делаешь деревянные автоматы. Мы видели, ты малышам мастерил, отлично получается. Скоро «Зарница», пусть все поучатся. Ну и что же, что никогда не писал! Попробуй, как получится, а потом посмотрим, поправим, может быть. Понимаешь, это для всех очень надо».

Передо мной очень грустное письмо Иры Егоршиной со станции Кизи-Бурун, из Азербайджана. «Я не знаю, как лучше организовать выпуск газеты,— пишет она,— потому что, кроме как о плохой дисциплине класса, писать в ней нечего. Вы знаете, у нас в классе даже нет отряда и звеньев, и вообще мы никакую работу не ведем».

Так вот об этом (а не только о плохой дисциплине) и надо писать. Почему ребята с красными галстуками допускают, чтобы у них не было отряда, пионерских дел? Не обидно им? Устраивает их такая жизнь?

Не бойтесь затевать споры. Пусть каждый знает, что он может выступить в газете. Раскритиковали двоечника, а он обиделся, не согласен. Ладно, пусть ответит в своей заметке, пусть огрызается и оправдывается. Если оправдания будут смешными и беспомощными, докажите это в следующей заметке. А может быть, он в чем-то и окажется прав? Подумайте...

Между прочим, почему-то многие ребята считают, что в газетах надо только критиковать. Ну, нельзя же все время ругать друг друга. Я знаю отряд, где выпускается озорная походная газета «Флибустьер». В одном из номеров вижу заметку «Андрюшка». Думаю: «Опять ему, наверно, попало за то, что болтал в строю на линейке или рассказывал анекдоты на совете отряда». И вдруг читаю очень

теплые строчки о том, как хорошо с неунывающим Андрюшкой, как в самые кислые минуты он умеет всех развеселить. Казалось бы, все давно знают его, а тут взглянули как-то по-новому. И всем было приятно, что появилась такая заметка.

До сих пор мы говорили о письмах юнкоров. Теперь надо сказать и о газетах. В редакцию ребята прислали много стенгазет. Есть хорошие, есть так себе. Говорить о них подробно — трудно. Я выбрал две, которые казались поинтереснее остальных. Это «Луч» из Брянска и «Знание — сила» из Киселевска. Очень непохожие. В «Луче» остроумные карикатуры, много задора, интересные по содержанию материалы. Но до чего же растрепанная газета! Заметки приклеены кое-как, заголовки написаны криво, фотографии топорчатся. «Знание — сила» — газета аккуратная, красивая. Но не хватает ей огонька. Есть какая-то суховатость в ее материалах. Вот как пишет, например, газета о неудаче на смотре самодеятельности:

«...В результате плохой, недостаточной подготовки большинство выступлений выглядели сырыми, неотработанными. Во время смотра было несколько случаев опозданий участников, в результате чего приходилось менять порядок номеров».

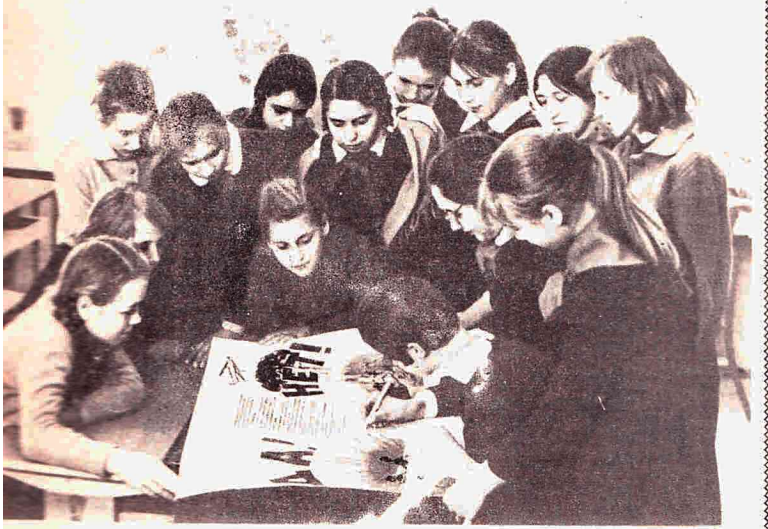
Ну и ну! Таким языком жалобы в домоуправление писать, а не заметки в пионерскую газету.

Соединить бы задор «Луча» и культуру оформления «Знание — сила» — совсем отличная получилась бы газета. Но такие вещи просто не делаются. Чтобы газета стала отличной, надо потратить много сил.

Владислав КРАПИВИН,
писатель.

ПРОЧТУТ? ПОНРАВИТСЯ?

О большой опасности и главной заботе

Мальчишкой я то и дело попадал в редколлегию. Было невероятно скучно. Было весело. И так было интересно, что хоть домой из школы не ходи и каждый день выпускай по газете. И что ж, выпускали. От понедельника до субботы — каждый день.

С той поры я многое забыл. Но что-то помню хорошо. Что-то узнал и понял позже. О чем-то прочитал в книгах. И вот что теперь думаю.

Чтобы за первым номером газеты вышел второй, третий, десятый, в редакции должны работать сотрудники, которые не капризничают, не опаздывают, не болтают попусту, не ссорятся по минутно и не слишком много о себе мнят. Беда, если в редколлегии есть гении, которые на других смотрят свысока, все высмеивают и всем недовольны. Они очень любят, чтобы их упрасивали, и постоянно ссылаются на настроение. Пусть самоуверенные поэты и высокомерные фельетонисты будут авторами газеты. Редакция же держится на добровольных тружениках, а не на гениях.

Одного художника газете мало. Надо, чтобы их было по крайней мере два. Оформлять газету трудно, особенно если разнообразно, с выдумкой. И потом, нет ничего хуже, когда многое зависит от одного. «Незаменимые» скорее начинают ставить из себя бог знает что. А если знают, что их могут заменить, не очень-то выставляются.

Огромную работу выполняют те, кто переписывает статьи, стихи, репортажи в газету. Огромную и не сразу заметную. Бывает, что те, кто пишет сам, снисходительно относятся к тем, кто только переписывает. А почему? Над поэтами не хихикают, если они не умеют создавать машины. Над врачами — что они не рисуют. Над художниками — что они не пекут хлеб. Всякий что-то делает лучше, чем другой. И это хорошо.

Плохо, если, делая газету, стараются лишь, чтобы она была такая же, как у всех. Не хуже, чем у других, — значит, не лучше. А мы хотим, чтобы наша газета была ярче, занимательнее, задиристее, интереснее.

Но все сразу не получается. Может быть, только третий, пятый номер получится удачным. И это хорошо. А пока мы не будем вносить свою газету. Критиковать, не предлагая. Легко сказать: «Этот отдел неинтересный». Труднее придумать, как сделать его поприглядательней. А с этого и надо начинать.

Что тут опасность? А что главная забота? Или хитрость? Или секрет? Я не знаю. Это ты реши сам. А пока успеха тебе, школьный журналист!

Владимир МАТВЕЕВ,
журналист.

Эти рисунки из газеты «Луч», которую выпускают ребята 19-й брянской школы.

ТОРЕАДОР

Приближается бык...

А Сережа Штырко едет свой дневник.

ЗАЯВКА

В 8^б класс

Просим выделить для весны 1 (одного) утенка участка на пришкольном участке. Знаем, кандидаты у вас есть. Юннаты.

В АВТОБУСЕ №19

— Это едут ученики в школу №19 — да, раньше грамотных меньше было. Я всегда, бывало, сидел в автобусе.

Личка Васи Сенькина

о своих ответах по математике

Вопросы

**В НАШЕМ
ЛЕНИНСКОМ КАБИНЕТЕ**

Глава седьмая— первая глава

Сергей СУТОЦКИЙ

1
Вечер. Поздний вечер конца ноября 1917 года. Идет шестая неделя после победы Великой революции...

Часы пробили и девять и десять раз.

Не так многолюдно и чуть тише стало в Смольном, где работает новое правительство новой России — Совет Народных Комиссаров.

Владимир Ильич, набросив пальто на плечи, покидает свой кабинет. Спускается с третьего этажа на второй. Здесь, в маленькой комнатке, перегороденной легкой, не доходящей до потолка стенкой, поселились они с Надеждой Константиновной Крупской.

Сегодня Владимир Ильич явился домой с толстой папкой под мышкой. Надежда Константиновна с укоризной посмотрела на него.

— Не резон, Володя. Всю жизнь человек ратовал за восьмичасовой рабочий день, а теперь — на тебе! — сам нарушает советские законы.

Ленин в ответ улыбнулся загадочно:

— Ты, Надюша, даже не представляешь, что я принес. И не угадаешь ни за что!

Он стал осторожно, даже как-то торжественно развязывать папку. И через минуту на

Из книги «Слово — полководец», подготовленной к печати издательством «Детская литература».

стол легла кipa гранок — оттисков свежего типографского набора.

Короткую паузу нарушила Крупская:
— Неужели... «синяя тетрадь»?

...Ни одна книга в мире не имела судьбы, подобной той, что выпала на долю этого ленинского труда...

2
Еще летом 1916 года Владимир Ильич был уверен: борьба, начатая им на рубеже двух веков, вскоре увенчается победой. Непременно так будет! И потому нужно уже сейчас, не откладывая, разъяснить партии, народу, что нужно делать сразу же после социалистической революции, чтобы закрепить ее победу, чтобы строить в России социализм.

Разумеется, прежде всего возникнет вопрос о государстве, государственном аппарате: ведь страной, отвоеванной у капиталистов, надо управлять. К тому же первое время управлять придется в обстановке жестокой борьбы: капиталисты без боя власть не отдадут.

Каким должно быть государство после победы социалистической революции?

Как всегда в ответственные моменты истории, Владимир Ильич решает «посоветоваться» с Карлом Марксом: принимается перечи-

тывать его и Энгельса научные труды, их переписку...

И уже тогда, в 1916 году, появилась у Ленина сорокавосемистраничная тетрадь, заключенная в синюю обложку с надписью «Марксизм о государстве». На страницах тетради, в бисере ленинских строк — выписки из работ Карла Маркса и Фридриха Энгельса, мысли самого Владимира Ильича.

Ленин очень дорожил «синей тетрадью». И в апреле семнадцатого года, когда отправлялся из эмиграции в Россию, предвидя, сколь трудным, опасным может быть путь, тетрадь оставил за границей. Но помнил о ней всегда. В самые опасные дни, когда от буржуазного Временного правительства можно было всего ожидать, Владимир Ильич писал: «...Если меня уюкошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме)... Считаю важным...»

К счастью, опасения Владимира Ильича не оправдались. И Ленин продолжал работу над книгой — сначала в шалаше на станции Разлив, потом — в финском городе Гельсингфорсе, куда он вынужден был перебраться, скрываясь от преследований Керенского.

3

Много страниц своей рукописи Владимир Ильич посвятил анализу и критике буржуазного государства. Почему оно именует себя всякими благозвучными словами: «демократия», «парламентаризм», — но умалчивает, что в действительности является диктатурой, то есть властью буржуазии? Потому, отвечает Ленин, что диктатура буржуазии всегда и повсюду нацелена против рабочих, крестьян-бедняков, против всех трудящихся людей.

Владимир Ильич приглашает будущих читателей посмотреть на любую буржуазную парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и прочих. Настоящую государственную работу здесь делают за кулисами, за стенами парламентов, ее выполняют недоступные для глаза народного, для слуха народного всякие тайные департаменты, канцелярии, штабы... В буржуазных парламентах — у всех на виду и во всеулышание! — лихо болтают о том, о сем, но делают это со специальной целью — надувать «простонародье».

Вот почему капиталисты не хотят называть свое государство диктатурой буржуазии...

Работая над рукописью, Владимир Ильич, не скрывая гордости, пишет, что в результате победы в России социалистической революции — Ленин не сомневался: скорой победы! — здесь будет установлена диктатура пролетариата. Да, именно: новый тип государства, который провозгласят большевики, будет, как писал Ленин, «по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии)».

Диктатуре пролетариата — государственной власти трудящихся, возглавляемых рабочим классом, — Ленин придавал решающее значение. Он предвидел, что диктатура пролетариата обеспечит расцвет подлинной социалистической демократии — власти трудового народа — в нашей стране и других странах, которые в своем развитии будут переходить на путь социализма.

4

В сентябре семнадцатого года, когда события в России развивались буквально не по дням, а по часам, Владимир Ильич решил отправить в издательство не вполне еще заверченный свой труд «Государство и революция». В рукописи не было заключительной, седьмой главы — о первой русской революции и Февральской революции 1917 года.

Многое было сделано тогда Лениным, партией большевиков, революционным народом для подготовки государства нового типа. Партия вдохновила трудящихся России на создание в 1905 году невиданной ранее формы государственной власти — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вождь партии Ленин горячо одобрил и научно обосновал истинное значение этой прекрасной инициативы масс — подлинного народовластия.

В 1917 году Ленин в Апрельских тезисах заявил: власть пролетариата и беднейших слоев крестьянства — это не парламентарная республика: возвращение к ней от Советов рабочих депутатов было бы шагом назад. Только республика Советов даст трудящимся города и деревни всю полноту власти.

Обо всем этом Владимир Ильич и намеревался написать в главе седьмой своей книги о государстве. Полагал, что ему удастся закончить ее в самое ближайшее время, пока в типографии наберут первые шесть глав. Он уже подробно разработал план седьмой главы.

«Новое «народное творчество» в русской революции: Советы», — записал Владимир Ильич. И потом еще несколько раз подчеркнул, как много значит эта инициатива масс: «...Опыт революции 1917 г. Советы и их роль... Массовый подъем. Советы».

Случилось, однако, так, что уйма других неотложных дел легла на плечи Владимира Ильича именно в это время. А главное...

Главное было то, что пролетарская социалистическая революция, о нарастании которой Владимир Ильич уверенно писал в августе 1917 года в предисловии к своей книге, одержала в России победу.

5

Вечер. Поздний вечер конца ноября 1917 года. Часы уже пробили и одиннадцать и двенадцать раз...

Склонившись над маленьким письменным столом в комнатке на втором этаже Смольного, Владимир Ильич вычитывает гранки.

Надежда Константиновна, сидя на диване, наблюдает за Владимиром Ильичем, смотрит, как он, по временам отрываясь от чтения, берет перо, намереваясь что-то исправить в наборе. Но тут же откладывает перо, размышляя вслух:

— Нет, нет, пусть останется, как было...

— Ты о чем, Володя?

— Знаешь ли, весьма и весьма любопытно читать сегодня некоторые места этой брошюры, — отзывается Владимир Ильич. — Так и хочется исправить кое-что... Не по существу, разумеется. Только будущее время заменить на прошлое: вместо «будет» писать «было», «был». Вот, например...

Ленин находит нужный абзац, читает:

— «...Весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе... за свержение буржуазии, за разрушение буржуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов рабочих и солдатских депутатов, за революционную диктатуру пролетариата».

Не выпуская гранку из рук, Владимир Ильич некоторое время смотрит в звездное небо, раскинувшееся за окном.

— Действительно, совсем недавно писались эти строки — всего два месяца назад. Но какие два месяца! Теперь мы уже на основании опыта знаем: это было! Весь сознательный пролетариат в октябре был с большевиками. Потому мы и победили!

Ленин писал книгу, когда в России господствовал капитализм. А набор пришел, и Ленин сегодня вычитывает гранки набора, когда Россия — уже месяц с лишним! — как вступила в общественную формацию совершенно иную — социалистическую.

Владимир Ильич подошел к столу, положил руку на кипу прочитанных гранок.

— Ну-с, а что все-таки будем делать с главой седьмой? Ждать нельзя — издатели торопят...

Опыт революции 1905 года был достаточно изучен. Но семнадцатый год... Теперь нельзя говорить только о работе партии большевиков в условиях, когда свергнут царизм. Теперь, когда вслед за царем в тартарары последовали российские капиталисты и помещики, уже появились первые крупницы опыта строительства нового государства, первые результаты налаживания работы Советов...

А какие широкие, светлые горизонты созидательной работы открылись перед трудящимися на будущие годы и десятилетия!

Ленин решил: выпустить книгу в том виде, в каком она набрана, — шесть глав. Пусть это будет первый выпуск «Государства и революции». Но его следует, конечно, снабдить специальным послесловием...

Владимир Ильич сел за стол.

— Я, Надюша, в послесловии скажу, когда писалась эта книга, скажу о намерении продолжить ее, но... Да, я так и напишу в

послесловии: «помешал» политический кризис, канун Октябрьской революции.

«Такой «помехе» можно только радоваться, — писал Владимир Ильич. — Но второй выпуск брошюры (посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».

Ленин перечитал послесловие, поставил подпись и дату:

«Автор.

Петроград.

30 ноября 1917 года».

6

В дверь постучали. Пришел Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, давний партийный товарищ.

Осенью от имени книгоиздательства «Жизнь и знание» Бонч-Бруевич заключил договор с Владимиром Ильичем на издание «Государства и революции». Теперь Бонч — управляющий делами Совнаркома. Однако связи с издательством не порывает. Тем более, когда речь идет о книге Ленина.

И сегодня, несмотря на поздний час, пришел, чтобы взять гранки, быстрее отправить их в типографию.

— А ведь я, Владимир Ильич, отлично помню то время, когда выходили первые ваши книги... — сказал Бонч-Бруевич. — Вы как-то писали, что слово тоже есть дело. И вот мы являемся свидетелями огромных дел, свершенных во многих отношениях с помощью оружия слова. Вашего слова...

Владимир Ильич очень не любит выслушивать похвальные речи в свой адрес. Поэтому и сейчас прервал Бонча.

— Да-да, — произнес он скороговоркой, — совершенно верно, достигнуто многое — это бесспорно. Но коль скоро вы, Владимир Дмитриевич, изволили прибегнуть к военной терминологии, слово сравнив с оружием, разрешите и мне продолжить разговор в том же духе и сказать: выиграв очень важное сражение, не теряя времени — снова в бой! Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества. Создается новый, невиданный в истории, тип государственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства...

Ленин смотрит на гранки, которые Бонч-Бруевич укладывает в портфель:

— Что же касается седьмой главы книги о государстве и революции... Ее, эту главу, собственно, уже пишут, в действительной жизни пишут товарищи рабочие, товарищи крестьяне, вся наша партия... И пусть она станет первой главой прекрасной книги о новой эпохе, начавшейся в России и во всем мире 25 октября 1917 года...

КОЛЧА

Юрий КАЧАЕВ

РАССКАЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Велики бескрайние леса Севера. Зимой над ними летают белокрылые вьюги, заваливают тайгу снеголомом и сугробами. Неделю иди через такую дебрь — живой души не встретишь. А попадетса деревенька, и та невидимкой прикинется: утонула в снегах по самые крыши. Только дымки морозные над крышами вьются. И кажется, будто вымерло все и нет на свете ничего, кроме этих голубых безмолвных снегов.

В такой деревушке и жил я прошлую зиму. Днем работал, а вечером мы с соседом Женькой интересные книжки читали. Женька был белобрыс, глазаст и забияка ужасный. В драке ему как-то мальчишки у шапки оторвали ухо, так он и ходил с одним ухом.

В январе с ним случилась вот какая история. Однажды утром Женька прибежал ко мне и говорит:

— Ночью сегодня снова Колча приходил. У Грициных овцу упер.

Колченогий волк был чистым наказанием для всей деревни. Не проходило ни одной недели, чтобы этот старый разбойник не зарезал коровы или овцы. Не брезговал он и собаками: стоило лишь зазеваться кому из них, и поминай как звали.

— Ну вот что,— сказал я Женьке.— Пусть он больше поблажки не ждет. Сутки будем караулить, а картечью его накормим.

Метели в ту ночь не было, и по следам Колчи мы определили, что направился он в свое логово, на Укладов остров. Места там глухие, уремные, самые волчьи места.

Полдня мы шли на лыжах по следу, запятнанному кровью. В одном из распадков Колча сделал привал и оставил обглоданные дочиста овечьи кости.

Была у Колчи в повадках одна особенность: к деревне он всегда приходил по одной и той же тропе. Чего только не делали мужики — и капканы на тропу ставили, и куски мяса стрихнином начиняли, и в засадах сидели. Однако ничто не помогало. В такие ночи Колча совсем не являлся. Все же мы с Женькой решили попытать счастья и устроить засаду, но не у самой деревни, а на Укладовом острове. Там, возле лесной сторожки, проходила Колчина тропа.

К вечеру мы пришли в сторожку. Она была срублена из толстых лиственничных кряжей, витые снежные гребни подпирали ее крышу. Мы разгребли от дверей занос,

вошли в сторожку и затопили чугунную печку. Из печки сразу же столбом повалил дым. Мы плакали, чихали и кашляли, пока Женька не догадался слазить на крышу и снять с трубы заслонку от снега.

Потом мы сварили ужин, поели и растянулись на лежанке из пихтовых лап. Хвоя у пихты ласковая, словно заячья шкурка, и пахнет чем-то праздничным и новогодним.

— Эх,— сказал Женька,— сейчас бы теревов пострелять, да нельзя: Колчу спугнем. Он, знаете, какой ушлый! Дед Афанасий сказывал, будто Колча наполовину собака. Потому и все человечьи хитрости знает. Капкан или стрихнин для него — как для меня букварь...— Женька вдруг поднялся на локте и спросил: — А знаете, почему волки по ночам воют? Это им в лесу неважно делается, они к человеку хотят, да прийти-то боязно: шибко много они нагрешили. А собак они прямо видеть не могут — завидуют. Злого-то никто не погладит и не накормит.

— Спи давай,— сказал я.— С полночи, может, глаза не сомкнешь.

Но Женька еще что-то говорил, я так и уснул под его выдумки. Ночью мы оба проснулись оттого, что за окошком кто-то завздыхал. Вернее, сначала послышался скрип снега, а потом, вздохи. Снаружи светила полная луна, и оконное стекло отсвечивало бледно-желтым светом.

— Ктой-то? — испуганно спросил Женька и вдруг ахнул: в окошке показалась горбоносая рогатая морда. У меня по всему телу пробежал колючий озноб. Осторожным движением я нашарил ружье и на цыпочках подошел к двери.

— Я с вами,— шепнул Женька.

Мы выскочили наружу один за другим. Рядом с нашей избушкой в лунном дыму спокойно стоял молодой лось. Шерсть его отливала серебристо-рыжим блеском. Повернув к нам грустную морду, лось вздохнул, а потом побрел в сторону реки. Там, у самого берега, на заливных лугах, стояли стога. Как видно, наш гость не считал зазорным лакомиться колхозным сеном.

— Во долдон!— сказал Женька.— Прямо на Колчину тропу лезет. Как бы беды не было.

«Он-то и будет нам приманкой»,— подумал я.

Мы вышли вслед за лосем к реке и зарылись в один из стогов. Ветер тянул с того берега, откуда должен был появиться Колча. В сене было тепло, и пахло оно летним разнотравьем. Где-то неподалеку хрустал сеном лось.

— Я, как глянул на эту рожу в окне, перепугался — ужас,— шепотом сообщил Женька.— Думал, черт...

— Ты веришь в чертей?

— Нет. Умом-то я не верю. А вот почему такое: идешь в избу с темной улицы, и

все чудится, вот-вот тебя сзади схватит кто-то. Мама всегда ругается, чего я, как дурной, в избу влетаю.

— Это у тебя атавизм.

— А...атавизм? — с уважением переспросил Женька.

— Ну да. То, что у нас осталось от первобытного человека. Аппендикс, боязнь темноты, желание решить спор кулаками, например...

Женька понял намек и обиженно замолчал. Потом он вдруг задышал мне в самое ухо:

— Смотрите, идет...

И я увидел на заснеженной глади реки темную фигуру волка. Колча! Я медленно повел стволом в его сторону. Колча, неслотря на хромоту, шел скользкими, сторожкими шагами. Иногда он останавливался и замирал, как изваяние. Только его глаза горели сквозным зеленым огнем, прозрачным, как спелый крыжовник на солнце. Он подошел к нам шагов на пятьдесят, и теперь можно было хорошо разглядеть его. Это был матерый волчина, плечистый и тонконогий. Все его тело, каждый мускул были словно созданы для убийства.

— Стреляйте,— подтолкнул меня Женька.

И тут случилось непредвиденное. Колча внезапно вздрогнул и широким махом пошел в сторону: он почуял добычу. На минуту волк скрылся из виду. Справа от нас послышался снежный шелест и тяжелое дыхание. Это Колча гонял вокруг стогов лось.

Потом они оба, преследователь и добыча, вылетели к реке прямо перед нами. Очевидно, лось понял, что ему не уйти по льду (ветер местами слизал снег), и решил биться насмерть. Он стремительно повернулся к Колче и застыл, опустив к земле рога. Колча скользнул в сторону и, как тугая пружина, метнулся к лосю. Лось встал на дыбы, и на Колчу обрушились острые копыта. Волк кубарем покатился по льду. Когда, он, шатаясь, поднялся, я выстрелил ему в грудь. В глаза нам плеснуло белым жаром.

Мы вылезли из стога, и Женька запласал от радости. Колча, грозный разбойник Колча, недвижно валялся на снегу. А через реку неуклюжим галопом удирал лось. На скользких местах ноги у него разъезжались, как у новорожденного теленка.

— Коньки бы ему,— мечтательно сказал Женька.— Чемпионом бы стал... Вы знаете, зачем он к сторожке-то приходил? Тут летом лесники для них соль оставляют: насыпают в мешочек и повесят под деревом. Лоси и приходят мешочек лизать. Любят, шельмы! А этот молодой, глупый — зиму с легком перепутал...

И Женька засмеялся своей выдумке, потирая голое ухо.

Каналы Марса — что это такое?

АСТРОНОМИЯ Почти век назад, в 1877 году, на поверхности Марса астрономы обнаружили сеть тонких линий, названных «каналами». С тех пор о них ведутся нескончаемые споры. Что это — сеть гидротехнических сооружений, построенных марсианами? А может быть, «каналы» — это просто трещины в коре Марса или покрытые растительностью горные хребты?

Раньше «каналы» видели только в телескопы. Ныне к Марсу летают межпланетные автоматические станции. Они сфотографировали поверхность планеты и передали на землю ее изображение. Составлена подробная карта «каналов».

Что же мы знаем о них сегодня?

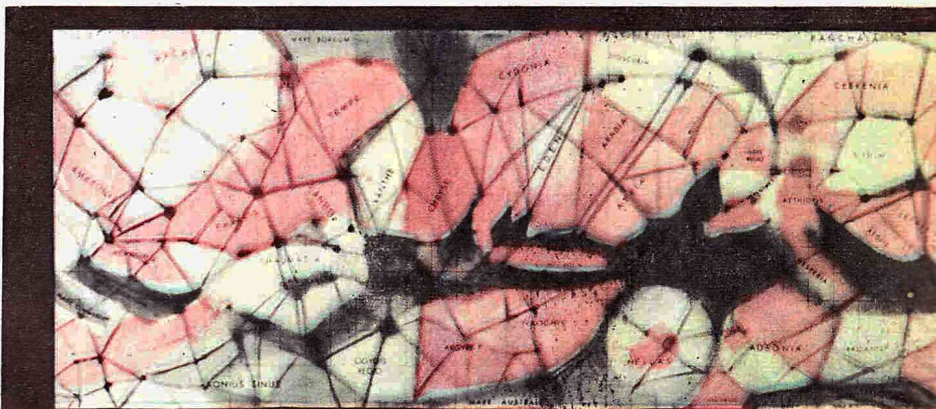
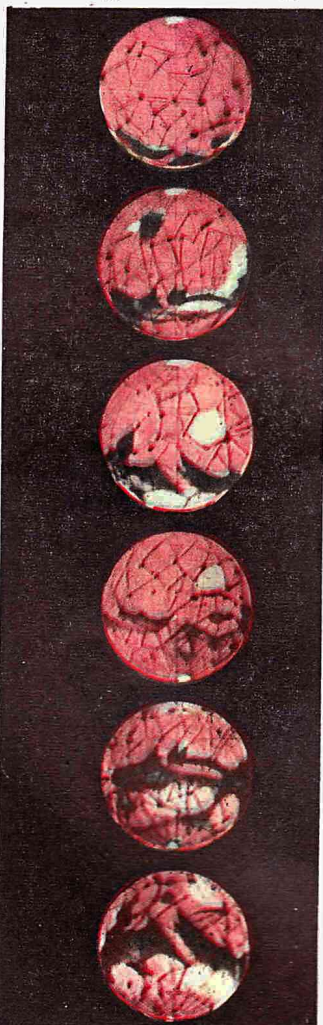
Прежде всего окончательно доказано, что «каналы» — это не иллюзия, не обман зрения, а реальность. Они существуют и так же, как марсианские «моря», меняются в зависимости от времени года. Когда на Марсе весна и лето, они темнеют, осенью и зимой блекнут, становясь почти невидимыми. Судя по всему, и «моря» и «каналы» обозначают собой те места на Марсе, где появляется, а потом умирает какая-то своеобразная марсианская растительность.

Недавно в атмосфере Марса удалось обнаружить кислород, всего три десятых доли процента. Но это в тысячу раз больше того количества кислорода, которое могло бы образоваться под действием солнечных лучей без участия растений. Значит, вероятно, на Марсе есть жизнь, и кислород, по-видимому, выделен растениями.

«Каналы» Марса, эти узкие полоски растительности, нигде не обрываются на полпути. Они тянутся по кратчайшим направлениям, и вся их единая сеть соединяется с полярными шапками планеты. Когда

весной тает одна из этих шапок, по всей системе «каналов» от нее бежит к экватору какая-то темная волна. Кажется, будто вода постепенно заливаает «каналы» и «моря», и оживающая растительность окрашивает их в более темный цвет. Что же гонит воду от полюсов Марса к его экватору и дальше? Влажные ветры? Но их на Марсе нет, его атмосфера исключительно суха. Неужели правы те, кто считает, что вода перекачивается к экватору Марса по подпочвенным трубам, построенным марсианами?

В начале 1969 года советский астроном Ю. К. Филиппов опубликовал в журнале «Земля и Вселенная» статью, где доказывает, что сеть марсианских «каналов» по своему характеру и свойствам напоминает сети живой природы (например, паутину) или сети искусственных сооружений (скажем, сеть железных дорог). На «неживые» сети (например, на сеть трещин) она совершенно непохожа. Так, значит, «каналы» построены марсианами? Подо-

Это новейшая фотокарта Марса. Она составлена из сотен фотографий поверхности планеты. Если приглядеться, то на карте можно различить названия морей, озер и пустынь. Названия сделаны по ла-

тины, вот перевод некоторых из них — Озеро Солнца, залив Большой Сырт, Море Времени, ледяная область Амазония. Слева — фотографии Марса в различные моменты времени. Заметно вращение планеты.

ждем делать такие скороспелые выводы. Снимки Марса, полученные американскими межпланетными станциями «Маринер» в 1965 и 1969 годах, явно разочаровывают тех, кто хотел бы видеть Марс цивилизованной планетой.

Прежде всего поверхность Марса очень напоминает лунную — ее усеивают тысячи кратеров. Не видно никаких следов разумной деятельности марсиан. Наоборот, все детали, даже очень мелкие, выглядят вполне естественными.

В атмосфере Марса не найдено азота, и, по-видимому, она почти целиком состоит, как и атмосфера Венеры, из углекислоты. В районе южного полюса Марса неожиданно обнаружено большое количество белого вещества. Внешне оно напоминает снег, ледники. Но почему тогда так мало воды в атмосфере Марса? Может быть, правы ученые, которые считают его полярные шапки замерзшей углекислотой?..

Итак, Марс оказался не таким, каким мы его себе раньше представляли. Никаких ровных песчаных пустынь там нет и в помине. Наоборот, это очень гористая планета, с весьма суровым климатом. Отчасти Марс напоминает Землю, но в гораздо большей степени Луну. Загадка «каналов» остается нерешенной и сегодня. Наши сведения о них противоречивы. Подождем до великого противостояния Марса — оно наступит в августе 1971 года. Тогда, приблизившись к Земле на кратчайшее расстояние (пятьдесят пять миллионов километров), наш небесный сосед, быть может, раскроет хотя бы главные из своих тайн.

Доцент Ф. ЗИГЕЛЬ

Легче легкого

ФИЗИКА Свинец легче ртути, железо легче свинца, алюминий легче железа... А легче всех элементов водород. Так по крайней мере считалось до недавнего времени.

Между тем есть атом легче атома водорода. Это атом нового элемента — позитрония.

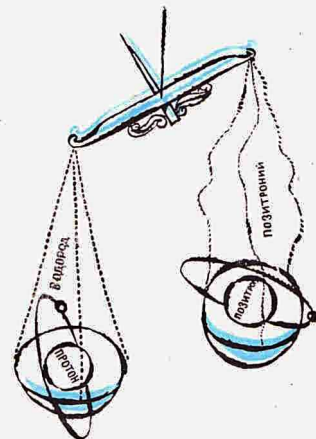
Атом водорода устроен так: ядро состоит всего из одного «кирпичика» — протона, вокруг него вращается всего один электрон. У более тяжелых элементов и протонов и электронов больше, есть еще и нейтроны, поэтому-то они и тяжелее.

В XX веке физики открыли несколько десятков новых элементарных частиц. Возникла мысль, а не может ли существовать атом, в котором вместо протона будет какая-нибудь частица полегче? Такие атомы получили искусственно. Они состоят из позитрона и электрона. А позитрон почти в две тысячи раз легче протона! Новый элемент назвали позитронием.

Наверное, было бы очень интересно получить побольше позитрония, чтобы изучить его свойства, взвесить на весах. Только сделать это никак нельзя. Атом позитрония живет меньше миллионной доли секунды — две частицы, из которых он составлен, не могут ужиться друг с другом, они уничтожают сами себя, аннигилируют.

И тем не менее даже за такой короткий срок физики успели изучить его свойства. Например, установлено, что позитроний в сто раз быстрее водорода соединяется с железом.

М. КРИВИЧ
Л. ОЛЬГИН

Рождение ледника

ГЕОГРАФИЯ Я занимаюсь туризмом и альпинизмом с 1948 года.

Обычно стараюсь не повторять маршруты, и из тридцати моих путешествий всего лишь четыре были повторными, и то мы шли в другое время года, а из ста семидесяти вершин я побывал дважды разве что на десяти.

И все же со временем меня стало вновь тянуть в знакомые места, захотелось увидеть, все ли там так, как было, скажем, десять или двадцать лет назад.

Осенью 1952 года я вел группу спортсменов по высокогорью Восточного Кавказа. 26 сентября мы пересекли первый перевал Халахур-Кац. Тогда он был чисто сланцевым. А когда в июле 1967 года я привел туда новую экспедицию, то увидел совершенно иную картину. Западный склон сплошь покрыт снежно-белым одеялом. А на восточном склоне широкими лентами лежал снег, сцементированный в ноздреватый лед. Пришлось вырубить более ста ступенек, чтобы выйти на перевал. На снимке вы видите эти характерные для ледников «языки».

На другом перевале — Боговатчос-теле — я был в последний раз в июле 1968 года. В октябре 1952 года и южный и северный склоны были травянисто-сланцевыми. Теперь же на северном склоне, от самого перевала и далеко в долину, протянулся крутой и мощный ледник. Мы даже провели здесь занятия по снежно-ледовой технике.

А совсем недавно, в августе 1969 года, маршрут нашей экспедиции лежал через несколько вершин, вздыбившихся на Восточном Кавказе более чем на четыре тысячи метров над уровнем моря. Здесь же я был семнадцать лет назад. И вот оказалось, что на северном склоне

ника Рагдан тоже образовался небольшой ледник. Еще более крупные два ледника возникли на восточном склоне вершины Чарын-Чай. Но самый мощный мы обнаружили на северном склоне перевала Чарын, расположенном между двумя этими вершинами. Даже небольшие ледники поражали воображение, а глядя на этот, такой огромный, просто не верилось, что он мог возникнуть за какие-нибудь семнадцать лет. Известно, что в последнее столетие все ледники за редким исключением отступают. Чарынский ледник, видимо, и есть такое исключение. Но тогда чем вызвано его образование? Ведь рост ледников связан обычно с общим похолоданием, когда весь снег не успевает растаять и испариться. Ночью подтаявший на солнце снег смерзается в ноздреватый лед, «фирн», а потом постепенно превращается в сплошной лед. А на Восточном Кавказе за последнее десятилетие погода действительно была более дождливой и холодной, чем прежде, в июле же 1967 года почти весь месяц шел дождь в долинах и снег

в горах. Может быть, это и было причиной образования ледников?

Пока все это еще неясно, нужны новые длительные наблюдения.

Генрих АНОХИН,
кандидат исторических наук,
мастер спорта

Вверху — вид на перевал Халахур-Кац с востока. Перевал чисто сланцевый, видны лишь тонкие ленточки снега, выпавшего в прошедшую холодную сентябрьскую ночь.

Тот же перевал Халахур-Кац, но теперь на его восточном склоне видны языки нового ледника.

ФОТО АВТОРА.

Н. ДОБРОХОТОВА

Приходите к нам на елку!

Если бы я была волшебница, я устроила бы на Новый год совершенно необычайный праздник. Например, если бы у меня была волшебная лампа, я приказала бы джину построить только на одну ночь великолепный дворец.

Вы, наверно, ждете, что теперь я вам посоветую, как устроить веселый праздник без всякого волшебства? Вот этого я как раз не могу. Я совершенно уверена, и никто не сможет меня разубедить, что без волшебства, без волшебника никакой праздник просто не получится. Можно наряжать елку, напечь пирогов, завести музыку, устроить танцы — будут пироги, елка, танцы, но не будет очарования, не будет того душевного волнения, которое и есть праздник.

Случалось ли вам в самый обычный день, в самой обычной обстановке вдруг почувствовать, что вы счастливы? Это бывает от солнечного луча, от теплого дождя, от доброго слова; это бывает с каждым и всегда нечаянно. Как же заставить сразу несколько человек радоваться, восхищаться, веселиться? Волшебнику, например, это раз плюнуть. Он напустит цветного тумана, и вы не узнаете собственной комнаты.

Значит, самое главное для праздника — это найти волшебника. Не пугайтесь: волшебники попадаются гораздо чаще, чем вы думаете.

У меня была бабушка — волшебница. Она все на свете знала и все могла сделать. Когда кому-нибудь из нас очень хотелось куклу, она приезжала и привозила куклу; если очень хотелось хорошей погоды, она приезжала и привозила хорошую погоду; если хотелось счастья, она приезжала и привозила счастье. Она творила чудеса на каждом шагу и как будто для собственного развлечения, но всегда оказывалось, что она сделала то, что всем важнее всего в эту минуту. Больше всего

она любила делать праздники, а больше всех праздников — Новый год.

Не знаю, как это у нее получалось, но я никогда потом не видела таких золотистых и ароматных елок, как те, которые украшала бабушка. У нас до сих пор хранится картонное солнышко, которое она когда-то сделала для елки. Я подозреваю, что это не простое украшение, а талисман. Может быть, бабушка, когда его клеила, шептала какие-нибудь особенные слова. Теперь мы всегда вешаем его на елку на самое видное место, и стоит его повесить — все начинают улыбаться.

Веселье воцарялось в доме, как только она входила. Как будто сами собой затевались маскарады, представления, хороводы, смешные конкурсы, лотереи с какими-то ужасно забавными призами. Самое удивительное, что она как будто ничем не руководила — я не помню, чтобы она расставляла нас по местам, учила, как говорить и что делать. Словно все происходило само собой. Словно с ее приходом каждый становился талантливым, остроумным, изобретательным — даже тот, кто полчаса назад скучал и капризничал. Все-таки сейчас я думаю, что бабушка заранее готовилась к празднику. Правда, все представления были почти чистой импровизацией, а театральные костюмы — халатами и полотенцами. Но кто же тогда писал и рисовал пригласительные билеты, программы, почетные дипломы? Тогда я считала, что это все само собой получается,

что просто иначе и быть не может. Только потом мне случалось бывать на празднике без волшебника. Ах, как это грустно — неудачный праздник! Нет, этого ни в коем случае нельзя допускать!

Когда я собиралась писать эту статью и боялась, что у меня ничего не получится (потому что если не так-то просто сделать хороший праздник, то рассказать о нем тоже не просто), я решила взять интервью у своей дочери Кати. Я спросила ее, как, по ее мнению, должна выглядеть елка? Она сказала так: «На елке должно быть всего в меру. Как интересно, если гномик висит чуть пониже большого блестящего шара и смотрит на него! Или если олень из бумаги скачет к стеклянному домику! Под елкой должен быть маленький город в снегу и большой Дед Мороз. По традиции».

Я удивилась: оказывается, она думает так же, как я! И что она понимает в традициях? Город под снегом — одна из наших семейных традиций.

Мы делали маленькие домики из спичечных коробок, оклеивали их ватой и устраивали под елкой деревню или городок. Потом мы стали взрослыми и забыли об этом. А когда снова пришло время устраивать елки с сюрпризами и удивлениями для Кати и ее друзей, мы вспомнили про домики в снегу.

Оказалось, что в них можно играть — населить их маленькими человечками, придумать про них разные истории. Так

получился «Театр на столе», о котором я вам уже рассказывала.

А потом мы с Катей стали получать от вас письма, и оказалось, что очень многие ребята играют так же, как мы!

В этом году мы решили построить под елкой городок из книжки «Серебряные коньки». Сделать его нетрудно. Это ширмочка из картона с нарисованными домиками. Она стоит на зеркале, потому что в этом городе вместо улиц каналы, зимой они замерзают, и по ним бегают на коньках, а просто ходить нельзя — обязательно шлепнешься. В домиках прорезаны окна, и если позади ширмочки поставить свечи, получится, что в комнатах горит свет. А по улицам бегают голландские мальчики и девочки. И среди них Ханс и Гретель. Городок под елкой каждый может сделать по своему вкусу: у кого-то он получится сказочный, а у кого-то будет первая станция на Луне или город будущего.

Вы, может быть, скажете: стоит ли целый месяц возиться с домиками да куколками ради одного вечера? Стоит ли клеить, красить, придумывать игрушки на елку, если в магазинах продаются роскошные елочные наборы?

Согласны ли вы, что самодельные игрушки лучше покупных? Они могут быть не такие яркие, не такие прочные. Но, когда вы клеите домик или корабль, шьете и наряжаете куклу, мастерите зверюшек из корней, шишек и желудей, из ва-

ших рук выходят вещи единственные в мире. Такие вещи приятно дарить и приятно получать в подарок. Но все-таки самое приятное — это когда вечером сидишь у стола, придумываешь, рисуешь, вырезаешь, а рядом с тобой еще кто-то занят таким же серьезным делом.

В прошлом году мы иногда собирали у себя Каткиных подруг и все вместе клеили игрушки — фонари, санки, ракеты, снегурочек. Стол был завален обрезками цветной бумаги, в которой поминутно терялись ножницы. Посреди стола возвышалась коробка с крахмальным клеем. В отдельной коробке лежала фольга — «золотце». И все так старались и так радовались, когда получалось красиво, и время пролетало так быстро, и так хорошо было на улице, когда мы с Катей провожали девочек по домам, что вечер казался тоже праздником.

Самыми лучшими получаются те игрушки, на которые потрачено больше всего труда и выдумки. Оттого, что их долго и любовно держали в руках, они становятся теплыми. Их надо обязательно хранить. Когда через год, вы опять будете украшать комнату к Новому году и в ней уже будет стоять елка, еще без игрушек, темная и холодная, вы достанете коробки с игрушками, откроете их, и к вам сразу вернется прошлый Новый год со всем его весельем, и время, когда вы мастерили игрушки, и сказки, с которыми они связаны, и друзья, которые вам помогали, и

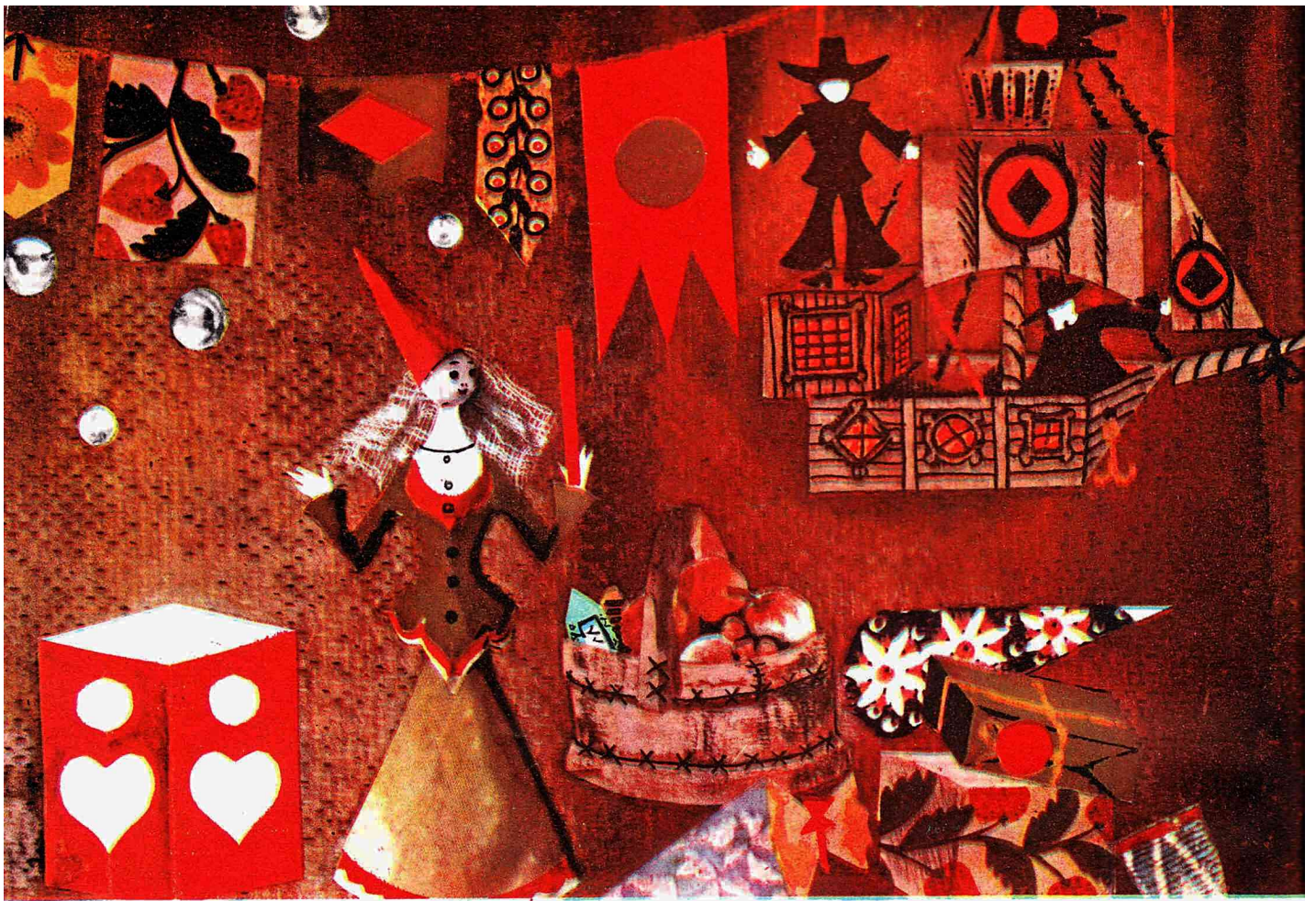
многое, многое другое, у каждого свое и у всех общее.

У нас, взрослых, Новый год — всегда время воспоминаний: мы вспоминаем прошлые елки и тех, кто был тогда с нами, и думаем о них, и все дальше, до самого детства, до самых первых праздников, которые нам запомнились. В этом веселом и грустном путешествии елки сияют золотистыми маяками, а флажки, фонарики, куклы и домики рассказывают свои нехитрые тихие истории.

Итак, с чего же все-таки начать?

Прежде всего осмотрите свою комнату и подумайте, как сделать, чтобы все в ней было не так. Потому что лучше справлять праздник в необычной обстановке, чтобы не только гости, но и хозяева были как будто в гостях. Для этого приготовьте побольше разноцветных флагов, больших и маленьких, бумажных цепей, гирлянд, снежинок, вырезанных из тонкой бумаги, и развесьте по комнате. Такую работу можно оставить на последние дни перед Новым годом, делать эти вещи несложно, а места они занимают много.

В самом начале нужно определить стиль праздника, потому что «наряжать» елку можно тоже по-разному. Например, однажды мы видели в журнале фотографию елки, украшенной крупными плоскими звездами, кругами, кольцами и сердцами из красной и желтой бумаги. Они висели на красных шнурах, а кроме них были только стеклянные шары. Мы реши-

ли, что это очень нарядно, и наклеили кучу таких фигур. Теперь мне кажется, что все эти круги и звезды лучше вешать на стены, а на елке игрушки и украшения должны быть такие, чтобы их было интересно разглядывать.

Потом мы научились делать всяких зверей из бумажных труб и конусов. Это очень просто: свертываешь лист цветной бумаги в цилиндр, отдельно вырезаешь голову, ноги, хвост, потом наклеиваешь полоски, кружочки и пятнышки из бумаги другого цвета, и получается роскошный зверь, яркий и смешной. Я очень люблю одного тигренка Катькиной работы, у него глупая морда с усами и полоски не поперек, а вдоль тела — она забыла, как у тигров нарисованы полоски. А еще были кони и олени размером не меньше живой кошки. Из конусов получались красавицы и гномы, самолеты и пиратские корабли, и все такие большие, что на елку их вешать было нельзя, они висели на стенах и стояли на столах. Потом мы их раздали гостям.

Можно ли представить театральный спектакль без осветителя, без прожекторов, которые заливают то всю сцену, то один уголок, которые то слабеют, то ярко вспыхивают? Праздник — это тоже отчасти театральное представление. Необычный свет радует и волнует. Потому, наверное, и устраивают праздники вечером и ночью, чтобы мог на свободе колдовать

свет — фонари и факелы, иллюминации, фейерверки, костры, свечи...

В мягком свете фонаря, в его удивительной форме, в самом слове «фонарь», «фонарик» заключено столько обаяния, что он не может не быть желанным гостем любого праздника. Стоит вспомнить, каких удивительных, великолепных праздников был он участником и героем! Какие шествия, маскарады, танцы и пиры он озарял! В Китае фонарю был посвящен специальный праздник — его справляли зимой, в пятнадцатый день Нового года, он так и назывался — праздник фонарей.

Я думаю, нам много фонарей не понадобится. Пусть их будет два: один пускай будет такой, какие висели в снежном голландском городке у каждой двери (ведь под елкой у нас голландский городок — не забывайте). Это шестигранный фонарь, каркас у него картонный, оклеенный калькой, с тонким переплетом из черной бумаги, как будто фонарь слюдяной, а раз в городе часто идет снег, на нем белыми нарисованы тонкие снежинки. Этот фонарь висит вместо абажура на большой лампе посередине комнаты. А другой может стоять на полу в уголке.

Фонари погорят недолго, потом их погасят и зажгут елку: ведь у Нового года свой свет, единственный, больше ни у одного праздника нет такого. Фонари нужны для первоначального впечатления, чтобы гость, войдя в дом, сразу понял,

куда он попал. Я даже завидую своим гостям: они ехали на трамвае, шли по снегу, в темноте, замерзли, и вдруг — тепло, уют, елка...

Можно посоветовать всем перед началом праздника для контраста выйти на улицу, побегать по морозу, поиграть в снежки. Всем, кроме одного несчастного, который отвечает за все про все и заканчивает последние приготовления: достает посуду, открывает и закрывает духовку, раскладывает подарки под елкой...

С приближением Нового года все в нашей семье начинают избегать друг друга. Все что-то потихоньку вяжут, шьют, клеят, рисуют — и прячут. Стоит одному выйти — остальные начинают таинственные переговоры. Это готовятся новогодние подарки. Подарков должно быть много, чтобы никого не обидеть — ни гостей, ни своих. Пускай это будут сущие пустяки — коробочки, корзиночки, вышитые салфетки, игрушки, — были бы нарядные и забавные.

Когда вы человека хорошо знаете и любите, нетрудно придумать для него подарок, в котором обыгрывались бы его вкусы, занятия. Один раз Катя подарила своей бабушке робота — помощника по хозяйству. Устройство у него было очень несложное: Катя сделала его из испорченного электрического переключателя, пластмассовой кегли, шурупов и двух игрушечных кастрюль.

А вручение подарков можно превратить в увлекательную игру: например, устроить лотерею (беспроеигрышную, разумеется). Или вдруг в разгар праздника появляется великий маг и волшебник, который все знает, все понимает и все угадывает. Он в длинном халате, с длинной бородой из нарезанной бумаги (отличные седые бороды получаются из газеты), голова обмотана полотенцем. Ни на кого не глядя, он шествует через всю комнату, садится на стул, и ему завязывают глаза. За его спиной достают подарки, спрашивают его, кому отдать, — и он безошибочно угадывает. Нужно только заранее договориться и хорошенько запомнить, в каком порядке будут вынимать подарки.

С бабушкиной легкой руки у нас на Новый год всегда бывали коротенькие представления, шарады в тут же, наспех сочиненных костюмах. Для домашних представлений все годится — старые халаты, косынки, фартуки, полотенца. Полный костюм во всех подробностях совсем не нужен, была бы одна остроумная деталь, чтоб зрители догадались, кого вы изображаете.

Боюсь только, не многовато ли всяких затей, можно все не успеть. Так, впрочем, всегда и бывает: пока делаешь одно, придумаешь еще с десяток интересных вещей. А тут тридцать первое, и уже стучат в дверь. Не пора ли зажечь огни на елке?

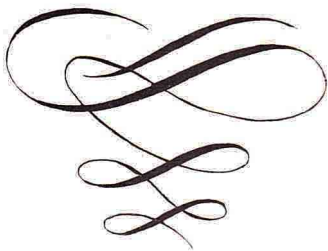

С. СОЛОВЕЙЧИК

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

Сколько лет школе?

Продолжение

В прошлом номере журнала мы совершили маленькое путешествие по школам восемнадцатого столетия. Школы были разные: «мастеров грамоты», цифирные, так называемые «русские» школы при Адмиралтействе, помещичьи, гарнизонные, монастырские, приходские (при церквях), городские — kloкочущая масса школ и школок, никем не учтенных, ни в какие списки не занесенных. Они то открывались, то закрывались и все время выплескивали на поверхность грамотных людей. А чем больше грамотных, тем быстрее развивается культура страны и, значит, еще нужнее становятся образованные люди.

Но у всех этих разнообразных школ и школок была одна общая черта: в них учили не классами, а каждого ученика в отдельности. В комнате сидит десять — пятнадцать учеников, но каждый из них учит свое: один начинает азбуку, другой читает по складам, третий уже кончает псалтырь, четвертый и вовсе кончил его и в знак благодарности учителю приносит горшок с кашей. Такой был древний обычай: когда школьник кончал изучать какую-нибудь из книг, он приносил в школу горшок с кашей. В далекие времена кашу сверху обкладывали монетами — это была плата учителю. В конце восемнадцатого века монетки не приходилось выуживать из вареного пшена, деньги за учение платили обычным путем, но горшок с кашей все равно приносили. Когда в этот день кончались занятия, все ребята выхватывали ложки и вмиг уничтожали сладкую кашу, а пустой горшок выносили во двор, ставили посреди и швыряли в него палками — кто попадет. Кто разобьет, тот герой, но только удирай, герой, побыстрее, потому что весь класс гонится за тобой. Догонят — надерут уши. Славная куча мала получалась! Учитель и его семейство хохотали до упаду.

Но вот в самом конце восемнадцатого века решено было создать государственную сеть школ. Для этого пригласили ученого серба Федора Ивановича Янковича, потому что он проводил такую же реформу за границей, в Австрии, и показал себя отличным организатором.

Первым делом Федор Иванович открыл в Петербурге педагогическую семинарию — можно сказать, первый в нашей стране педагогический институт. До этого учителя нигде не учились: кто знал грамоту, у кого была охота, тот и преподавал. Учителей-специалистов не было. Педагогическая семинария работала без каникул, в страшной спешке и в скором времени выпустила сто первых настоящих преподавателей.

Одновременно Федор Иванович взялся за учебники. Специальных школьных учебников ведь тоже не было!

Грамоте в основном учились по церковным сборникам молитв. Бывало, что ученик выучивался не вообще читать, а читать только ту книгу, по которой занимался.

Арифметике учились по старой книге, которая вышла в 1701 году. Это была очень хоро-

шая «Арифметика» (ее написал Леонтий Магницкий из Осташкова), но за сто лет она, конечно, устарела.

Преподаватели семинарии, ученики Ломоносова, под руководством Федора Ивановича Янковича стали составлять учебные книги и пособия: азбучные таблицы, букварь, прописи и руководство к чистописанию, всемирную историю, русскую историю, руководства по арифметике и механике, землеписание Российского государства, краткие руководства по геометрии и по физике.

За пять лет составили и напечатали двадцать школьных учебников. Да еще приготовили для школы исторические и географические карты, глобусы, атласы, таблицы.

И вот в 1786 году в двадцати шести губернских городах было открыто по одной новой школе — с новыми учителями, с новыми учебниками.

Но самое главное новшество заключалось вот в чем: в этих школах учили не каждого ученика в отдельности, как прежде, а целый класс. Учили не как попало, а уроками. Урок — переменка, урок — переменка. Класс и урок — основа нынешней школы. Эта система занятий так и называется: «классно-урочная».

До того времени в комнате, где учились, всегда стоял гул: всяк зубрил свое. Одни читали, другие в то же самое время отвечали.

Теперь на уроке установилась тишина. Это великое событие произошло в 1786 году. Кто знает, может быть, в 1986 году будут торжественно отмечать двухсотлетие установления тишины на уроках...

Раз все проходят один и тот же материал, значит, не нужны больше маленькие грифельные доски — нужна одна большая доска на весь класс. Такая доска появилась, и с тех пор появилось выражение «классная доска».

Затем, если на уроке тихо, значит, нужно было установить порядок: что делать тому, кто хочет спросить учителя или отвечать.

Сегодня каждый первоклашка в первый же день узнает: хочешь сказать что-нибудь,

подними руку и жди, пока учитель разрешит говорить.

Но и это правило надо было изобрести. Оно появилось все в том же 1786 году.

И впервые стали устраивать перед уроками переключки и говорить «здесь!».

Вот так школа стала немножко похожей на школу.

Было напечатано подробное руководство для учеников: «Как ученикам сходить в училище, в оном поступать и из оногo выходить».

Особенно всех волновало, как ведут себя ученики по дороге из школы домой. Еще за сто лет до этой реформы издавались правила поведения учеников, и в тех древних правилах можно прочитать:

«Когда же учитель отпустит вас..., со всяким смирением до дому своего идите; шуток и кощунств, пхания же друг друга и биения, и резвого бегания, и каменовержения (то есть броса-

ния камнями), и всяких неподобных детских глумлений да не водворится в вас».

Было издано и наставление для учителей. В нем, в частности, подробно перечислялось, чего учителю нельзя делать: нельзя бить учеников ремнями, палками, плетью, линейками, розгами; нельзя давать им пощечины, бить их кулаками и толкать; нельзя драть за волосы и за уши и ставить на колени; нельзя обзывать их «скотиной», «ослом» и т. д.

Но эти правила еще долго не соблюдались, они остались на бумаге. Воспитанники духовной семинарии города Владимира сочинили такую грустную песню:

Житье в школе не по нас:
В один день секут сто раз!
О горе! О беда!
Секут нас завсегда!

Придешь в школу не готов,
Не припомнишь разных слов,
Не с другого слова — в рожу,
Со спины сдерут всю кожу.

О проклятое чернило!
Сердце наше иссушило.
И бумага и перо
Сокрушают нас зело!

Как учителя узришь,
Полумертв в школе сидишь.
Хоть какого молодца
Сокрушит школа до конца.

Почти сто лет понадобилось на то, чтобы в школах перестали бить детей. Ведь вскоре после реформ 1786 года розги опять были разрешены, и в каждой гимназии обязательно был специально назначенный отставной солдат, к которому по субботам (да и в другие дни) посылали учеников на расправу. Только в 1864 году — век назад — розга была окончательно изгнана из русской школы. А в других странах детей били еще долго. Мама известного русского художника Валентина Серова (быть может, помните его картину «Девочка с персиками»?) отдала своего сына в немецкую народную школу — Серовы жили за границей. Все было хорошо, но вдруг она узнала, что школьный учитель «крепко дерется». Возмущенная женщина пришла к учителю, а тот ей отвечал:

— Ведь я не бью в запальчивости, у меня строго рассчитано, сколько линейкой бить по ладони и как силен должен быть удар.

— У нас в России в школах не бьют! — сказала Валентина Семеновна.

— Берите вашего сына из школы, сделайте милость! — отвечал учитель, негодуя.

«У нас в России в школах не бьют!» — такие слова стали возможными только с середины прошлого века.

...Но вернемся к той реформе 1786 года. Что она дала? А вот что: учение стало гораздо дешевле. Теперь, когда учитель стал обучать целый класс, до сорока учеников, больше ребят могли ходить в школу.

К 1800 году, к началу девятнадцатого века, было уже триста пятнадцать новых школ, семьсот девяносто учителей и почти двадцать тысяч учеников. Конечно, мало, но все-таки поезд тронулся с места, хотя и медленно-медленно.

Средних же школ — гимназий — было и того меньше.

К началу девятнадцатого века в России было всего три гимназии: в Москве, Петербурге и Казани. Но потом их становилось все больше и больше, и в них, в гимназиях, постепенно вводились разные усовершенствования, которыми мы пользуемся до сих пор.

Но об этом
в другой раз

ЛЕГЕНДА
КОРОМЫСЛОВОЙ
БАШНИ

В августе 1521 года казанский военачальник Сафа-Гирей, возвращаясь из безуспешного похода на Москву, решил отыгратья на Нижнем-Новгороде.

Нижний-Новгород осадил
Ненасытная вражья сила.
А в детинце Нижегородском
Люди города с малым войском.

На исходе боеприпасы,
Нет хлеба, крупы и мяса...
С голодухой смирился каждый —
Хуже голода мучит жажда.

Хоть бы хлынул над городом ливень,
Осажденных бы напоил он!..
Но идет дождь, когда не надо,
Нет ни капли во время осады.

Лучше, чтоб эта мука не длилась,
Неприятелю сдать на милость...
Но спустилась тогда бесстрашно
Одна девушка с круглой башни.
И пошла она в час печальный
С коромыслом на речку Почайну,
Чтоб водою наполнить ведра
И вернуть осажденным бодрость
И вдохнуть в осажденных отвагу.
И сошла она вниз по оврагу.
И напилась воды прохладной,
И направилась в путь обратный.
Захватив драгоценную влагу,
Поднималась она по оврагу.

Колыхалась в ведерках водица...
И заметили деву ордынцы,
Горечь плена над нею нависла...
Но схватила она коромысло,
Им врагов подступающих била
И отправила многих в могилу!..

Совершила она подвиг славный,
Но сама пала в битве неравной.

И тогда устрашились ордынцы:
Если женщина нас не боится
И своим коромыслом сумела
Уложить наших воинов смелых,
То с мужчинами драться нет смысла,
Их оружие сильнее коромысла!..
Лучше попросту нам удалиться...
И тогда отступили ордынцы.

А спасенные нижегородцы
Пили воду из рек и колодцев.
Вспоминали они об отважной
И, достойную воинской чести,
Схоронили ее возле башни
С коромыслом и ведрами вместе.
Безымянную ту героиню
Не забыли нижегородцы:
Эта круглая башня и ныне
Коромысловой башней зовется.

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ

Домой навсегда

В Берне Ленин писал книгу об империализме. О том, что капиталисты не могут жить без грабительских войн. Захватывают чужие страны. Превращают в колонии. Все больше за чужой счет богатеют. И уже не могут остановиться. Рвутся весь мир разделить меж собой. Отхватить покрупнее кусок. Чем дальше, тем больше будет таких захватнических войн. Тем хуже будет при империализме народу. Но силы и разум рабочего класса растут. Время социалистической революции близится.

Надо знать жизнь, всю историю, чтобы написать эту книгу. Много Владимиру Ильичу приходилось читать!

Из-за этого они и поехали с Надеждой Константиновной в город Цюрих. Там была прекрасная библиотека. Думали недельки две пожить в Цюрихе, а задержались на целый год. Уж очень библиотека Владимиру Ильичу пришлась по душе! Да и город неплох, Большой, оживленный. Много заводов, рабочих.

Ильичи сняли комнатенку у одного сапожника. Окошко выходило во двор, там была колбасная фабрика. Тяжелый, жирный запах стоял во дворе, приходилось весь день держать окошко закрытым. Но Владимиру Ильичу нравилось жить у сапожника. Сапожник был революционно настроен и вообще хороший был человек.

Владимир Ильич до вечера пропадал в библиотеке. Прибежит домой пообедать и снова за работу.

Узкий тротуар под каштанами вел к библиотеке. Круглый год четыре раза в день шагал Владимир Ильич под каштанами, мимо ратуши с башенкой, древнего собора, старых домов. На стенах домов сделаны изображения разных ремесел: часовщик чинит часы величиною с колесо или башмачник шьет башмаки по ноге великану.

А недалеко прелестное переменчивое Цюрихское озеро. Разбушуются волны, озеро с громом бьется о набережную, тогда не подступись. Утихнет, засинеет, засияет на солнце — и не оторвешь глаз, не нагладись! Владимир Ильич восхищался швейцарской природой. Но как тосковал он по Родине! Все сильнее тосковал по России.

Однажды после обеда — Владимир Ильич только собрался в обычный путь — в биб-

ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки **О. ВЕРЕЙСКОГО.**

лиотеку — в дверь застучали. Громко, резко. Вошел знакомый эмигрант. Не вошел, а ворвался. На лице и испуг и восторг.

— Слышали? Нет? Не слышали? Революция в России.

Владимир Ильич побледнел, схватил шляпу. Надежда Константиновна пальто на ходу надевала. Помчались к озеру. Синева озера слепила глаза. Белые лебеди, горделиво выгнув шеи, плавно плыли по озеру.

Владимир Ильич подбежал к навесу. Здесь, на берегу озера, под навесом, всегда вывешивались свежие газеты.

— Надюша!—воскликнул Владимир Ильич. И замолчал. Он так был взволнован, что говорить даже не мог. В России революция. Царь отрекся от престола. Образовано Временное правительство...

Владимир Ильич жадно читал телеграммы в газетах. 1917 год. Месяц февраль. В России революция.

Нет сомнений, совершается что-то огромное дома. Домой, скорее на родину! Нельзя дольше здесь оставаться. Скорее в Россию! Ведь вся его жизнь была отдана тому, что там сейчас совершается. Весь его труд! «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», газета «Искра», партия — все звало к свержению царизма.

Но как уехать? Дорога одна — через Гер-

манию. Разве немецкие власти пропустят русских, когда у Германии с Россией война?

Владимир Ильич потерял покой. Перестал спать. Похудел. Глаза ввалились, горели упрямым огнем.

Наконец после долгих хлопот и тревог пришло решение. Швейцарские товарищи выхлопотали для русских революционеро-эмигрантов пропуск домой.

Поезд отходил через два часа. Ни одной лишней минуты не хотел жить Владимир Ильич на чужбине. За два часа собраться? Разве можно успеть? Уложить вещи, сдать в библиотеку книги, расплатиться с хозяевами? Бегом, бегом. Успели. Через два часа выезжали из Цюриха, в Берн. Из Берна домой. Тридцать русских эмигрантов вместе с Лениным возвращались в Россию.

«Спасибо за доброту и приют!» — послал Ленин прощальное письмо швейцарским товарищам.

А поезд шел. Громыхали колеса. Мчались мимо ослепительные озера и величественные горы Швейцарии. Потом потянулись немецкие города и поля.

— Таки-чуж, таки-чуж,—стучали колеса. Долго-долго, томительно. Швеция. Нескончаемо тянется время. Когда-то добрались до Финляндии. Вот и Петроград скоро.

В окно виднелся низкорослый лесок из тонкоствольных сосенок и елей. Белел недотаявший снег. Черными лужами разлились торфяные болота, уставленные мшистыми кочками. Был поздний вечер, наступала ночь.

— В Петроград приедем, наверное, все спят,— сказала Надежда Константиновна.

В тусклом свете фонарей неясно выступили громады каменных зданий. Склады, депо... Поезд замедлил ход, приближаясь к Финляндскому вокзалу. Мощный паровозный гудок поднялся, разорвал ночное безмолвие. Поезд подходил к перрону. Шумно дышал паровоз... Но что это? Музыка. На перроне играли «Марсельезу».

— На караул! — донеслась команда.

Перрон был битком набит народом. Рабочие. Отряды Красной гвардии. Как вылитые из бронзы, плечом к плечу, кронштадтские матросы.

— На караул!

Все замерло, стихло. Красногвардейцы, матросы взяли на караул.

Ленин вышел на площадку вагона. Он был потрясен этой встречей.

— Товарищи!..

— Да здравствует Ленин! Долой войну! Да здравствует революция! — загремело в ответ.

Там, за вокзалом, на площади, тысячи голосов подхватили. Море людей на площа-

ди. Как языки пламени, пылали освещенные прожекторами знамена. Какой-то человек кинулся к Ленину. Ученик из школы Лонжюмо. Через шесть лет повстречались на родине.

— Владимир Ильич, приветствую вас от имени большевиков Петрограда!

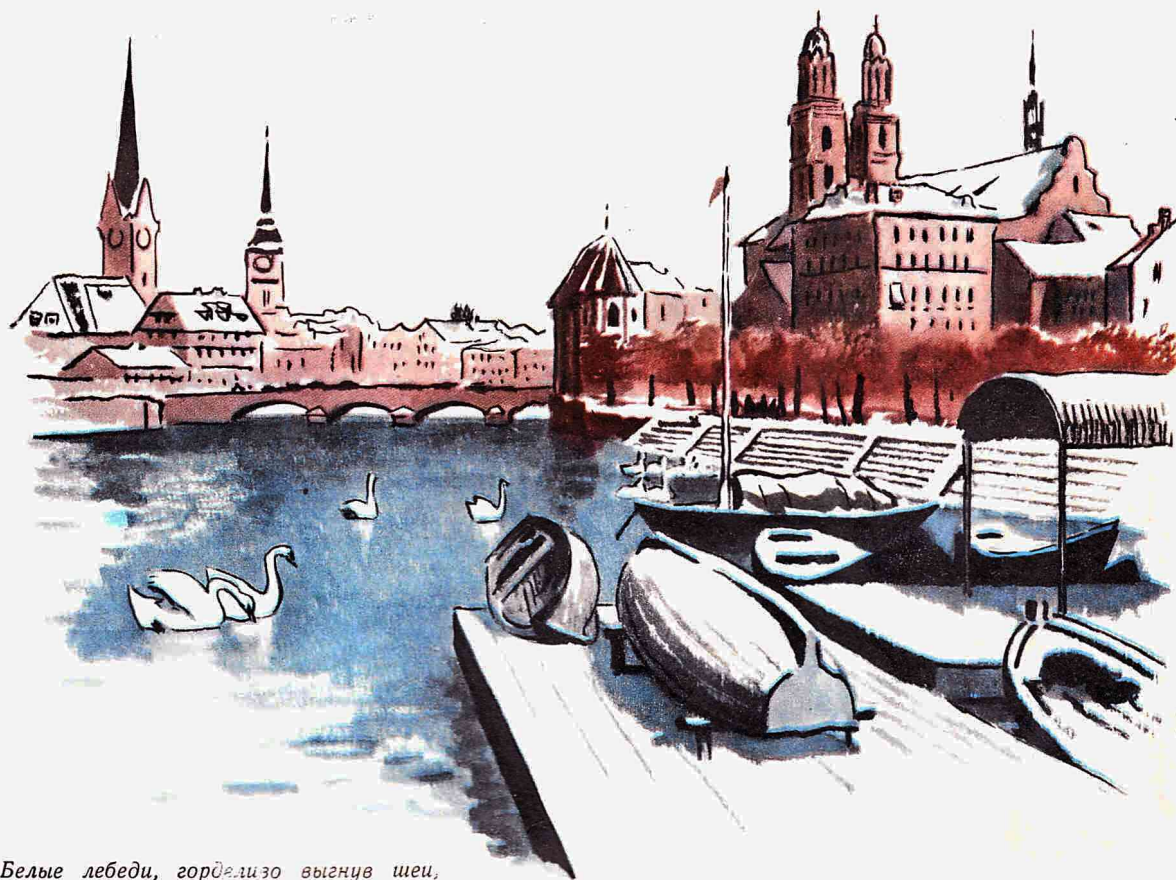
У вокзала стоял броневик. Башня была неподвижна, пулеметы молчали. Броневик тоже встречал вождя партии и рабочего класса. Рабочие и солдаты поднимали Ленина на броневик. Руки дружески тянулись к нему. Улыбались глаза. Светились истомленные лица.

Ленину хотелось обнять их всех, родных рабочих людей, измученных войной и разрухой.

— Товарищи! — сказал Ленин. — Вы сделали революцию, свергли царя. Но власть захватили капиталисты и хотят править нами. А нам нужна власть трудящихся. Восьмичасовой рабочий день нужен нам. Земля — крестьянам. Хлеб — голодным. Мир — народу. Социалистическая революция нам нужна!

— Ура! Да здравствует Ленин! — кричала площадь. Кричали улицы. Кричали распахантые окна домов, как будто не ночь была, а радостное весеннее утро.

Броневик тронулся. Торжественно тронулся броневик. Ленин возвратился домой навсегда.

Белые лебеди, гордылицо выгнув шею,
плавно плыли по озеру.

Расстанная улица

Владимир Ильич приподнял голову от подушки. Огляделся с улыбкой. Чистенькая скромная комната со светлыми обоями. Небольшой письменный стол. На столе газеты. Цветочный горшок на окне. В углу кресло, обитое темно-красным вышитым шелком.

«Где я? Снится мне?»

Нет, Владимиру Ильичу не снилось. Он был у сестры Анны Ильиничны и ее мужа Марка Тимофеевича Елизарова на их петроградской квартире.

В памяти вспыхнул весь вчерашний день, полный счастья и удивительных встреч! С вокзала броневик повез Владимира Ильича в бывший дворец балерины Кшесинской, близкой царю Николаю Второму. Теперь там располагались Центральный Комитет и городской комитет партии.

Медленно двигался броневик прямыми, стройными улицами. Была поздняя ночь, но во многих окнах горел свет. На улицах толпился народ.

— Ленин! — кричали люди.

Броневик останавливался. Владимир Ильич видел, как народ ждет его слов. Он старался просто и ясно говорить о социалистической революции, нашей, рабочей. Сердце его полно было пламенных слов. Слова рвались из сердца.

А рабочие все прибывали. Сотни людей окружили дворец Кшесинской, недалеко от Невы и Петропавловской крепости.

— Пусть Ленин выйдет! Пусть Ленин скажет! Да здравствует Ленин!

Владимир Ильич несколько раз выходил на балкон. Если бы не ночь, с балкона виден бы был позолоченный шпиль Петропавловской крепости и тяжелые, неприступные стены. Много лучших светлых людей загублено в ее казематах, сырых и ледяных, как колодцы. Ты не страшна нам больше, проклятая крепость.

— Старое никогда не вернется, — говорил рабочим Владимир Ильич. — Вперед, товарищи! Да здравствует социалистическая революция!

Во дворце собрались большевики со всего Петрограда. Не расходились. Не отпускали Ленина. Необыкновенная была эта ночь!

Только утром, в пять часов, Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, измученные и счастливые, добрались домой.

От волнений, переживаний Владимир Ильич не мог уснуть. Может, какой-нибудь час подремал, открылись глаза. Тихо в квартире, ни звука.

Квартира похожа на плывущий корабль.

Так подумал Владимир Ильич, бесшумно идя вдоль коридора. Длинный, узкий коридор. По сторонам комнаты, будто каюты. В конце треугольная столовая и треугольник балкончика, как нос корабля. В столовой пианино.

Владимир Ильич взял ноты. Мамины ноты. Семь месяцев не дожила мама до этого часа. И Надина мама не дожила.

Владимир Ильич с грустью оглядывал комнату, похожую на нос корабля. В этой качалке мама сидела с книжкой, кутаясь в шаль. Старенькая, было ей зябко, и вечно-вечно болела душа за детей. Кто-то в ссылке. Кто-то в тюрьме. Мамочка! В какие только тюрьмы не носила ты передачку! Петербургскую, московскую, киевскую, саратовскую... По каким городам не мотала тебя судьба!

Владимир Ильич положил ноты на пианино и тихо вернулся в комнату, в которой сестра поселила их с Надей. Раньше здесь жила мама. Последнее мамино жилье. Мамино темно-красное кресло. Вышила своими руками, разбросала по шелку цветы... Мама! Хоть на мгновение увидать бы тебя, поцеловать твои нежные, терпеливые, твои материнские руки!

Скоро в доме проснулись. Но сегодняшнее утро было не то, что вчера. Вчера были все радостны, оживлены. Сегодня говорили негромко. Сестра Анюта спросила:

— Сразу поедем туда?

Владимир Ильич кивнул. Всю дорогу до кладбища он молчал.

От Лиговки к Волкову кладбищу вела Расстанная улица. Скорбная улица. «Последний путь. Расстаемся».

На кладбище еще лежал снег. Там и тут между могилами белели сугробы. Соновая ветка на могиле у мамы. Рядом холмик поменьше, Олин холмик. Понуро свисали неодетые ветки осины.

Ленин снял шапку. Низко опустил голову. Долго стоял над могилой.

Картины детства пронеслись перед глазами. Симбирский дом. Уютная лампа зажжена в столовой. Дети уселись за стол. Мама раскрыла книгу. Что-то интересное, необыкновенное ожидает детей. Какой хороший у мамы голос, звучный и легкий!

Или вот совсем другое. Громыкает на двери камеры тюремный замок.

— Заключение Ульянов, на свидание с матерью!

Он спешит, спешит тюремным коридором, боясь упустить минуту свидания. Сумрачный зал с низкими сводами. Двойная решетка. К решетке прильнуло мамино родное лицо. Ласка в глазах.

— Здоров ли? Володя! Молока тебе принесла, гостинцы. Книжки, какие просил...

«Мама, милая мама! Не дожила ты до нашей новой жизни, не увидишь. Как горько, как больно!.. Мама, родная, спасибо тебе».

Власть Советам

Ленин поклонился могиле матери и с Волкова кладбища поехал на собрание большевиков делать доклад. Было 4 апреля 1917 года, поэтому доклад Ленина после назвали «Апрельские тезисы». Он писал их в вагоне, когда возвращался на родину. Кратко нарисовал точный план, как теперь, после свержения царя, действовать в России большевикам и народу.

Временное правительство взяло власть. А кто во Временное правительство входит? Помещики да капиталисты, богач к богачу. Охота ли богачам заботиться о рабочих и крестьянах? Совсем неохота. Они о своих богатствах заботятся. Для чего же тогда большевикам поддерживать Временное правительство? Не будем. Будем Советы поддерживать. Советы рабочих и крестьянских депутатов в ту пору уже создалась, да не очень еще были сильны.

— Усиливать надо Советы! — говорил Ленин. — С помощью Советов отберем у помещиков землю, у капиталистов — заводы. Земля и заводы станут народными. И кончим войну.

Вот к чему звал Ленин большевиков и рабочих. Временное правительство ненавидело Ленина! Клеветнические слухи сочиняли про Ленина, будто он немецкий шпион.

Противно было Владимиру Ильичу, что буржуи так гадко на него клеветают, но он был тверд. Великая задача была перед ним. Ленин был верен великой задаче.

Рабочие понимали, что путь их с большевиками. Но не все. И крестьяне не все понимали. Уж очень все бурлило, кипело в России. Меньшевики и буржуи всячески сбивали крестьян и рабочих. Писали в своих газетах разные небывлицы про большевиков. Агитировали за войну, за буржуйскую власть.

А у большевиков была своя газета под названием «Правда». Помещалась она в одном большом доме на набережной реки Мойки, занимала три комнатки. Газета действительно открывала правду народу.

Ленин сразу приехал в большевистскую «Правду». Написал тут же статью. На другой день еще. Каждый день одну или две, даже три статьи писал в «Правду». Выступал на заводах и фабриках по всему Петрограду. И так понятно объяснял народу борьбу большевиков за счастье трудящихся, что все больше и больше склонялось рабочих и крестьян на сторону Ленина.

Солдаты писали с фронта: «Товарищ, друг Ленин! Помни, что мы, солдаты... все, как один, готовы идти за тобой».

Только три месяца, как Ленин приехал в Россию, и как все переменялось! Ленин

был не один. Были товарищи у него. Вместе добивались. Добились. Солдаты не хотят воевать. Рабочие не хотят работать на капиталистов.

В один летний день рабочие Петрограда вышли на улицы. Большевики не поднимали рабочих. Рабочие сами вышли, тяжело им было. Пятьсот тысяч рабочих и солдат двинулись по городу с лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой министров-капиталистов!», «Хлеба, мира свободы!».

Шли уверенно, строго — могучие силы чувствовались в этом народном движении.

И министры Временного правительства трусили. Что делать? Как остановить демонстрацию? Хоть называли они себя революционным правительством, а поступили подло, как царь. Открыли по демонстрантам огонь. Приказали войскам стрелять в безоружных людей.

Это было 4 июля 1917 года.

На другой день ранним утром Владимир Ильич поехал на набережную реки Мойки в редакцию «Правды». Проверить, как идет выпуск газеты, дать советы товарищам. Владимир Ильич понимал: наступает опасное время.

...Военный автомобиль с визгом затормозил у здания «Правды». Послышался на лестнице топот сапог. Рывком распахнулась дверь. Несколько юнкеров со штыками наперевес ворвались в редакцию «Правды».

— Где Ленин?

Ленина не было. К счастью, Ленина не было. Владимир Ильич благополучно уже возвращался из «Правды» домой. Надежда Константиновна и сестра дожидались его в коридоре, прислушивались у двери, безмолвные и бледные.

— Володя! Временное правительство обьявило тебя вне закона.

И тут зазвенел длинный звонок. Все вздрогнули, затаили дыхание.

— Неужели за тобой? — шепотом спросила Надежда Константиновна.

Владимир Ильич шагнул к своей комнате. Порвать адреса и документы. Быстро! Не дать сыщикам в руки.

— Откройте! — раздался за дверью приглушенный голос.

— Свердлов! — узнала Анна Ильинична. — Да это Свердлов!

Ликование всех охватило. Готовы были обнимать, целовать Свердлова.

— Яков Михайлович, голубчик, входите! — наперебой звали Надежда Константиновна и сестра худощавого темноглазого человека в пенсне. Он был верным большевиком и помощником Ленина.

— Юнкера разгромили редакцию «Правды». Выбили стекла. Все искололи штыками. По городу аресты, обыски. Юнкера бесчинствуют. С минуты на минуту могут нагрянуть сюда. Надо уходить,

Владимир Ильич в раздумье молчал. Сно-

Рабочие и солдаты подняли Ленина на броневик.

ва охота за революционерами. Слежка, тюрьмы, жандармы. Снова скрываться. Как при царизме.

Владимир Ильич колебался. Но слишком

серьезна угроза. Человека, объявленного вне закона, может всякий убить без суда. Временное правительство решило его уничтожить.

— Надо уходить, Владимир Ильич! — твердо повторил Свердлов.

Снял пальто, накинул Владимиру Ильичу на плечи.

— Наденьте. В чужом не сразу узнают. Поднимите воротник.

Владимир Ильич поднял воротник. Обнял сестру и жену. Прощальным взглядом окинул свой трехмесячный приют, квартиру сестры, похожую на плывущий корабль.

И ушел неизвестно куда. У революционеров называлось это «в подполье».

Лесной кабинет

Под Петроградом, недалеко от финской границы, в поселке Сестрорецке, был большой оружейный завод. Рабочий Николай

Александрович Емельянов работал на Сестрорецком заводе лет тридцать. А жил на станции Разлив, откуда до завода пешком всего полчаса. Станция называлась по озеру — Разливом. Озеро здесь начиналось и тянулось километров семь, в солнечные дни голубое, как небо. По берегам чернотельная ольха, да кусты, да болота.

Однажды к Емельянову приехал домой человек. Емельянов его знал: это был доверенный ЦК. По важному делу приехал доверенный! Центральный Комитет партии большевиков постановил: скорее укрыть вождя партии Ленина от преследований контрреволюционного Временного правительства.

— Поручено тебе, товарищ Емельянов, — сказал доверенный ЦК. — Постарайся для пользы народной нашего Владимира Ильича уберечь от злодеев. Сумеешь ли?

— Затем я и большевик, чтоб суметь, — ответил Емельянов.

На первое время он решил спрятать Вла-

Ленин сразу приехал в большевистскую «Правду». Написал статью.

димира Ильича на сеновале у себя во дворе. Сеновал был в сарае, на чердаке. Лесенка туда вела. Оконце чердака глядело во двор.

Ленин тут поселился.

Но скоро Емельянов понял: нет, не годится чердак, опасно. Кругом соседи. Чужие ребятишки забегают во двор. У Емельянова своих детей семеро — по товарищу на каждого, считайте, малая ли команда составится? Нет, другое надо искать убежище, поглуше, подальше.

Ранним утром Емельянов разбудил Владимира Ильича. Солнце еще не взошло. Над прудом висел сизый тонкий туман. Пруд был сразу за домом. Емельянов отвязал лодку. Тихо плеснулась вода под веслом. Сонные дома бесшумно стояли вдоль пруда. Мимо сонных домов вывел Емельянов лодку по пруду в озеро Разлив. Озеро светлое, большое, безлюдное. Ночь только ушла. Люди спят. Птицы спят. Чуть заалела заря на востоке.

Емельянов торопился переправить Ленина на другой берег Разлива. Версты четыре дотуда. Волновался: не увидел бы кто из соседей, что раным-рано везет чужого человека неизвестно куда, неизвестно зачем. Во всех газетах было напечатано, что власти ищут Ленина. Разные люди встречаются... Поэтому Емельянов спешил.

Владимир Ильич молча сидел за рулем. Утренний ветерок налетел, и седые туманы тронулись над Разливом. Яснее стали видны берега. Розового света зари прибывало.

В этот тихий час вспомнились Владимиру Ильичу давние годы, дорогие друзья. Вспомнился питерский рабочий Бабушкин. Вместе с Бабушкиным написал Владимир Ильич первую листовку Союза борьбы. Пылким революционером, твердым большевиком стал питерский пролетарий Иван Васильевич Бабушкин. Власти казнили его без суда в 1906 году.

А матрос Афанасий Матюшенко с броненосца «Потемкин», который приезжал к Владимиру Ильичу в Женеву рассказать о восстании! После вернулся на родину, власти казнили его.

Еще один товарищ вспомнился Владимиру Ильичу, молодой уфимский рабочий Иван Якутов. В революцию 1905 года образовал Иван Якутов рабочую республику в Уфе. Революцию подавили, Ивана Якутова казнили на тюремном дворе. Сотни, тысячи павших за революцию рабочих бойцов! Вечная память вам.

Владимир Ильич подумал, что сестро-рецкий рабочий Емельянов тоже сильно рискует, укрывая его от буржуазных властей. ПопадетсЯ — не помилуют. А ведь семеро ребятишек останутся.

— Спасибо, Николай Александрович, — сказал Владимир Ильич.

Дверь отворилась, и вошел художавый темноглазый человек.

Емельянов взглянул на него. Понял, должно быть.

— Чего там, Владимир Ильич! Это за честь для меня.

И подвел лодку к берегу. В осоку. Осока шуршала, раздвигаясь под лодкой.

Прямо у берега стоял лес. Не лес, а лесок из голенастых осинок, ольхи, тонкоствольных берез. Невысокий, частый лесок.

Разгрузили лодку, потащили провизию да одеяла с подушками в глубь леска, с полверсты. Да еще Владимир Ильич нес под мышкой кипу бумаги и синюю тетрадь.

Почти год работал в Цюрихе, в библиотеке, делал разные необходимые записи. Сейчас была кладом для Владимира Ильича эта синяя тетрадь с записями.

Однако куда же Емельянов ведет? А вот куда! Прошагали леском, и открылась поляна. Большая поляна, зеленая. На поляне шалаш. Возле шалаша врыты колышки в

землю, котелок повешен на кольшках. Понимайте, что кухня.

— Ба! — воскликнул Владимир Ильич. — Знатное жилье, Николай Александрович! Лучше и вообразить невозможно.

А Емельянов в ответ:

— Это видали?

И косу, приставленную к шалашу, показал. И брусок косу точить.

— Владимир Ильич, я в косцы вас нанял. Поляну эту заарендовал, скосить, стало быть, надо. В случае, если ягодники или грибки на шалаш набредут, вы, Владимир Ильич, ни полслова. Я финна в косцы подыскал. Ничегошеньки по-русски финн не кумекает. Ни словечка не смыслит.

— Гм! — кашлянул Владимир Ильич. — А похож я на финна?

Емельянов внимательно, в который уж раз, Владимира Ильича с ног до головы оглядел. Владимир Ильич бороду сбрил, усы подстриг. В косоворотке, пиджачишке поношенном, рабочий да и только.

— Здорово на финна рабочего смахиваете, — одобрил Емельянов. И дальше: — Провизию будем возить на заре или ночью.

— Газеты! Непременно газеты, все, какие выходят! — сказал Владимир Ильич.

— Будет исполнено. Мальчишек своих мобилизую. Одного-то нельзя. Заметят, что больно много один газет набирает. Распределю, какие кому доставать. Да на лодку. Да к вам.

Владимир Ильич кивнул. Помолчал. Солнце поднялось. На траве засверкала роса. Казалось, вся поляна обрызгнута была драгоценными камушками.

— Вот что еще, — сказал Владимир Ильич. — Косцу вашему необходимо много писать. Надо сообразить, где бы пристроиться.

— Сообразили уже! — с удовольствием заявил Емельянов. — Гляньте.

Раздвинул вблизи шалаша густые кусты, развел в стороны ветви, и Владимир Ильич увидал вырубленную в кустах уютную, зеленую площадочку. И два чурбана. Один пониже, другой повыше — табурет и стол.

— Лесной кабинет ваш, — сказал Емельянов. — И не видно. И тишь, чтобы мысли не спугивать.

Через некоторое время, наладив в шалаше порядок, Емельянов уехал. Владимир Ильич пошел к озеру проводить. Постоял, пока лодка скрылась в голубом просторе Разлива. Где-то вдали запоздалая кукушка вздохнула: ку-ку. И смолкла. Лето шло к середине, птицы не пели: кормили птенцов.

Владимир Ильич помахал невидимой уже лодке и быстрым шагом направился в зеленый свой кабинет. Он задумывал книгу, как надо рабочим бороться за рабочую власть. Как рабочим устраивать свое государство.

Кочегар паровоза № 293

Хорошо, что ЦК партии постановил укрывать Ленина. На другой день, как он из дому ушел, прискакали юнкера с обыском. Перерыли все вещи. Штыками под кроватями шарили. Искали Ленина.

А Ленин жил в шалаше у Разлива. Ничего бы, да комары не давали покоя.

— От Временного правительства спасся, а от комаров спасения нет, — говорил Владимир Ильич.

Или припустят дожди. Тогда сиди в шалаше. Костер залет, не разожжешь — и чаю вскипятить негде, не погреешься горяченьким. Трудновато приходилось. Но Владимир Ильич голову не вешал. Работы у Владимира Ильича было без края. Писал статьи, обдумывая книгу. Руководил съездом большевиков. В Петрограде собрался Шестой съезд большевистской партии. К Владимиру Ильичу тайно приезжали товарищи. С ними Владимир Ильич посылал свои советы и указания съезду.

Владимир Ильич говорил: надо готовить вооруженное восстание и пролетариату с беднейшим крестьянством брать власть. Вот какую грандиозную задачу поставил Владимир Ильич перед съездом! Съезд согласился с Лениным и принял решение готовить восстание.

«В эту схватку наша партия идет с развернутыми знаменами... настает смертный час старого мира» — так было написано в воззвании съезда.

Буржуазное Временное правительство все больше ненавидело Ленина. Ведь все понимали, что вождь партии — Ленин. Это Ленин ведет так смело и решительно партию. В погоне за Лениным буржуазное правительство сотни сыщиков поставило на ноги. Мобилизовали собак. Была у полиции знаменитая собака-ищейка по имени Треф, так и ее пустили по следу за Лениным.

Стало рискованно Владимиру Ильичу жить в шалаше. Да и лето шло к осени. Ночи стали студеные, длинные. Зарядили ненастья.

И ЦК партии постановил перевести Ленина из шалаша в другое, более отдаленное место.

Однажды Емельянов чуть свет появился на Оружейный завод. Прямо к начальству. Но разве сыщется такое начальство, чтобы с зарей на работу поднялось? Конечно, и в помине начальника не было. Емельянову того и надо. Знакомый караульный разрешил войти в кабинет. Для караульного Емельянов причину придумал, на самом же деле нужно было ему раз-

добыть пропуск для перехода границы Финляндии. Некоторые заводские рабочие жили тогда в финских местностях, так им начальник выдавал такие пропуска на проезд. Пропуска у него на столе валялись кое-как, в беспорядке. Емельянов что под руку попало загреб — и в карман. И к Ленину в шалаш. Превратился Владимир Ильич в Константина Петровича Иванова. Начисто обрили усы и бороду, подрисовали брови, надели парик. Из-под надвинутой кепки упали на лоб и виски пряди растрепанных волнистых волос. Совершенно на себя непохож сделался Ленин.

Поздним вечером оставили шалаш у Разлива и отправились в путь через лес, к железной дороге. Вел Владимира Ильича Емельянов да двое финских товарищей. Вначале шли благополучно, только уж очень было темно, по-осеннему. Шли гуськом узкой тропкой. Ветви бьют по лицу. Вдруг стали спотыкаться о кочки. Тропка исчезла. Деревья поредели. А кустарник разросся чаще, непроходимее. И что это? Что это?.. Потянуло дымом. Костер или пожар где-то? С каждым шагом дым ядовитее, гуще. Трудно стало дышать. Слепли глаза. Владимир Ильич остановился, взялся за грудь. Грудь разрывалась от кашля. Идти невозможно.

— Свернем,— сказал Емельянов.— Горит торф на болоте.

Ничего нет страшнее и коварнее торфяного пожара! Огонь тлеет под землей, раскаляется, ползет дальше, шире. И вдруг взвывается ввысь бушующий столб, все сжигая и уничтожая кругом.

«Что наделал! На пожар завел Ленина. Неужто погубим?» — подумал Емельянов.

— Владимир Ильич, за мной! Товарищи...

Они задыхались. Брели в клубах белого дыма. Как слепые. На ощупь. Спотыкались. Падали. Поднимались, снова брели. Долго ли? Наверное, долго...

Но вот дым стал редеть, слабеть. Дым оставался в стороне, позади. Под ногами не шатались больше зыбкие болотные кочки. Вырвались из горящего торфяного болота! Вырвались наконец. Убежали от пожара. Спаслись.

Измученные, они сели отдохнуть прямо на землю. Дрожали ноги от слабости. Емельянов мучительно себя корил. Страшно подумать, что могло быть...

А на завтра ночью, в час пятнадцать минут, к станции Удельной из Петрограда подошел дачный поезд. Поезд направлялся в Финляндию. Машинистом был финн Гуго Ялава. Он был большевиком, жил в Петрограде. Он любил свой испытанный паровоз № 293, с черной расширенной сверху трубой и круглыми горячими боками. На Удельной Гуго Ялава остановил паровоз у переезда. Выглянул. Так и есть. Возле

переезда стоял человек, курил; вспыхивал светляком в темноте огонек папиросы. Другой у фонаря читал газету. Так было условлено. Провожающие — один курит, другой читает. Значит, все в порядке. Сейчас покажется Ленин. «Где же он?» — забеспокоился Гуго Ялава.

В эту секунду к паровозу быстрой походкой подошел невысокий коренастый рабочий. В кепке. Каштановая прядь упала из-под кепки на лоб. Взялся за поручни, подтянулся, залез в паровоз.

— Здравствуйте. Я Константин Петрович Иванов. К вам в кочегары.

— Здравствуйте, товарищ кочегар, — приветствовал Гуго Ялава. И с удивлением: — Приведись на улице встретиться, не узнал бы, честное слово!

— Тем лучше, — засмеялся Владимир Ильич.

Сбросил пальто и, как заправский кочегар, принялся укладывать возле топки в клетку дрова.

Паровоз коротко свистнул, заработали шатуны. Побежал мимо лес.

До станции Белоостров доехали без забот. Станция Белоостров была пограничной. Полным-полно на станции полицейских и юнкеров. Едва поезд остановился, кинулись по вагонам проверять документы. Заверещали свистки. Вдоль поезда торопился кондуктор, раскачивая в темноте фонарем. Слышались голоса, крики, брань.

— Как бы к нам на паровоз не пожаловали! — с опаской сказал Гуго Ялава. — Хоть и с пропуском, а все от сыщиков лучше подальше.

— Какой же выход? — спросил Ленин.

— Найдем, — сказал машинист.

Спрыгнул на рельсы, живо отцепил паровоз и погнал на всех парах к водоразборной колонке. Будто надо воды набирать.

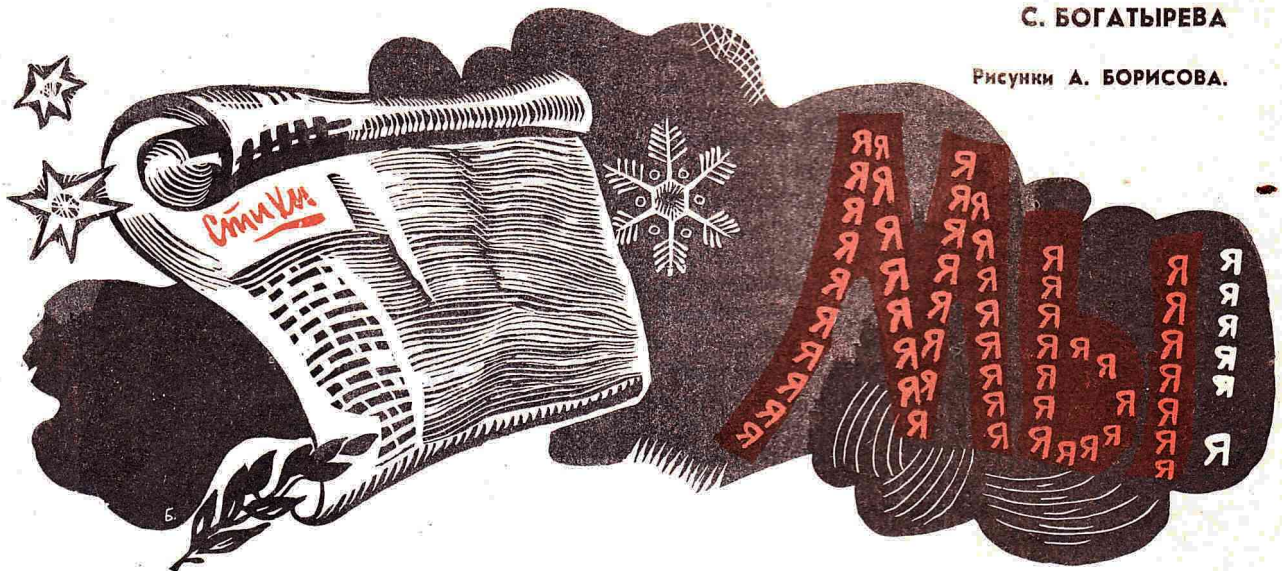
Первый звонок. Полицейские все шныряли по вагонам. Кого-то искали. Кого-то куда-то вели. Вся станция была в возбуждении.

Второй звонок. Паровоз у колонки не тронулся. Только за минуту до отправления Гуго Ялава подвел свой двести девяносто третий к вагонам. Прицепил. Третий звонок. Паровоз озорно засвистел. «Остался с носом, голубчики!» — дразнил полицейских и юнкеров машинист Гуго Ялава.

И поезд помчался дальше. Ночь летела навстречу. Летело звездное августовское небо. Владимир Ильич высунулся из паровозной будки. Свежий ветер ударил в лицо.

Скоро они были в Финляндии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

«ВОЗЬМИ ЕЕ ПИСТОЛЕТОМ»

Голос из темноты сказал:

— Возьми ее пистолетом.

— Грубо,— сказал Главный осветитель.

— Смягчишь фильтром,— подсказал голос.— На белом — желтое пятно. Красиво!

— Вот вырублю — будет тебе «красиво»! — пригрозил Главный осветитель.

— А зачем фильтры покупали? — пискнул голос.

Девочка тем временем смиренно стояла на сцене и только жмурилась, когда ее «брали пистолетом», то есть освещали маленьким ярким прожектором, или с головы до ног заливали сиянием — белым, желтым, а один раз даже пламенно-красным.

Когда включен большой прожектор, виден зрительный зал. Зрителей здесь пока нет. Десятка два мальчиков и девочек да трое взрослых — это все актеры, авторы и режиссеры спектакля, рабочие сцены. Малыши — те сидят ровненько возле своей руководительницы, не крутятся, не балуются и советов не подают. Старшие ходят по залу, вскакивают на сцену, везде суют нос и во все вмешиваются. Изредка в приоткрытую дверь заглянет кто-нибудь из племени «самых старших», студенты или рабочие, бывшие члены клуба. Этих встречают радостными воплями. Стоит им рот раскрыть — кругом почтительно замолкают.

А все вместе — тихие малыши в наглаженных школьных формах, старшеклассники с лихими прическами, «самые старшие» с их воспоминаниями и авторитетом, осветитель с путаницей кабелей, самодельная сцена в нарядном зале с колоннами — это репетиция нового спектакля клуба поэтов Ленинградского Дворца пионеров.

Клуб этот — он называется «Держание» —

существует лет двадцать, и уж которое поколение ленинградских ребят декламирует здесь свои стихи, ругает и хвалит чужие, спорит о новостях литературы и читает очень умные доклады на очень трудные темы. А вот спектакли они недавно затеяли и вроде бы не за свое дело взялись. ТЮТ, Театр Юного Творчества при Дворце пионеров, и так есть, там тем более все делается на славу: и пьесы, и постановки, и декорации. Но клуб поэтов не думал соперничать с ТЮТом. У него была своя задача.

ПОЛСТРАНИЦЫ РАССУЖДЕНИЙ

Кто такой поэт? Человек, который пишет стихи. Почему он пишет стихи? Потому, что умеет складно подбирать слова? Наверное, все-таки не поэтому.

Вот все ребята любят прыгать — через веревочку, через рейку, кто выше, кто ниже. Но один прыгает как-то особенно ловко, а потом он вырастает и оказывается, что он Валерий Брумель.

Почти все мальчики и девочки мастера что-нибудь из «Конструктора». И даже получается неплохо. Но один все делает особенно толково, и машины у него выходят невиданные. А потом он становится замечательным конструктором, и его имя пишут на крыльях самолетов.

Все ребята радуются первой грозе и первому снегу. Некоторые даже визжат по этому случаю. Но кто-то один не визжит, а свою радость и свое удивление умеет переложить в слова. Он высказывает то, что другие чувствуют, но не могут выразить.

Этот человек, может быть, станет поэтом.

и должно быть. Потому что ничего они свой спектакль не разучивают, не репетируют. Они его на моих глазах все вместе творят.

Выключатель — ладно, мелочь, посмеялись и забыли. А кому где стоять и откуда выходить — это в театре не мелочь, это серьезная часть режиссерской работы. В клубе поэтов такую работу делают все. Потому и спорят, что у каждого, кто пришел на репетицию, по каждому поводу есть свое мнение. И почти у каждого хватает смелости и голосу это мнение выложить. Самое толковое выбирают с ходу, запоминают (то, что сами придумали, известное дело, запоминается легко!) — и готова сцена. Тут же пробуют свет — яркий или рассеянный, белый, желтый или красный, — и кто-то один, на этот случай назначенный, записывает, на чем порешили, чтобы потом не запутаться.

Вопросы на репетиции начинаются все одинаково: «Алексей Михайлович, а где...», «Алексей Михайлович, а куда...», «Алексей Михайлович, а можно...» И все смотрят в первый ряд, где сидят взрослые — Алексей Михайлович Адмиральский, Нина Алексеевна Князева и Любовь Борисовна Береговая, руководители клубных кружков. Но ответить всегда успевают ребячьи голоса. Взрослые, те откликаться не спешат: ведь все, что тут происходит, — каждое прочитанное стихотворение, каждый дельный совет — это и есть результат их работы. Они учат ребят любить стихи, понимать их, читать, оценивать и считают, что можно теперь положиться на их вкус. Недаром, ссорясь и воюя из-за мелочей, ребята о главном договариваются на диво легко: что такое хорошо и что такое плохо в поэзии и на сцене, это они, как видно, понимают одинаково. Недаром обрели они свое драгоценное «Мы»!

Потом спроси у ребят, кто что придумал для спектакля, наверное, не разберешься. Все — всё. Все авторы. Все режиссеры. Все актеры, художники и рабочие сцены. Вот разве что музыкантов и осветителей ни с кем не спутаешь: орудия производства налицо!

«СДЕЛАНО НАМИ»

«Все, что вы сегодня увидите, сделано нами: стихи, песни, оформление, музыкальное сопровождение, постановка». Подпись: «Держание».

Этот гордый плакат встретил зрителей, пришедших на премьеру спектакля. Потому что день спектакля в конце концов наступил — неожиданно, как всегда неожиданно приходят дни экзаменов и дни праздников. Он, этот день, был похож сразу и

на то и на другое: многолюдством, яркими огнями, веселым шумом в фойе и тихим страхом под ложечкой.

— Начинаем, товарищи, начинаем!

— А место ты мне занял?

— Нина Алексеевна, я боюсь...

— Привет, маэстро, какой ты чи-и-стый!..

— Здесь все занято?

— Не ты одна, все боятся. Даже мальчишки. Даже из седьмого класса...

— Проходи, там справа два свободных.

— Я ни при чем, это мать нагладила.

И все хором:

— ТИ-ШИ-НА!

Начали!

Четыре ширмы — две белые, две черные — вот наши декорации. Три широкие и плоские ступени — вот наши подмости. Белый свитер и черные брюки, черный свитер и белая юбка — костюм для сцены. Две девочки у рояля и одна со скрипкой — музыкальное сопровождение. Три прожектора — наша техника. Лишнего ничего. Нет даже кое-чего необходимого. Не беда, обойдемся!

На белой ширме черным контуром — решетка Фонтанки, набережной, на которую выходит Дворец пионеров. На черной — белой краской силуэт Адмиралтейства и летящий кораблик над его шпилем. И, словно номер над воротами дома, надпись: «1969».

Девочки и мальчишки — то справа, то слева, то прямо из зала по одному, по два выходят к ширмам, поднимаются на ступени, читают стихи. Иногда на сцене появляется мальчик с гитарой, и тогда стихи звучат под музыку. Длинненькая, тонюсенькая девочка поет песню своего сочинения. Резкое пятно света выхватывает из полумрака то одно лицо, то другое, а то — деталь оформления, если того требует смысл. В паузах вступает музыка — рояль, скрипка или магнитофонная лента. Музыка, надо сказать, подобрана на все вкусы и уровни: от «Чижика-пыжика» до партитуры Баха.

Получается очень здорово!

Дело, наверное, в том самом умении поэтов все видеть и обо всем говорить по-своему: о городе, в котором живешь, о товарищах, с которыми ходишь в школу, и о весне, которая всегда является в разгар последней четверти.

Между сценой и зрительным залом нет занавеса. Почему нет — не знаю. Может быть, потому, что не достали или повесить было не на чем. А может быть, нарочно, потому что поэты и актеры не желают отгораживаться от слушателей. Так или иначе, на вечерах клуба зрители чувствуют себя участниками спектакля. На сцене говорят вслух то, о чем в зрительном зале думают. Или о чем собираются подумать.

Тут надо сказать, что стихи, которые они читают, не написаны специально для это-

го случая, для спектакля. Для спектакля стихов никто не сочинял. Каждый писал о том, о чем ему хотелось. И вот что удивительно. У стихов разных людей оказалось много общего — темы, размышления... Ведь недаром похожи в чем-то их авторы!

В спектаклях два главных героя: Ленинград и — «Мы». Ленинград — он словно для того и создан, чтобы его рисовать карандашом, кистью или словом. Ребята и рисуют — то, что видят. Оля Богомолова (она учится в 4-м классе) — чайку над Невой, Лена Пономаренко, восьмиклассница, — огни над городом, а для будущего геолога Лены Пудовкиной с Ленинградом связано все лучшее, что ждет ее в жизни. В 10-м классе она писала:

Пойдем с тобою на Неву!
Смотри, как облака разорваны,
Как треплет ветер синеву.
А мы Неву разделим поровну —
Тебе глоток и мне глоток...

О себе и о своих товарищах говорят поэты. О том, что они любят: в 11 лет это могут быть каникулы и мороженое, как в славном стихотворении Лены Цывкиной, а в шестнадцать — стихи:

Нет, никогда мне не понять —
В реках веков, эпох,
Зачем так много про меня
Написано стихов.
Зачем так много до меня
И где искать невиданных?
Мне подражать или молчать,
Ахматовой завидуя?

Это строки из стихотворения, которое написала девятиклассница Ира Фоменко.

И, наконец, они пишут о том, над чем в себе самих не без яду посмеиваются: по-своему — маленькая Лена Бодрова (стихотворение «Во сне»), по-своему — десятиклассник Коля Голь («Бездонность неба забываем...»).

Они читают, а в зал, мурашками по спине, летят вирусы вдохновения и заражают всех, кто попадает к ним на пути: ребятшек из начальной школы, мам и пап, старшеклассников, студентов, ребят из других городов, которые оказались здесь по случаю каникул...

Потом, после спектакля, согласно традиции, все участники собрались на сцене («Ого, сколько нас много!» — ахнул кто-то из них), зрителям предложили высказаться о спектакле. Но Израиль Савельевич Фридлянд напрасно звал желающих «поругаться в микрофон» — ни одного не нашлось! Все дружно хвалили спектакль. Один москвич, серьезный такой мальчик, сказал даже, что в Ленинграде «климат для здоровья плохой, а для поэзии, как видно, очень хороший». Красиво так сказал. Сам, наверно, пишет стихи.

Что я люблю

Я очень люблю солнце,
И берег, волною просоленный,
И море — бушует, смеется, —
Люблю я его особенно.
Люблю, когда много улыбок,
Конечно, люблю воскресенье
И очень люблю каникулы,
И зимние и весенние,
Но больше всего на свете
(Вы мне не поверите, может быть),
Но больше всего на свете...
Я очень люблю мороженое.

Лена ЦЫВКИНА

*

В о сне мальчишек колочу,
А днем лишь этого хочу.

Во сне с собаками дружу,
А днем, увидев их, дрожу.

Во сне смеюсь я, не реву.
Во сне не то, что наяву.

Лена БОДРОВА

*

Бездонность неба забываем
Мы из-за пятен на стене,
Мы мнем фиалки каблукками
И ищем груши на сосне,
Лежим на продранном диване
Мы под пружинный перегуд,
Но если позовут —
мы встанем...

А если нас не позовут?

Коля ГОЛЬ

Человек- Горошина И Простак

А. ШАРОВ

СКАЗКА

Окончание

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Глава четвертая

Город Одинаковых Человечков

Ледяная тюрьма

ы летели над площадью от башни к ратуше. Под крылом Ахумдус показался странный город. Как он возник на пустой каменной площади, там, где только что не было ни одного строения? В сером холодном свете протянулись прямые улицы. По ним, между квадратными домами, маршировали, не сгибая колен, одинаковые человечки в серых мундирах, с ружьями, пиками и барабанами.

Сквозь грохот барабанов послышалось шакалье завывание:

Употребляйте только мысли плоские,
Мысли плоские практичнее в носке!

Вот он где, наш враг Турропуто!

Ахумдус стала круто снижаться, заходя на посадку, но не коснулась земли и, трепеща крылышками, неподвижно повисла в воздухе.

— Что с тобой? — спросил я.

— Не могу! — дрожащим голосом отозвалась Ахумдус. — Там «смерть мухам»!

Ей почудилось, что площади и улицы замощены клейкой бумагой.

Я пробовал переубедить ее, но она только отрицательно мотала головой.

— Поступай как хочешь, я прыгну сам! — вырвалось у меня.

Я прыгнул, еще в воздухе пожалев об этом своем поступке.

Упал на каменную мостовую, с трудом поднялся и, прихрамывая, пошел по одной из улиц.

Отовсюду слышались команды: «Ать-два! Р-равняйся!»

Мне повстречались два одинаковых человечка.

— Как называется ваш город? — спросил я.

Отвечая, они говорили по очереди одинаковыми голосами:

— Это знаменитый Город Одинаковых Человечков!

— Всем известный город!

— У нас все одинаково: и люди и дома.

— И это прекрасно. Ведь если бы не все было одинаковым, то появились бы различия.

— И для разных человечков понадобились бы различные мундиры.

— А для разноцветных домов — разные краски.

— И для разных мыслей — разные головы.

Снова донеслось завывание Турропуто:

Смотрите только сны рекомендованные,
Прокипяченные и расфасованные.

Сны, которые сами рождаются,

Строго-настрого смотреть воспрещается!

Я побежал на голос колдуна, но скоро понял, что заблудился и кружусь на одном месте.

Из-за угла вышли еще два одинаковых человечка: они все тут ходили парами или в строю и почему-то с закрытыми глазами.

— Скажите, пожалуйста, как мне увидеть колдуна Турропуто?

— Как вы можете увидеть то, что хотите видеть, если видите то, что есть? — спросил первый человечек.

— Закройте глаза, тогда вы увидите то, что хоти-

те видеть, а не то, что есть,— сказал второй таким же голосом.

— Когда глаза открыты, то видишь то, что есть,— лягушек, например, а я ужасно не люблю лягушек.

— Или розы, а я не выношу цветов.

— Стоит закрыть глаза, и видишь то, что нужно.

— Или ничего не видишь, а это еще лучше.

— Или видишь сны, а это приятно.

— Или не видишь снов, а без снов спокойнее.

Раздался грохот тяжелых шагов. По длинной улице бежал Турропуто. Он был еще далеко, но заметил меня и остановился, давась от смеха:

— Ха-ха! Так вот ты где, маленький негодяй! Тебе понадобился ключ от часов, которые наконец стали идти как следует — в прошедшие славные, ледяные, кровавые времена.— Турропуто похлопал себя по карману брюк, откуда высовывалась петушиная головка ключа.— Сейчас я возьму тебя в щепот, придавлю, пока ты не взвоешь, и посажу в карман. Там темно и душно, но ничего, пройдет лет сорок — и ты привыкнешь, если не сдохнешь до того. А дурацкий уголек, который не гаснет, я швырну в самый глубокий колодец: пусть светит добрым мокрицам и благонаправным водяным блохам. А веревочку, которая не рвется, я сожгу. Не будь ее, каменный Сильвер превратился бы в грудку щебня — влюбленный щебень, хи-хи, а старикашка Ганзелнус с горя отправился бы на тот свет. Давно пора!.. Эй, одинаковые мерзавцы! Серые негодяи! Окружить! Схватить! Привести! Ать-два! Бегом арш!

Только что площадь казалась пустой, а тут отовсюду — из переулков, из домов, даже из земли —

стали появляться одинаковые человечки. Они строились в шеренги и с пиками наперевес бежали ко мне.

«...Конец... Только Ахумдус могла бы спасти меня», — без всякой надежды подумал я и поднял голову, чтобы последний раз взглянуть на звездное небо.

И увидел Ахумдус.

В ярком лунном свете видно было, как она скользнула крутым виражом, а затем, сложив крылышки, бесстрашно перешла в пике. И еще — чего я совсем не ожидал — ко мне на помощь спешил Магистр. Он приближался огромными скачками, держа в угрожающе занесенной руке горсть звезд.

Но, на беду, и Турропуто заметил моих друзей.

— Тжарч!.. Тжарч!.. — прокричал он, сильно взмахнув руками.

Все, что любит, поет, улыбается,
Думает, живет и растет, —
Превращается!

Превращается!

В лед! В лед!! В лед!!!

Поднялась ужасающая ледяная буря. Воздух наполнило множество острых льдинок. С каждой секундой сгущалась темнота. Исчезли звезды. Скоро и луна потонула в чернильном мраке.

Озябшими пальцами я вытаскивал матушкин уголек и огляделся. Над городом навис ледяной свод без единого просвета. «В лед! В лед!! В лед!!!» Неужели оледенели и мой дорогой Учитель и Магистр? Кто думал больше, чем они? Оледенела Принцесса, и оледенел только что оживший Сильвер. Неужели весь мир превратился в лед? Или по ту сторону

проклятого ледяного колпака люди живут по-прежнему? И там ждут меня, не теряя надежды, Ахумдус и Магистр?!

Я стоял, прижатый ветром к каменной стене дома. Лыдинки налетали злыми стаями, но жар уголька уничтожал их. Везде крутом безраздельно властвовала вьюга. Дома стояли, полусасыпанные льдом. Вся улица была усеяна ледяными холмиками. Некоторые из них шевелились, и я понял, что это одинаковые человечки, бежавшие, чтобы схватить меня, и засыпанные вьюгой. Над улицей и домами, почти касаясь головой ледяного купола, возвышалась огромная фигура Турропуто, тоже по пояс погруженная в гору льда.

Надо было использовать минуты, пока ураган держит в плену моих врагов. Ветер сбивал с ног, и я двигался ползком, проскальзывая между человечками.

Вверх!

Турропуто взмахнул рукой, и ветер сразу улегся. — Эй, одинаковые мерзавцы! Фонари! — кричал Турропуто. — Лопаты, ломы! Первый, седьмой и тринадцатый отряды — откопать меня! Шестой и десятый — изловить маленького негодяя!

Город ожил. Отовсюду бежали человечки; счастье еще, что они не видели меня.

Я пробирался под ногами человечков, увертывался, с разбегу перепрыгивал через сплошные цепи врагов.

— Живее, серые бездельники! — кричал Турропуто. — Поймать негодяя, иначе я выпущу одинаковых крыс, и они сожрут вас.

Впереди почти отвесно поднимался ледяной склон горы, в центре которой стоял колдун. Я карабкался вверх и вверх, цепляясь руками с содранной до крови кожей за колючие льдины.

Человечки с лопатами и ломами окружали гору. Надвигался сплошной поток тусклых огней. Бледный свет фонарей, к ужасу моему, поднимался все выше. Но я был уже на вершине горы, рядом с толстым брюхом Турропуто.

Собрав последние силы, я прыгнул, ухватился за пояс колдуна, перевалился через край брючного кармана Турропуто и по ключу, как по стволу дерева, соскользнул в темноту.

Волшебный ключик

Все оказалось еще сложнее, чем я предполагал. Ключ был прикреплен к стальной цепочке кольцом, закрытым на замок. Я заплакал от бессилия.

Слышны были частые удары ломов о лед. Еще немного, человечки освободят Турропуто из ледяного

плена. Тогда побег станет невозможным. Зажав уши ладонями, я говорил себе: «Думай, пока не поздно! Что сделали бы на твоём месте Ахумдус и Магистр? Как бы поступил метр Ганзелнус?»

И вдруг я будто услышал голос Учителя: «Вспомни о матушкином волшебном ключике».

Балансируя на скользкой цепочке, я добрался до замка. Я так волновался, что даже не смог сразу вставить ключик в замочную скважину. Кольцо разомкнулось, цепочка выскользнула из-под ног, и я чуть было не полетел в пропасть.

О том, что было дальше, можно не вспоминать. Удивительно было только то, как все мне удавалось в ту ночь: ведь я человек невезучий.

Я обмотал веревочку вокруг пояса и привязал к одному ее концу магистровский ключ, а к другому — уголек. Турропуто был весь увешан значками, медалями, неизвестными орденами, перепоясан орденскими лентами. И колдунское тщеславие очень мне пригодилось. Перепрыгивая с ордена на орден, я без труда добрался до плеча Турропуто, а оттуда вскарабкался на его шляпу.

Тут, устроившись поудобнее, я стал изо всех сил раскручивать веревочку с угольком. Она сама собой вытягивалась. Вот уже уголек коснулся ледяного купола и точно, как циркуль, прочертил круг. «Ворота на свободу!» — подумал я.

Уголек все глубже уходил в ледяную броню купола. Плаваясь и разрываясь, лед как бы стонал. Каждую секунду колдун мог услышать странные звуки. Тогда конец всему! Но недаром Учитель говорил: «Злые колдуны так громко кричат, что слышат только самих себя».

Блеснула черная полоска неба, и показалась звездочка. Плавню изгибаясь, полоска неба удлинялась и удлинялась. Скрежет льда стал таким пронзительным, что Турропуто замолк на полуслове и резко вздернул голову. Я скатился со шляпы колдуна и повис над пустотой. В высоте виден был круг звездного неба. Я почувствовал страшный удар и потерял сознание.

Очнувшись я от легкого ветерка, обвевающего лицо. Очень болела голова. С трудом открыл глаза и увидел Ахумдус. Она махала своими крылышками, как веером.

— Где мы? — спросил я.

— Наконец-то! — Ахумдус улыбнулась и перевела дыхание. — Успокойся. Ты на свободе. Я сразу заметила уголек, мы с Магистром ухватились за веревочку и потащили — сначала показалась ты, а за тобой ключ.

Я лежал на тусклом черном льду. Было жутко оттого, что так близко Город Одинаковых Человечков, чуть было не ставший моей вечной тюрьмой. Справа чернела круглая прорубь, через которую меня вытянули на волю. Оглядевшись, я увидел башню, аллею старых каштанов и ратушу. И увидел Магистра, который, высоко подпрыгивая, спешил к часам.

— Как мы переволновались, пока ты был там! — жужжала Ахумдус. — Сколько раз я говорила, что тебе нельзя оставаться одному, пока ты так молод и так мало образовал свой ум. Но что нам советы друга, если природа наградила нас упрямым и строптивым характером...

Кажется, Ахумдус совсем забыла, почему я остался в одиночестве. Ну и пусть. «Забытая обида — мешок, сброшенный с плеч, обида, которую не забываешь и не прощаешь другу, — горб», — повторял Учитель.

— А где Турропуто? — спросил я.

— Соскучился? — усмехнулась Ахумдус. — Лыдина тебя, к счастью, только задела, а его так шарахнула по голове, что он не скоро очухается. Магистр просил нас поскорее разыскать Сильвера и Принцессу, — через минуту прожужжала Ахумдус. — Он очень беспокоится за их судьбу.

Мы поднялись в воздух. Я обернулся. Не было ни ледяного купола, ни Города Одинаковых Человечков. Они исчезли так же странно и внезапно, как и появились. А может быть, они стали невидимыми только для нас, обычных людей.

Глава пятая

Если любишь,—
сбудется!

Под каштанами

У старых каштанов мы увидели Принцессу и Юношу. Ахумдус опустилась на лист дерева над ними. Нет, они не говорили друг другу о любви и всяком таком, а спорили, почти ссорились.

На каштаны падала черная тень; может быть, поэтому Принцессе и Юноше было не до любовных признаний. Но очень близко, в нескольких шагах, все было озарено ласковым светом луны. Тень медленно накатывалась на освещенное пространство.

— Скоро эта проклятая тень от часов, идущих в прошлое, залетит весь мир, если только Магистр...— тревожно жужжала Ахумдус.

— Холодно и темно,— грустно сказала Принцесса.

— Да... холодно и темно,— отозвался Юноша.

— Завтра тебя снова поведут к Инквизитору?

— Да... завтра,— ответил Юноша.

— Бедный, глупый... И ты снова будешь повторять, что Земля вращается вокруг этого маленького Солнца?

— Что же другое я могу сказать? Ведь только это правда.

— Вздор... Вся улица, весь квартал, весь город твердит, что это вздор, а ты продолжаешь говорить свое, чтобы погубить меня и себя.

Юноша молчал, поникнув головой.

— Всем известно,— продолжала Принцесса,— что Солнце восходит там, за фруктовым рынком. Тетушка Петра, которая лучше всех печет пироги с ревенем, рано утром проходила по яблочным рядам и видела, как это дурацкое Солнце дрыхнет себе под навесом. Тетушка Петра еще подумала: «Какое огромное красное яблоко»,— подняла его и уронила— оно было горячее! Ты же веришь тетушке Петре?!

Юноша молчал.

— А дядюшка Питер, Начальник Ночного Караула, проходил с дозором по берегу моря и увидел твое разлюбленное Солнышко, которое тебе дороже и меня и жизни. Оно напилось допьяна и валялось в неположенное время в неположенном месте— круглое, красно-рыжее. Дядюшка Питер наподдал его сапогом, и оно мигом скатилось за горизонт в море— даже не пикнуло. Ведь все должны подчиняться установленному порядку. Ты же веришь дядюшке Питеру?

— Все-таки...— начал было Юноша, но Принцесса не позволила ему договорить.

— И милый старый дядюшка Инквизитор так расстраивается, что ты перечишь ему и что приходится тебя снова допрашивать. Ты должен сказать то, что тебе велят, то, во что верят все почтенные люди, даже если сам не веришь в это. Иначе я уйду от тебя. Я уйду от тебя навсегда.

Принцесса, не оборачиваясь, пошла прочь.

А Юноша стоял у скамьи под каштаном, словно снова окаменел. Он не плакал и не умолял, как сделал бы я и всякий другой, а только сказал вслед Принцессе со своей страдальческой гримасой:

— Две тысячи книг написано об одном старом докторе Фаусте, который продал душу дьяволу за то, чтобы все знать и все видеть. Почему же так мало книг о миллионах людей, которые продают душу дьяволу за то, чтобы ничего не знать и ничего не видеть?

Принцесса уходила все дальше. Ахумдус всполошилась.

— Что же, еще восемьсот лет ждать, пока они снова встретятся и снова поссорятся? Нет уж!— Она сердито взглянула на меня.— Какого дьявола ты хлопаешь зенками, вместо того чтобы подлететь к Принцессе и велеть ей вернуться?!

Я уже перестал обращать внимание на ее грубость и возможно спокойнее ответил:

— Во-первых, я не совсем беспристрастное лицо, и мне было бы тяжело мирить Принцессу с Юношей, хотя, конечно, я желаю им счастья. И, во-вторых, ты сама все время жужжишь, что я простака: кто послушается простака?!

— Чепуха!— прямо-таки завопила Ахумдус, даже

не дослушав меня.— Последний раз спрашиваю: ты так-таки не скажешь милой парочке, чтобы она поскорее выбралась из тени дьявольских часов? Ведь совсем рядом ясный лунный свет! Знаю я вашего брата сказочника. Уж вы найдете повод, чтобы с самым благородным видом остаться в стороне от драки.

Мне стало ужасно обидно.

— Ну, не сердись, — улыбаясь как ни в чем не бывало, прожужжала Ахумдус. — Тебе ведь и говорят, отдохни, я сама справлюсь.

С этими словами Ахумдус взвилась в воздух.

Не очень-то приятно «отдыхать» на листе каштана. Случайный порыв ветра сдует тебя. Каждый бездельный гуляк воробей после бурной ночи может ненароком закусить тобой, как говорится, «заморить червячка».

«Нет, не о такой кончине он мечтал», — подумал я о себе, как пишут в книгах. Но, по правде, я не мечтал ни о какой кончине.

К счастью, Ахумдус скоро вернулась. Думаете, она извинилась за свое поведение? Ничего подобного. Она чуть ли не лопалась от самодовольства:

— В седло — и полетим!

По дороге она все время болтала:

— Не пойму, что бы делали люди без меня? Престранные вы существа. У нас, мух, это называется пустожужжанием. Подумаешь, важность, что вращается вокруг чего — Земля вокруг Солнца или

Солнце вокруг Земли. Муха вокруг лампочки или лампочка вокруг мухи. Солнце! Был бы это медный таз с вареньем. А то из-за чего спорить твоей хваленной Принцессе и Юноше... Все-таки я допекла их. Садилась на нос, кусала, пока они не погнались за мной. Чертовски жалко, что ты не видел всего этого! Как только первый луч лунного света упал на них, Принцесса сказала: «Ах, как хорошо!» — а он совершенно некстати ответил: «Боже, как ты прекрасна!» Потом она сказала: «Мне снился страшный сон». И он ответил: «Мне тоже снился страшный сон». И они подошли друг к другу... Да чего болтать — летим, ты сам увидишь.

Бой с Турропуто

— Мне снился страшный сон. Но теперь все прошло. Я тебя люблю и буду любить вечно! — Юноша протянул руки, чтобы обнять Принцессу.

Не тут-то было.

Принцесса подняла голову, взглянула на его искаженное страдальческой гримасой лицо, всплеснула руками и, отступив на шаг, в ужасе воскликнула:

— И ты всегда будешь таким? Нет, я не могу. Не подходи, не подходи ко мне!

Слезы потекли из глаз Юноши.

Признаюсь, у меня сжалось сердце и зашипало в глазах.

— Все напрасно, — грустно прожужжала Ахумдус. — А я-то думала... Нет, тут и я не могу помочь.

И в этот самый момент откуда ни возьмись Ворон. Он подлетел к парочке и сказал человеческим голосом:

— Летите за мной, если хотите быть счастливыми!

— Сдается мне, что здесь отлично справятся без нас, — прожужжала Ахумдус. — К часам... Что-то они скрипят и скрипят...

Мы прилетели вовремя.

Магистр с ключом в руках карабкался по обледелой лестнице. И Турропуто был тут. Вот уж чего мы не ожидали! К счастью, он не совсем оправился от удара льдиной и действовал довольно неловко.

Изловчившись, колдун схватил Магистра за ногу.

— Тжарч-тжарч-тжарч, — оглушительно и противно скрипели часы.

Обратно в чужие, глухие века...

Слепые, немые,

Где солнце не светит и ночь глубока,

Где правда распята и царствует ложь,

Где правит законы кровавый нож,

И сказку на плаху выводит палач.

Слепые, немые века.

Холод был прямо-таки невыносимый.

— У-у-уу! Заморожу! — завопил Турропуто. — Превращу в сосульку!

— В бой! — отчаянно прожужжала Ахумдус.

Я с размаху вонзил волшебный ножик в красный нос кодуна.

— У-у-умираю! Гибнет великий Турропуто! — завопил колдун.

Он обеими руками схватился за лицо и, конечно, выпустил ногу Магистра, который стал быстро подниматься к часам.

Колдун скоро опомнился, но Магистр успел вытащить из кармана здоровенную звезду первой величины и так ловко швырнул ее в лоб кодуну, что тот, снова взвывая от боли, скатился с лестницы.

Теперь наконец Магистр смог завести часы.

— Донн-донн-донн, — зазвенели они.

Тьма сразу рассеялась, и все залил ласковый лунный свет.

Донн-донн-донн.

Это песня о том, что

Если любишь, — сбудется,

А горькое горе забудется, —

запели часы, как поют все часы на свете.

Им, часам, должно быть, кажется, что в этой песенке самая главная правда.

А если песенка не сбывается? Бывает ведь и так?!
— Если она не сбывается, часы не виноваты, мой мальчик,— сказал мне потом Учитель.— Это правдивая песня, и, чтобы она сбылась, надо только очень крепко любить. И бороться за свою любовь против всех колдунов. И страдать и ждать, если уж так суждено. И быть честным, даже если тебя пытаются.

— Как ваш сын, как Сильвер?— спросил я Учителя.

— Да, как Сильвер,— ответил Учитель.

Конец истории о Принцессе и Юноше

— Признаться, я порядком устала за эту ночь,— прожужжала Ахумдус.— Но ничего не поделаешь, надо еще взглянуть на Принцессу и Юношу.

Когда мы влетели в ратушу, Ворон сидел на раме картины, над головой нарисованной Принцессы.

И как близко рядом с Принцессой была Смерть, вот-вот она схватит ее!

Перед картиной рядышком стояли моя Принцесса (в последний раз я так пишу — «моя Принцесса») и Юноша.

— Люби его! — сказал Ворон.— Люби его, и тогда...

Ворон не договорил.

Принцесса повернулась к Юноше и поцеловала его.

Страдальческая гримаса на лице Юноши исчезла, и каким же чудесным светом озарилось оно!

Нет, никогда бы я не дал Сильверу не то что тысячи, а и двадцати лет. И никогда бы я не поверил, что он мог быть каменным, хотя я ведь своими глазами видел это.

И как же чудесно хороши были они: юная Принцесса — иначе я не могу назвать — и Юноша, когда они поцеловались, а потом она на мгновение откинула голову и снова прижалась алыми устами к губам Юноши.

Как хотелось бы мне, чтобы мой дорогой Учитель увидел в этот момент своего сына! И чтобы все люди на свете, особенно те, которые брюзжат, и не верят

песенке часов, и не верят, что можно быть счастливым, чтобы все они увидели Принцессу и Юношу.

Смерть отдернула руку от Принцессы, будто обожглась.

Так вот что скрыто в словах «Люби его, и тогда...».

— Пора домой,— шепнула Ахумдус,— мы тут не нужны. Тут вообще никто не нужен. Видишь, и Ворон улетел. Очень порядочная особа, между прочим, хотя и птица.

Я бы мог написать, что после была свадьба и, как говорится в сказках, «и я там был, мед, пиво пил, по усам текло, да в рот не попало».

Но я описываю только то, что видел сам; пусть другие придумывают всякую всячину. Не был я на этой свадьбе, чудесной и веселой, должно быть, но не для меня...

Мы с Ахумдус тихонько вылетели из ратуши.

С высоты я увидел Турропуто.

Жалкий вид был у колдуна. Рука подвязана, на одном глазу пластырь. Красно-синий нос распух.

Мы спустились поближе к Турропуто, и я закричал что есть силы:

— А вот кому нужны битые колдуны, ломаные кости, старые тряпки, колдунские фокусы-покусы!

Турропуто подскокил, завертелся, и тысяча ветров завывали, закружились, как голодные псы.

Но Ахумдус благополучно ушла в высоту.

Весь город покрыл глубокий снег. Торговец вывесил в витрине магазина плакат «Ввиду неожиданного наступления зимы дешевая распродажа осенних и летних товаров!». Девочки лепили снежных баб с морковными носами. Мальчишки играли в снежки.

Мы с Ахумдус влетели через форточку в комнату гостиницы, откуда нынешней ночью начали путешествие.

Антимизерин

— За дело! — прожужжала Ахумдус.

Вместе с ней мы поднатужились — раз... два... дружно... раз... два,— перевалили таблетку антимизерина на торец и покатали к краю стола.

Таблетка упала и разбилась на множество осколков. Ахумдус перенесла меня на пол, а сама улетела к своему домику на столе.

Я стал, не разжевывая, глотать кусочки антимиризина, валявшиеся кругом.

Казалось, я дорос до неба, и если выйду на улицу, то придется наклонять голову, чтобы не сбивать звезды. А на самом деле я как был маленького роста, так и остался. Даже сделался на шесть сантиметров меньше, потому что несколько крошек антимиризина укатилось и их не удалось отыскать.

— Пора,— прожужжала Ахумдус, но я не мог так просто проститься с ней, столько раз спасавшей мне жизнь. Я попросил ее подождать минутку и сбежал по лестнице в буфет. За стойкой спал толстый буфетчик. С трудом я растолкал его и попросил сто порций варенья. Но он только проворчал: «Подождите до утра»,— и опять захрапел. Тогда я схитрил, ведь и простак может кое-чему научиться.

Я снова растолкал толстяка и сказал ему:

— Просто у вас нет варенья и никогда не было, а то, что было, прокисло и съедено мышами. А вы обыкновенный хвостун.

Он прямо задохнулся от возмущения.

— Это у нас-то, в нашем знаменитом буфете, нет варенья?!

Через минуту передо мной был поднос, где стояли тарелочки со всеми сортами варенья, какие только есть на свете.

Ахумдус проворчала: «Зачем все это?» — но я отлично видел, как она обрадовалась.

Потом я отнес Ахумдус в «Бюро проката скаковых мух».

— Нет ли жалоб? — спросил заведующий.

Я ответил, как думал, что Ахумдус — самая прекрасная, смелая и мудрая муха на свете.

— Прощай, мой мальчик,— прожужжала Ахумдус.

— Прощай, сестричка! — ответил я.

Учитель

Я вышел на улицу и пошел туда, куда показывал флюгер. Снег растаял, пригрело солнце. В магазине, где только недавно висел плакат «Ввиду неожиданного наступления зимы дешевая распродажа весенних и летних товаров!», вывесили другое объявление: «Так как лето вернулось, дешево продаются зимние вещи».

Улица вывела к вокзалу. У окошка кассы я сообразил, что не знаю, до какой станции надо ехать. Но из окошка выглянул наш Голубь, которого я, конечно, сразу узнал, хотя и не подал вида.

Кассир-Голубь протянул мне билет, вышел из своего помещения и провел к поезду.

В пустом купе было постелено, и я, как только лег, сразу заснул. После минувшей ночи спал я так крепко, что проводник с трудом растолкал меня. На пустом перроне ждал Ворон. На этот раз ему не пришлось нести меня в клюве: я немножко овладел верховой ездой, когда летал с Ахумдус.

Среди поля синих колокольчиков показался наш дом, по которому я так соскучился.

Я начал рассказывать Учителю все, что произошло, стараясь ничего не упустить, но скоро понял, что он все уже знает.

Когда я заговорил об Ахумдус, Учитель улыбнулся и спросил:

— Она тебя прозвала Простаком, мой мальчик. Ты не обижаешься на нее?

— Нет,— ответил я.— Да ведь есть же, вероятно, гораздо более обидные прозвища. Я только не помню, какие.

— Трус,— подумав, сказал Учитель.— Это самое обидное прозвище.

— Но и я ведь не из смельчаков! — признался я.

— Трус не тот, кто боится, а тот, кто из страха становится лгуном и предателем.

Стемнело, снова наступила ночь, и в небе загорелась удивительно яркая и огромная луна.

— Пора нам проститься, мальчики,— сказал Учитель слабым голосом, обращаясь к Ворону, Голубю и ко мне. Только теперь я разглядел, как он поstarел, пока нас не было дома.— Когда Сильвер был

каменный, все эти сотни лет,— продолжал Учитель,— на мое сердце давил тяжелый камень. А сегодня мне легко. И есть на кого оставить дом. Мне пора, мальчики.

Я не успел ничего сказать, даже не понял, что происходит. Учитель скинул одеяло, поднялся, вытянулся во весь рост и прыгнул в середину лунного луча. Несколько секунд я видел светящиеся зеленые точки, потом они приблизились к окну и исчезли из глаз.

Всю ночь мы ждали, но Учитель не вернулся. Перед рассветом я вышел во двор и спросил клеста, который, как всегда, висел на ветви ели и глядел в небо:

— Ты не видишь Учителя там, на луне? Его легко узнать по зеленым светящимся туфлям.

— Нет,— ответил клест скрипучим голосом.— Хотя ужасно я зоркий, но разве с земли разглядишь туфли, даже если они светятся?

— Как же мне быть? — в отчаянии спросил я.

— Знаешь что,— после долгого молчания сказал клест.— На луне 244 517 лунных человечков. Если их пересчитать и окажется 244 518, значит, Учитель там. Но это очень трудно и томительно — пересчитывать всех лунных человечков.

— Пожалуйста, милый клест, пересчитай. Ведь ты один можешь это сделать.

— Да уж,— проскрипел клест.— Говорят, у ученых людей есть телескопы, но только мы, клесты, видим лунных человечков.

Он начал считать в ту же ночь. И до утра насчитал сто двадцать лунных человечков. А в следующую ночь — тысячу пятьсот! Потом он сбился, и пришлось начинать сначала. На этот раз он досчитал до десяти тысяч и опять сбился. А потом все пошло хорошо, он досчитал до ста тысяч и тут вспомнил, что дальше считать не умеет, когда-то умел, но разучился.

Так мы остались одни — Ворон, Голубь и я. Очень тоскливо у меня на сердце.

Я знаю, что долго отдыхать не придется. Вчера в трубе завыл ледяной ветер и выл всю ночь.

Турропуто близко!

Значит, не миновать новой встречи.

Я не струшу. Не имею права струсить... Мне кажется, что Учитель по-прежнему не спускает с меня своих зорких глаз.

— Донн-донн,— бьют часы...

Я слышу их звон и верю их песне.

КОНЕЦ

Интервью на столе

Дома никого. Через два дня экзамены. Сижу, учу билеты. Скучно. За окном весенний гомон. Воробей уселся на форточке. Хорошо ему: лети куда знаешь...

— Так... Билет первый... «Электризация тел»... А-ап-чхи!

— Будьте здоровы!

«Ого, если на первом билете появляются галлюцинации, то что будет на двадцатом?»

— Простите, я никакая не галлюцинация. Нехорошо даже про себя обзывать гномов, выполняющих ваше первое желание...

А вы бы, вы бы не удивились, читатель, если б из вашей старой чернильницы, отряхиваясь от пыли, вылез гном, и вот с такой бородой?

— Слушайте, бросьте свои штучки. Ведь вы, гномы, не существуете.

— Во-первых, со старшими нужно говорить вежливо, тем паче не сомневаться в их реальности. Во-вторых, вы что, неграмотны? Вы сказок не читали? Полюбуйтесь, у вашего порога лежит заказанный вами

ковер-самолет, правда, последний и старой модели. Можете испытать его, если не верите.

— Вы... вы откуда?

— Я из бюро проката «Б. Яга и К°». Развожу волшебный ассортимент. Наконец-то благодаря «Пионеру» у ателье появились заказы. Думаете, легко нам, сказочным героям, без работы сидеть? Кругом теперь лазеры, мазеры, роботы, ракеты, а о нас все забыли...

— Ну, почему же?.. Интересно, кстати, как поживает Змей Горыныч? Я тут о нем частенько вспоминаю.

— Ха, Змей Горыныч! Помните, бывало, как он людей глотал, «гам» — и нету, а теперь в кино работает, у режиссера Птушко.

— А как Баба Яга?

— Что ей делается! Гоняет в ступе на недозволенной скорости, еще и коляску прицепить грозит. Вздорная женщина, скажу вам по секрету.

— А что Хоттабыч?

— Сдал Хоттабыч. Уж на что смелый старик был, а сейчас без парашюта к ковер-самолету не подходит. Он к нему реактивные двигатели приделал, так боится, как бы самого не сдуло.

Да, времена изменились, мой юный друг. Теперь уж не то, что раньше. Помните, старика со старухой, что у самого синего моря жили? Раньше старуха с корыта начинала, а теперь меньше чем на стиральную машину не соглашается.

Соловей-разбойник, тот исполнителем эстрадных песен устроился. Под Высоцкого работает. А с волшебной лампой просто беда. Джин каждый

день скандалы устраивает, ругается. «Это тебе не средневековье, — кричит, — обеспечь меня атомным горючим, на керосине я работать не буду!»

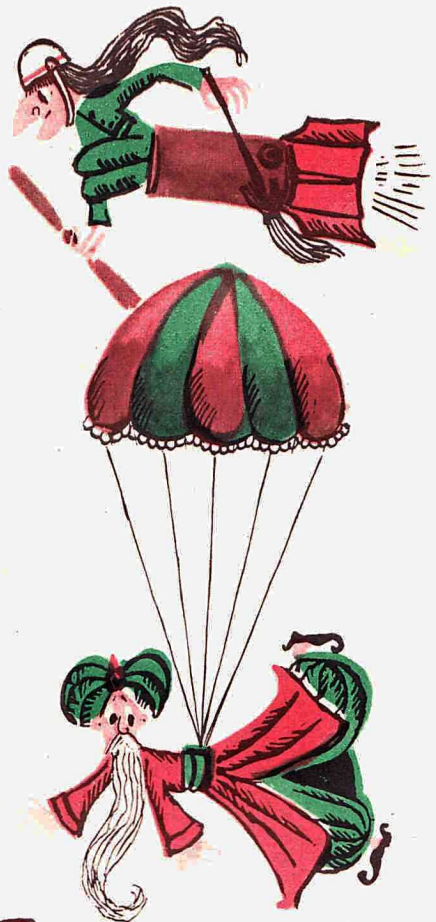
И это сказочные ветераны...

Извини, заболтался я, тороплюсь: КВН сегодня. Белоснежка и семь гномов против волка и семерых козлят. Уверен, наши им покажут, как рижане горнякам. Прощай!

Мелькнуло облачко дыма, и гном исчез.

Вот что может случиться, когда ты сидишь дома один и учишь билеты. Ах да, билеты!

Сергея ОГОЛЬЦОВ, 14 лет
г. Конотоп, Украинская ССР

ТРИ ИГРЫ, А НАЗВАНИЕ ОДНО

«Шай-бу! Шай-бу!» — давно просили нас приверженцы хоккея. И вот сегодня в клубе — хоккей.

Хоккей на траве

Кто из вас не знает, что такое фантинда? Никто? Жаль. Эта игра вполне заслуживает известности. Дело в том, что фантинда — пра-пра- (и не знаю, сколько еще «пра») бабушка современных видов хоккея. Во всяком случае, этой игрой увлекались жители Древней Эллады. Ключки? Они были у эллинов. Мяч или нечто похожее на него? Тоже. Только коньков не было. Игра происходила на лужайке.

С мячом и клюшкой были знакомы также древние римляне, персы и индусы.

Считается, что своим нынешним названием хоккей на траве (как, впрочем, и все остальные виды хоккея) обязан французским пастухам, вернее, их крючковатым палкам «хокэ» («крюк»).

У клюшки для травяного хоккея есть ручка и крюк. Одна сторона крюка выпуклая, другая — плоская. Останавливать и бить мяч можно только плоской стороной. Кстати, мяч тоже не простой. Его делают или из смеси каучука с пробкой, окрашивая в белый цвет, или из войлока и пробки, обтягивая сверху белой кожей.

Форма на игроках обычная — майки и трусы, обувь — бутсы или кеды. Бегают спортсмены по полю, слегка согнувшись. Это и понятно: мячик мал, клюшка коротка. Поле для игры в хоккей на траве несколько меньше футбольного. Игроков, как и в футболе, по одиннадцать человек в каждой команде. Задача хоккеистов — забить гол в ворота, ширина которых 366 и высота 214 сантиметров.

Теперь, как и встарь, эта игра больше распространена в южных странах: в Индии, Пакистане, Сингапуре, Цейлоне, ОАР. Самыми сильными считаются команды Индии и Пакистана, не раз становившиеся чемпионами Олимпийских игр.

Хоккей с мячом

Удивительное дело — у одной и той же игры — три названия. В Швеции, Финляндии, Норвегии она зовется «бенди», а у нас — «хоккеем с мячом», или еще «русским хоккеем».

Это действительно исконно русская игра. Наши предки с незапамятных времен любили гонять палками по льду деревянный шар — «кубарь». Разбившись на две партии, они старались загнать кубарь за черту, проведенную по середине замерзшего озера или реки. Лет сто назад игроки надели коньки, взяли в руки клюшки (от русского слова «клюка»), поставили ворота и принялись гонять по льду... нет, пока еще не мяч, а большую-пребольшую гайку. Выигрывала команда, поразившая ворота соперников большее число раз. Это уже был настоящий хоккей с... гайкой, которую в конце концов заменил маленький оплетенный резиновый мяч.

Сейчас команда игроков в русский хоккей состоит из одиннадцати человек: вратарь, защитники, полузащитники и нападающие. И поле по размеру почти такое же, как в футболе; и за грубое нарушение правил тоже бьют пенальти (правда, не с одиннадцати метров, а с двенадцати); и встреча продолжается те же девяносто минут с перерывом между двумя таймами. Но тем не менее хоккей с мячом совершенно самостоятельная игра, со своими особыми правилами. Ворота здесь вдвое уже и на 34 сантиметра ниже (мячик-то маленький, юркий!); во время матча разрешается заменять сколько угодно игроков (конечно, если они были заранее заявлены); нарушителя правил судьи могут удалить с поля на пять или десять минут, а то и вовсе до конца встречи; штрафных ударов, не считая пенальти, в хоккее с мячом нет; гол,

забитый со свободного удара, не засчитывается. До сегодняшнего дня футбол и хоккей с мячом взаимно дополняют друг друга, давая возможность игрокам зимой и летом поддерживать высокую спортивную форму.

Хоккей с шайбой

Больше ста лет тому назад английские солдаты, отправившись за океан, в Канаду, вместе с оружием и амуницией прихватили с собой клюшки, мячи и в свободное от службы время стали на новом месте играть в хоккей. Канадцам игра понравилась. За неимением подходящих мячей они сперва принялись гонять по льду банки из-под консервов, а потом приспособили для этой цели резиновые шайбы. Кроме того, канадцы чуть ли не вдвое уменьшили ледяную площадку и сократили количество игроков (теперь каждая команда действует шестером). И случилось чудо: хоккей сразу сделался быстрее, увлекательнее. Новой игре, которой в Канаде стали заниматься все от мала до велика, дали новое название — «шинни».

А потом, после всех этих изменений, хоккей отправился через океан в обратный путь и под именем «канадский хоккей» распространился по всей Европе. У нас он теперь называется «хоккеем с шайбой».

Пожалуй, не найти игры, которая бы отличалась таким ураганным темпом, как хоккей с шайбой. Игроки мчатся по площадке, словно метеоры. В течение нескольких секунд шайба успевает побывать то у одних ворот, то у других.

Редко какой спортсмен в состоянии больше минуты — двух выдержать темп игры. Оттого в хоккее с шайбой так часты замены. Команды вводят в бой новые силы одиночками, звеньями, из трех нападающих и даже целыми пятерками (три нападающих + два защитника), подчас делая это не в паузах, а прямо в ходе игры.

И еще одна особенность: хоккеистам разрешается вступать в силовую борьбу. Остановить мчащегося во весь дух игрока грудью, плечом, бедром, оттолкнуть его, прижать к борту — все это правилами дозволено. С оговоркой: силовые приемы можно применять только на своей половине поля. В хоккее законы строги, и провинившегося судьи безжалостно удаляют с поля на две, а то и на пять минут.

Посмотришь на хоккеистов, облаченных в свои доспехи, — рыцари да и только. И еще своим видом они несколько напоминают космонавтов.

Думаю, космонавты не обидятся за такое сравнение. Ведь скорости, на которых привыкли действовать современные хоккеисты, в шутку зовутся «космическими»

скоростями. И своей самоотверженностью, дисциплиной, благородством наши ледовые бойцы тоже под стать космонавтам. Наверное, как раз за такие качества, роднящие хоккеистов с космонавтами, Юрий Алексеевич Гагарин и любил хоккей, называя его «замечательной игрой, самой лучшей из всех...».

РЕБЯТА!

Нашего друга, футбольный мяч, отнесли в раздевалку. Но, уходя на покой, **КОЖАНЫЙ МЯЧ** подвел итоги своей викторины и определил самых догадливых и проницательных.

И сегодня **КОЖАНЫЙ МЯЧ** называет фамилии победителей футбольной викторины.

Чемпиона страны угадало большинство участников. Но первое место **КОЖАНЫЙ МЯЧ** отдает, как истинный рыцарь, девочке.

Знакомьтесь: это восьмиклассница Солигаличской школы Костромской области **ИРА ДУДИНА**. Она правильно угадала, что на верху турнирной таблицы окажутся две популярные команды: «**СПАРТАК**» (Москва) и «**ДИНАМО**» (Киев).

А лучшим кандидатом в будущие тренеры оказался челябинский школьник **ВОЛОДЯ ЧИБРИКОВ**. **КОЖАНЫЙ МЯЧ** выслушал его советы и согласился: да, с московским «**СПАРТАКОМ**» надо играть именно так, как предлагает Володя, — сосредоточить внимание на защите и действовать на контратаках. Вы помните, конечно, что такая тактика принесла успех московскому «**ДИНАМО**». Эта команда, построив игру таким образом, остановила победный марш «**СПАРТАКА**».

Прав **ВОЛОДЯ ЧИБРИКОВ** и в ответах на другие вопросы. Именно такими и должны быть тренировки юных футболистов: не гонять мяч часами по полю, а отрабатывать технические и тактические приемы.

КОЖАНЫЙ МЯЧ благодарит всех своих друзей и говорит им:

**ДРУЗЬЯ! ДО БУДУЩИХ ВСТРЕЧ
НА ЗЕЛЕННЫХ ПЛОЩАДКАХ!**

Три добрых волшебника, один злой и два со- трудника редакции, собравшись вместе, постано- вили считать отныне МАСТЕРАМИ ВОЛШЕБНЫХ ДЕЛ участников конкурса (читай страницу 48 в 5 номере «Пионера»), чьи рассказы были опубли- кованы в 10, 11 и 12 номерах.

ВОЛШЕБНИКАМИ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ: Мишу Найденко (г. Краснодар), Сашу Егорина (г. Гроз- ный), Сережу Баллучных (г. Липецк), Лену Федо- сеенко (г. Усть-Каменогорск), Галю Рагунович и Наташу Голомидову (г. Минск), Толю Васькова (дер. Гаева, Свердловская обл.), Сережу Федорова (г. Волжск), Ольгу и Ирину Ивановских (г. Уфа), Колю Каменского (пос. Новатор, Вологодская обл.), Надю Зиверт (пос. им. Кирова, Талды-Курганская обл.), Олю Кислицыну (г. Омск), Сережу Третьяко- ва (г. Каменск-Уральский), Юру Александрова (с. Дрезгалово, Липецкая обл.), безымянного вол- шебника (с. Верх-Чита, Читинская обл.), Сашу Блинкова (г. Свердловск), Олю Федорову (г. Моск- ва), Люду Вербицкую и Свету Сарбоданову (с. Ше- балино, Горно-Алтайская обл.), Наташу Гридневу (г. Благовещенск), Сашу и Люду Большановых (пос. Никологоры, Владимирская обл.), Надю Фи- липович (г. Грозный), Любу Синицыну (г. Усу- рийск), Женю Дмитриева и Романа Зац (г. Горь- кий), Игоря Васильева (г. Ленинград), С. Врехову (г. Белово), Володю Ибрагимова (г. Новокузнецк), Ларису Комарову, Аллу Антоненко, Галю Кома- ренко (г. Ирпень), Наташу Лапардину (г. Викин), Галю Чертолину (г. Владивосток), Вадима Кастел- ли (г. Киев), Веру Шувалову (г. Тула), Лену Бе- резицкую (ст. Вережнеговатая, Николаевская обл.), Гену Бареева (пос. Волынка, Пермская обл.), Рамилю Исмагилова (пос. Шемордан, ТАССР), Лю- бу Близинок (г. Ростов-на-Дону), Люду Иванову (с. Татаурово, Кировская обл.), Сережу Новоселова (с. Горское, Архангельская обл.), Надю Маширову и Нелю Курмаеву (пос. Новогорный, Челябинская обл.), Сашу Рязанова (г. Ростов-на-Дону), Игоря Пискарёва (г. Череповец), Сашу Буханова (колхоз им. Кирова, Липецкая обл.), Аркадия Славоросова (г. Люберцы).

НАЧИНАЮЩИМИ ВОЛШЕБНИКАМИ: Сашу и Га- лю Хоба (г. Совгавань), Витю Зеберга (с. Половин- ное, Курганская обл.), Лиду Бенк (г. Прокопьевск), Галю Корецкую (с. Сосновка, Курганская обл.), Ле- ну Ежанову (г. Ижевск), Люду Заяц (с. Ильинка, Приморский край), Колю Мысина (с. Вишкуль), Ва- сию Магомедова (Талды-Курганская обл.), Иру Ша- дрину (г. Ярославль), Галю Савичеву (с. Панкрато- во, Вологодская обл.), Мишу Вотштейн (г. Темир- Тау), Таню Михееву (г. Курск), Зою Савинку (с. Усть-Мосиха, Алтайский край), Р. Булатова (сов- хоз им. Вахитова, ТАССР), Сашу Дюпина (г. Кома- ровка, Павлодарская обл.), Майю Касымову (с. Ка- раван, Киргизская ССР), Люду Л. (г. Синельнико- во), Любу Кошелеву (с. Фурмановка, Сев. Казах- станская обл.), Веру Евдокимову (Пермская обл.), Витю Кузнецова (г. Междуреченск), Олю Смирнову (г. Армавир), Таню Куренкову (г. Сызрань), учени- ка 5-го класса Илью (г. Ярославль), Ларису Богдан (г. Рудный), Тонию Тухлову (ст. Свочинская, Ли- пецкая обл.), Витю Мануйлова (с. Андреевка, Тал- ды-Курганская обл.), Витю Мадисон (г. Рязань), Мишу Макарова (г. Вережцагино), С. Ламбина (г. Кентау), Вову Кузнецова (пос. Умба, Мурман- ская обл.), Таню Буранову (г. Тюмень), И. Парталян и Тер-Арутюнян (пос. Черниговский, Краснодар- ский край), Ирину Калитину (г. Глубокое), Сашу Карпова (г. Белогорск), Игоря Михайлина (Харь- ковская обл.), Лену Дидченк (г. Шевченко), Мари- ну Шемарову (г. Горький), Сережу Репьева (ад- рес неизвестен), Галю Руденюк (пос. Зеленодольск, Днепропетровская обл.), Володю Грехова (г. Куй- бышев), Марину Рахно (г. Пярну), Диму Левченко (с. Кузьмина Гребля, Чернасская обл.), Сашу Ба- рецнова (г. Москва), Галю Иванову (г. Омск), Анд- рея Дудника (г. Днепропетровск), Любу Зайцеву (д. Солопенки, Тульская обл.), Лену Вагину (пос. Сатинка, Тамбовская обл.), Сашу Владимирову (г. Находка), Валю Чузова (г. Днепропетровск), Се- режу Малюнова (г. Одесса), загадочного волшеб- ника КЛ (г. Казалинск), Олю Яровую (с. Зуй, Ир- кутская обл.), Лену Первуюхину (г. Ростов-на-Дону), Любу Кириллину (пос. Красноармейск), Люду В. (г. Суоярви), Галю Худякову (г. Кизил), Ангелину Крюнову (с. Павлозеро, Вологодская обл.), Наташу Вилнову (г. Львов), Валеру Москвитина (г. Ир- кутск), Н. Габдрафикова (ст. Залари, Иркутская обл.), Тонию Мелешко (с. Преображенское, Ставро- польский край), Олю Учанову (г. Глазов), Ларису Мильштейн (г. Новороссийск), Таню Яновлеву (г. Москва), Р. Габбасова (г. Уфа), Сережу Соловье- ва (г. Москва), Надю Игнатенко (г. Свердловск), Витю Бынова (г. Углич), Вадина Нильву (г. Харь- ков), Наташу Вашходную (полевая почта), Валеру Беседина (г. Липецк), Веру Вичеву (г. Янгьер), Во- ву Бошарина (г. Янгьер), Наташу Меркушеву (ст. Фонталовская, Краснодарский край), Таню К. (г. Гурьев), Наташу Новокрещенову (г. Владиво- сток), Олю Капинос (ст. Оskarовка, Каз. ССР), На- ташу Тамбовцеву (г. Велоренск), Наташу Добышеву, (г. Николаев), Андрея Панцулай (г. Тбилиси), На- ташу Фирсову (г. Улан-Удэ), Сергея Жун (г. Вату- тина), Люду Маринну (г. Тула), Олю Смирнову (г. Палех), Нату Дьянову (г. Курск).

КЛУБ "Сорок сорок"

— Заседание клуба «Сорок со- рок» и литературного клуба Харь- ковского дворца пионеров объявляю открытым,— провозгласила бабуш- ка Белобока и тут же спросила: — В чем дело? Что за разговоры?

ЧТО ЗА РАЗГОВОРЫ?

— Именно этот вопрос мы хоте- ли задать вам,— сказал член ли- тературного клуба Славик Почта- венко. — Всем известно, что вы, со- роки, любите не только болтать, но и подслушивать чужие разговоры. Интересно, угадаете ли вы.

ЧЬИ ЭТО РАЗГОВОРЫ И ИЗ КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ?

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР.

— Что у тебя на лбу? — спросила мама.

— Кристер швырнул в меня кам- нем.

— Что же ты сразу не сказал мне?

— Что толку? Ведь ты не умеешь кидаться камнями.

— Ах ты, глупыш! Неужели ты думаешь, что я стану бросать камни в Кристера?

— А что же ты еще можешь в не- го бросить? Ничего другого тебе не найти. Во всяком случае, ничего бо- лее подходящего, чем камень. Вот, например, вчера я как раз тоже под- рался с Кристером...

— И совершенно напрасно. Вы прекрасно могли бы разрешить ваш спор словами, а не кулаками.

— Да? Ты так думаешь? Кристер сказал мне: «Я могу тебя отлупить». Так он и сказал. А я ему ответил: «Нет, не можешь». Ну, скажи, мог- ли ли мы разрешить наш спор, как ты говоришь, словами?

ВТОРОЙ РАЗГОВОР.

— Грипп, конечно, хорошая болезнь, но с гландами не сравнить, куда там!

— А что? — сказал Костик.

— А то, — сказал я, — что, когда гланды вырезают, мороженое дают потом, для заморозки.

Аленка сказала:

— А гланды от чего заводятся?

Я сказал:

— От насморка. Они в носу вырастают, как грибы, потому что сырость.

— ТАК ЧЬИ ЖЕ ЭТО РАЗГОВОРЫ?

Все сорок сорок ответили, конечно, разом. Славик ничего не понял и предложил:

— Дорогие сороки и читатели «Пионера», ответьте, пожалуйста, на наши вопросы письменно.

— Правильно, — поддержала Белобочка.

— А можно рассказать случай из жизни? — спросила Наташа Шумарова.

— Конечно!

— Безусловно!

— Еще интересней!

— Тогда я расскажу про то, как сдавала

ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН

Мне было шесть лет, когда я училась в первом классе музыкальной школы. Наступала весна, приближался экзамен по музыке, мой первый экзамен. Пьесы я выучила хорошо, и учительница

говорила, что я сыграю на «пять», но я все-таки боялась. Перед экзаменом мы с мамой ходили в филармонию на концерт. Там исполнялись очень сложные произведения. Пианист играл хорошо, с увлечением и все время качивался то в одну, то в другую сторону. Мне очень понравился концерт.

Утром я, нарядная, с большими белыми бантами, вошла в школьный зал. Подошла моя очередь. Я села за пианино, положила руки на клавиши и... стала усердно выделывать круги всем телом, играя «Во поле березонька стояла». В одном месте я качнулась особенно старательно и вместе с табуретом упала на пол. Учителя уже не могли сдерживать смех, а я вскочила и выбежала из зала. За мной вышла моя учительница. Она успокоила меня и попросила больше не расквашиваться. Во второй раз я сыграла неплохо. Мне поставили четыре. Директор объявил маме, что отметку мне снизили за скованность: я играла сжавшись, боясь сделать лишнее движение.

— А теперь не мешало бы устроить перерыв, — сказала Белобочка.

— Верно, — согласились литклубовцы. — Давайте в перерыве сыграем. Мы прочитаем вам две первые строчки из четверостишия Лены Сальковой, а вы попробуйте придумать две последние. Выиграет тот, кто сочинит смешнее.

ТРУСИХА

Я зверей смотреть ходила — испугалась крокодила.

Сороки задумались. Любопытно, что они придумают? А вы?

Выпуск подготовил
Вадим ЛЕВИН.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

СЧИТАЙТЕ ПОГРЕМУШКИ

Оказывается, это совсем не просто. Погремушка, конечно,— вещь простая, даже если она сделана в виде кольца с надетыми на него тремя красными и семью синими шариками. Но сколько комбинаций можно сделать из этих десяти шариков? Учти, что некоторые погремушки кажутся на первый взгляд разными, а на самом деле они одинаковые. Чтобы убедиться в этом, нужно только изменить расположение кольца и передвинуть шарики. Вот посмотрите на рисунки — эти три погремушки одинаковые.

Так вот, нужно определить, сколько комбинаций можно сделать из десяти шариков, и, следовательно, сколько разных погремушек может выпустить фабрика. Трое Неизвестных уже начали подсчеты — присоединяйся к ним и ты.

ПРИМЕЧАНИЕ: Эта конкурсная задача довольно трудная, советуем попробовать свои силы ребятам из 7-х классов. О победителях мы расскажем в одном из следующих номеров. Их ждут грамоты Икса, Игрека и Зета.

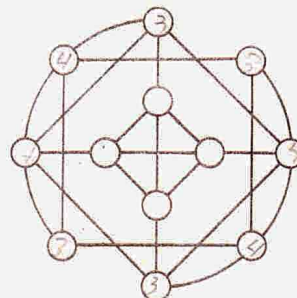
Снова хитрые мыши

Давно не появлялись хитрые мыши на наших страницах. Но вот перед тобой снова плоды их трудов — старинные рукописи, превратившиеся в обрывки. Вместо пропавших цифр мы поставили звездочки. Попробуй определить, какие это были цифры.

$\begin{array}{r} 1*2 \\ * * \\ - 7* \\ - * * \\ \hline 0 \end{array}$	$\begin{array}{r} * 1* \\ \times 3*2 \\ * 3* \\ \hline 3*20 \\ * 2*5 \\ \hline 1*8*30 \end{array}$	$\begin{array}{r} * * 5 \\ \times 1* * \\ 2* * 5 \\ * * * \\ \hline 4*77* \end{array}$	$\begin{array}{r} 2*2* \\ + *547 \\ \hline 51*5 \end{array}$
$\begin{array}{r} *6*6 \\ - 4*4* \\ \hline 2222 \end{array}$	$\begin{array}{r} 999 \\ \times * * \\ + * * * \\ * * * * \end{array}$		

РАССАВЬТЕ ЧИСЛА

Здесь надо расставить числа от 1 до 12, причем так, чтобы суммы их по периметру трех квадратов, по двум диагоналям и по двум дугам были бы одинаковыми и равнялись... Чему? Вот это и надо определить.

Головоломками очень заинтересовались сейчас ученые, особенно психологи. Они приглашают в свои лаборатории десятки людей, любителей поломать голову, дают им бумагу, карандаш и предлагают за десять минут решить головоломку. Проходит десять минут, двадцать, час, а решение не приходит. Ученые все это внимательно наблюдают — им важно понять, когда и как у человека возникает догадка. А это не просто, потому что в головоломке нарочно замаскированы важные условия задачи. Из этих двух головоломок одну так и не смогли решить шестьсот взрослых.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ГОЛОВОЛОМКИ

* Через четыре точки (как бы вершины квадрата) надо провести три прямые линии, не отрывая карандаша.

* Из точки А в восточном направлении до точки В самолет долетел за 80 минут, а из точки В в западном направлении до точки А за 1 час. 20 мин. Почему?

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Состоится МАРАФОНСКИЙ ЗАБЕГ —

1969!

Дорогие ребята!
Дорогие друзья!
Дорогие коллеги, члены «Палаты ума»!
Все на старт!

Наступил последний месяц 1969 года. Присмотритесь повнимательнее к числу 1969. Оказывается, оно обладает замечательными свойствами.

Над четырьмя цифрами, которые входят в это число, вы можете производить разные действия: складывать их, вычитать, умножать, делить, извлекать из них квадратный корень. Только не нарушайте порядок, в котором цифры идут друг за другом.

Из ответов, которые у вас получатся, составьте последовательный ряд чисел, начиная от единицы и кончая самым большим числом, которое вам удастся получить.

Победителем будет тот, кому удастся составить самый длинный ряд чисел.

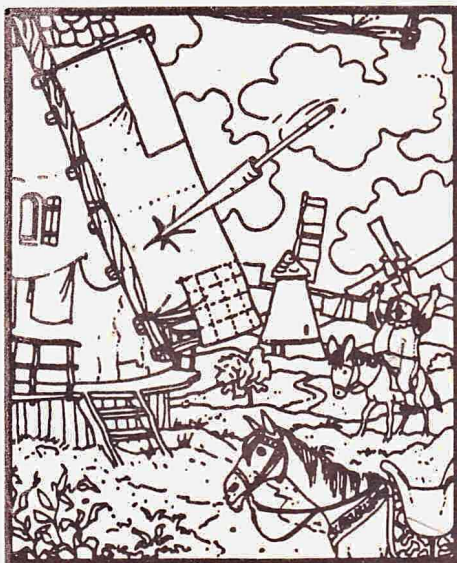
Небольшая разминка перед стартом:

$$\begin{aligned} (1 + \sqrt{9 + 6}) - 9 &= 1 \text{ или} & (1 \times \sqrt{9 + 6}) : \sqrt{9} &= 3 \\ (1 + \sqrt{9}) - (6 - \sqrt{9}) &= 1 & 19 - (6 + 9) &= 4 \\ (1 \times \sqrt{9 \times 6}) : 9 &= 2 & (1 \times 9 + 6) : \sqrt{9} &= 5 \end{aligned}$$

ПОМОГИТЕ САНЧО ПАНСА

Что с Санчо Панса? Почему
Кричит он, разводя руками?
Должны вы догадаться сами
И поскорей помочь ему.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

На стене в кабинете барона Мюнхаузена висел большой портрет, на котором неутомимый искатель приключений был изображен в какой-то странной шляпе.

— Эта шляпа, нарисованная художником, — говорил часто барон, — обладает замечательным свойством: одной прямой линией ее можно разделить на две таких части, из которых легко складывается квадрат. Проверьте, не очередная ли это выдумка барона.

Рисунки А. БОРИСОВА.

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ КОНАН-ДОЙЛЬ

МОНЕТА НАВОДИТ НА СЛЕД

Конан-Дойль. За три дня в Лондоне было ограблено шесть ювелирных магазинов. Полиции никак не удавалось напасть на след преступников. Наконец был задержан некто Джон Пигс, который уже привлекался к суду за участие в ограблениях. В бумажнике у Пигса нашли монету в пять шиллингов и клочок бумаги с какой-то зашифрованной записью. Расшифровать эту записку никому не удавалось. Дело поручили Шерлоку Холмсу.

— Что же он предпринял?

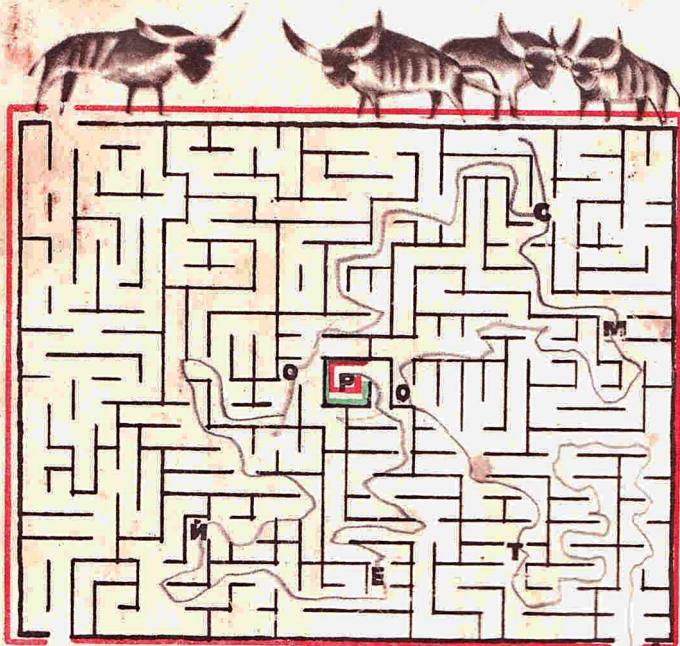
— Он решил, что монета имеет какое-то отношение к шифру. По-разному накладывал он ее на буквы и наконец нашел такое положение монеты, при котором из букв, расположенных по ее окружности, если читать их по часовой стрелке, складываются слова, уличающие Джона Пигса.

А вы сможете найти улики против преступника, пользуясь одним пяточком?

В ПЕЩЕРУ ЗА БИЗОНАМИ

Перед вами план пещеры. В центре ее — грот. На стене нарисованы могучие бизоны. Вам хочется посмотреть на них? Тогда отправляйтесь в путешествие. Но помните: до центрального грота можно дойти только через один вход.

Если вы найдете правильный путь, то из букв, мимо которых вы обязательно должны будете пройти, можно составить имя героя одной из ваших любимых книжек. Он будет вашим надежным спутником. Как его зовут и какой вход нужно выбрать?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 11

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Где собака зарыта?

Собака находится слева, на втором поле по горизонтали.

Семейка на скамейке

На скамейке должно быть девять ребят:

К — М — Е — С — МР — К — Илава; М — Ма — ша; Е — Ева; С — Сева; МР — Мариэтта.

Ералаш

Спасибо всем ребятам, которые прислали интересные ответы.

ДЕД БУКВОЕД

ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ БУДУЩЕГО

Марсианские классы

Начинайте вести линию от точки А или В. Если же вы начнете рисовать по-другому, вас ждет неудача.

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ КОНАН-ДОЙЛЬ

Четыре ответа

Внимательно проанализировав ответы четырех гангстеров, вы обязательно придете к выводу, что правду сказал только Том. Вот как нужно рассуждать: предположим, правду говорит Луи, значит, Жорж тоже говорит правду. Если правдив ответ Андре, то правда и то, что сказали Жорж и Том. Если Жорж говорит правду, то и Том не солгал. А если правдив ответ Тома, то все другие ответы неверные, что и требуется по условию задачи. Итак, если три первых ответа ложные, значит, автомобиль украл Жорж, сказавший на допросе, что это сделал не он.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

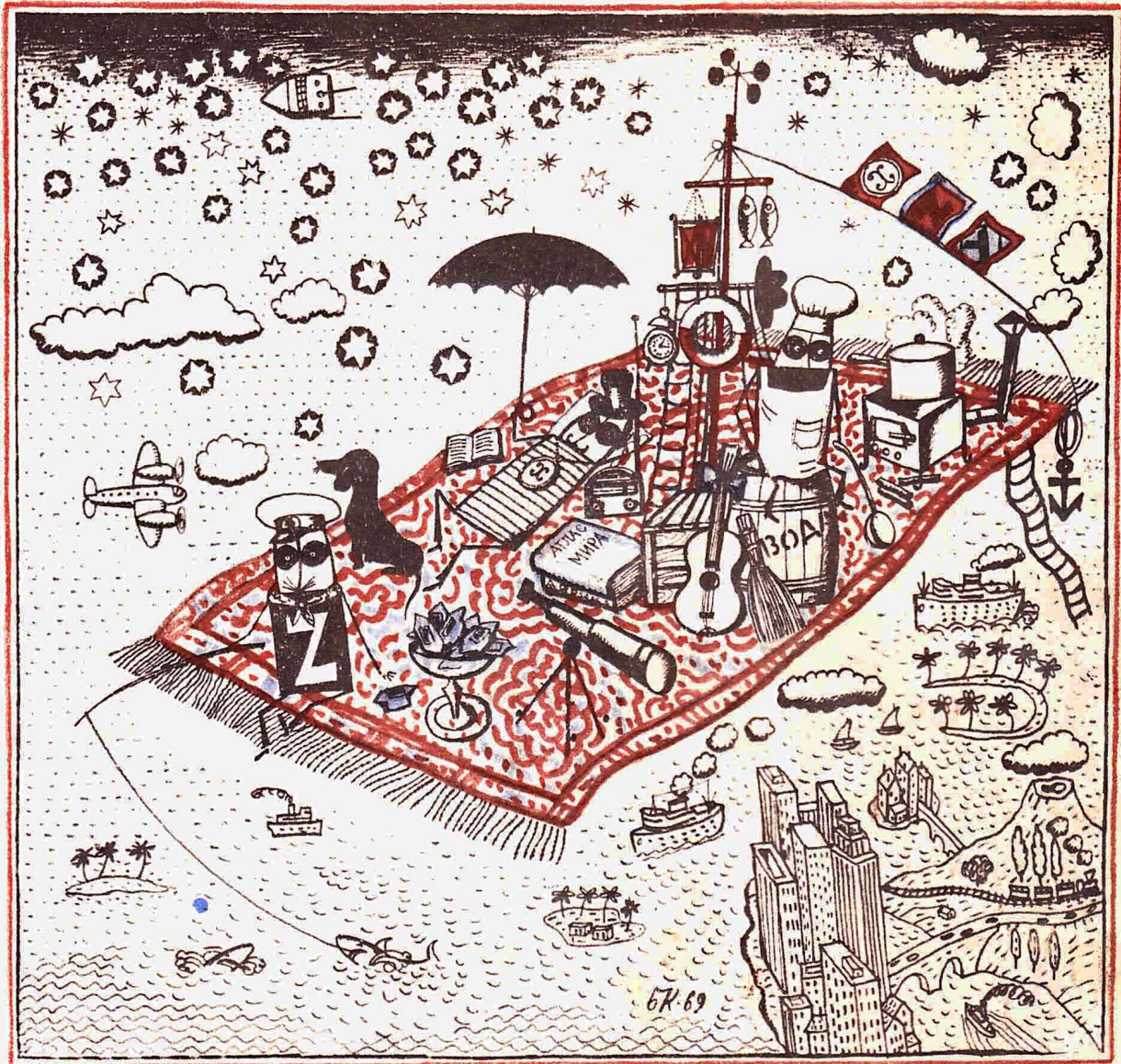
КУРС НАЧИНАЮЩИХ
ВОЛШЕБНИКОВ • ВОЛШЕБНИЦ
КОМ УЛИЦ ЗИТХОВ • ВОЛШЕБНИЦ
КУРС НАЧИНАЮЩИХ

Сосновые дрова и попутный ветер

Мы, конечно же, выбрали ковер-самолет!
Во-первых — это прекрасное средство транспорта.
Во-вторых — скорости!
В-третьих — летит, куда хочешь.
— А моль? — спросите вы.
— Ерунда! — ответим мы. — Нафталином мы запаслись даже с излишком: 358 пакетов на 864 летных часа путешествия.
Облетели мы на нашем ковре-самолете землю и вдоль и поперек. Внизу моря, океаны, горы и все прочее — пейзажи необыкновенные.
А над нами спутники летают, кометы хвостатые.
Настоящее волшебное путешествие. Красота.
Между прочим, и время проводили прекрасно и приключения были тоже.
Однажды во время полнолуния нас чуть было не притянуло к Луне, и только благодаря находчивости и эрудиции экипажа нам удалось остаться на околоземной орбите.
Икс в несколько секунд рассчитал скорость и траекторию пролетевшего мимо метеорита, Зет сумел накинуть на него запасной якорь. Нам оставалось только не пропустить нужный момент и вовремя расстыковаться.
Ура, мы были спасены!
Много хлопот было и с нашим Топой. Пес он городской, нервный, а тут такая психологическая перегрузка! Топ лаял на каждый самолет, спутник, а уж о ракетносителях и говорить нечего.
Поверьте, это было ужасно беспокойно. Мешало сосредоточиться, а мы должны были к осени подготовиться. Сочинить задачи и загадки на всю рабочую зиму.
Кстати, попробуйте решить одну из них:
Ковер-самолет летит с севера на юго-восток со средней скоростью 5 километров в секунду. На море полный штиль.
Игрек топит печку сосновыми дровами.
Солнце при этом находится справа.
Температура воздуха — 23°С в тени.
Подсчитайте необходимое количество питьевой воды в сутки для всего экипажа и собаки. (Икс, между прочим, почти не пьет.)
Хорошего Вам волшебного настроения и удачи.

Ваши ИКС, ИГРЕК, ЗЕТ и Борис КЫШТЫМОВ.

Содержание журнала «Пионер» за 1969 год

ПОВЕСТИ

Путешественник из Маритимы.— Р. Писарский. Перевел с польского Ю. Абызов.— №№ 1, 2.
 Мессенская война.— Л. Воронкова.— №№ 1—4.
 Юнга с бронекатера.— Э. Корпачев.— № 2.
 Бегство рогатых викингов.— В. Крапивин.— № 4.
 Приключения Гомера Прайса. Главы из повести.— Р. Макклоки. Перевел с английского Ю. Хазанов.— №№ 5—7.
 Жизнь Ленина.— М. Прилежаева.— №№ 7—12.
 Юра Красиков творит чудеса. Фантастика.— Б. Сарнов.— №№ 8—10.
 Знамен, которому нет конца.— В. Никольский.— № 11.

РАССКАЗЫ, СЦЕНАРИИ

Новый адрес Совнаркома. Сценарий.— М. Шатров.— № 1.
 Ты приходи, лось! — В. Вишняков.— № 1.
 Единица.— В. Канаев.— № 1.
 Болеслав, Слава и страна Польша.— В. Тузов.— № 3.
 Проданный в рабство.— А. Шаров.— № 3.
 Первооткрыватель.— М. Барышев.— № 4.
 Корабли с капитанами.— В. Тузов.— № 4.
 Военная тайна. Сценарий.— А. Гайдар.— №№ 5, 6.
 Дневник моего детства.— Е. Кумпан.— № 5.
 Таинственная организация, которая просуществовала только один день.— Г. Голлендер.— № 5.
 Моя знакомая слониха Лялька.— В. Драгунов.— № 6.
 Зверек. Фантастика.— С. Гансовский.— № 7.
 Первый медведь Ваньки Акмета.— В. Измайлов.— № 7.
 Сухой колодец.— В. Максимов.— № 8.
 Открывая реку.— Ф. Нягу. Перевела с румынского Т. Иванова.— № 8.
 Ночь с августа на сентябрь.— С. Артамонов.— № 9.
 Рыбы-коты для Венеры. Фантастика.— Л. Алдани. Перевел с итальянского Л. Вершинин.— № 9.
 Ответ за галстук! — В. Тарас.— № 10.
 Колча.— Ю. Качаев.— № 12.
 Золотая рыба.— В. Вишняков.— № 12.
 Подарок на день рождения.— В. Чут. Перевела с английского Т. Гинзбург.— № 12.

СКАЗКИ

Летающий мальчик.— В. Каверин.— №№ 2, 3.
 Как включали ночь.— Р. Бредбери. Перевел с английского И. Кесельман.— № 4.
 Одноножка.— А. Гарф.— № 6.
 Осенняя сказка. Как Ослику приснился страшный сон.— С. Козлов.— № 8.
 Человек-Горошина и Простак.— А. Шаров.— №№ 10—12.

ТЕАТР «ФОНАРИК» (Пьесы)

Звездочка-соня.— Ф. Мильчинский. Перевел с сербского Д. Мансфельд.— № 1.
 Принцесса на горошине.— Н. Доброхотова.— № 4.
 Одуванчик.— А. Бруштейн.— № 6.
 Гвоздь.— В. Медведев.— № 8.

СТИХИ

Берега остаются. В дальний путь седлают... Дождь. У меня будет сорок неонченных дел. Эту песню мать мне пела.— М. Карим. Переводы И. Снеговой, А. Недогонова, М. Максимова, Е. Николаевской.— № 1.
 Зимой, вечером.— Е. Рейн.— № 1.
 Штаб окружен...— С. Федотов.— № 2.
 Прогулка за город.— Л. Мочалов.— № 2.
 Баллада о смычке.— Ю. Смирнов.— № 3.
 Марки.— Л. Яхнин.— № 3.
 Зимой.— Л. Николаенко.— № 3.
 Боевое знамя сванов.— Ш. Амисулашвили. Перевел с грузинского А. Флешин.— № 4.
 С поноса. На даче. Другу читателю.— Т. Белозеров.— № 4.
 Встреча. Марш Буденного. Еще за деньги люди держатся.— Н. Асев.— № 4.
 Мужчина и мальчик.— Г. Струмский. Перевел с болгарского С. Куняев.— № 5.
 Ветры.— А. Стоянов.— № 5.
 Память.— И. Давыдов.— № 5.
 Кем уже я не был только? — С. Погореловский.— № 5.
 Ночью... Спим, кажется, спим... Ложусь на землю у огня. Дождик.— Е. Кумпан.— № 5.
 Резиновый ежик. Счастливы сон. Страусенок.— Ю. Мориц.— № 5.
 Город у моря.— Л. Яхнин.— № 6.
 Наш дом.— Л. Мочалов.— № 6.
 Пожарная машина. Сказка о горшочке старого портного.— О. Дриз. Перевел с еврейского Г. Сапгир.— № 6.
 Конь отца.— А. Даганов. Перевел с аварского О. Дмитриев.— № 7.
 Ласточка.— А. Кушнер.— № 7.

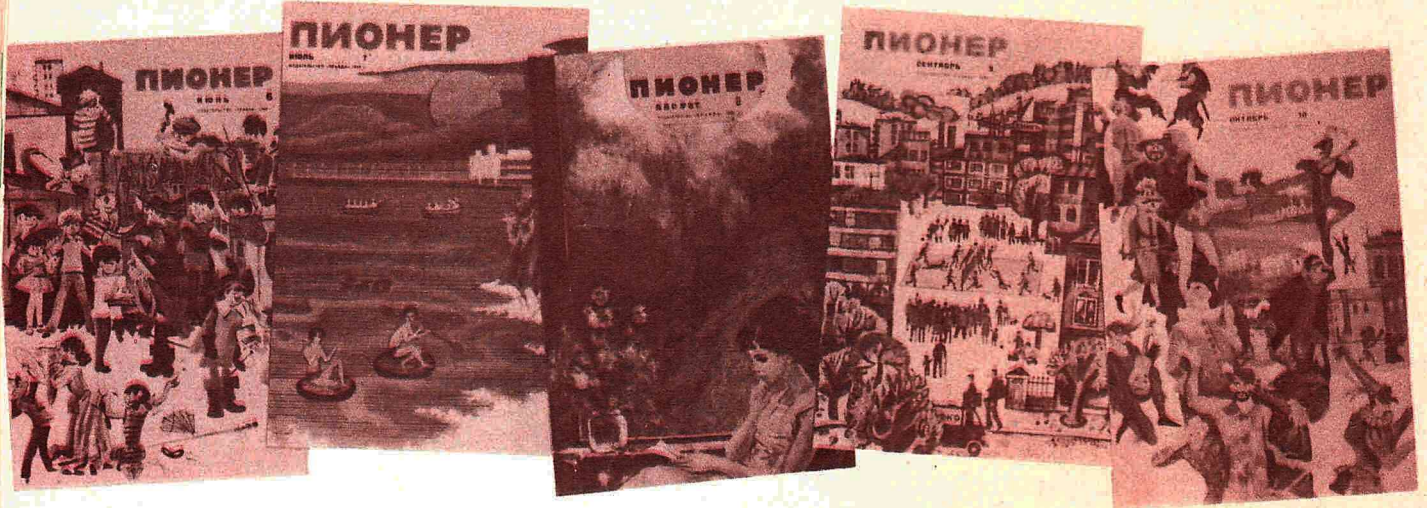
Моя степь. Дом-пароход.— Ю. Смирнов.— № 7.
 Король-аист. Сказка о совином яйце.— М. Вайнлайтис. Перевел с литовского С. Погореловский.— № 7.
 Кто звал тебя? — Л. Мочалов.— № 8.
 Нелегко пасти оленей.— У. Адо. Перевел с югагирского Г. Плисецкий.— № 8.
 Если я заблею... Кладбище паровозов. Земля.— Я. Смеляков.— № 8.
 Черная курица.— А. Милн. Перевела с английского Н. Воронель.— № 8.
 Лесные моды.— К. Корд. Перевела с польского Ю. Мориц.— № 8.
 Крыши. Живой уголок.— Э. Мошковская.— № 8.
 Здравствуй, осень! — В. Фетилов.— № 9.
 Осень.— В. Орлов.— № 9.
 Сентябрь.— Т. Белозеров.— № 9.
 Гравюра. Рыбаки.— М. Гриззани. Перевел с латышского В. Черняк.— № 9.
 Зоопарк.— Э. Котляр.— № 9.
 Первая двойка.— Песня. Слова Э. Мошковской. Музыка М. Протасова.— № 9.
 Тропинка. Осень. Снег. Фонарик. Юность.— В. Мызык.— № 10.
 Пирамиды. Крокодил и петух.— Г. Сапгир.— № 10.
 Вечерние стихи. Летучие мыши. Закат. Наш дом-пароход. Что во что впадает.— Ю. Вронский.— № 11.
 Рыбаки.— Р. Зека. Перевел с азербайджанского Ю. Фидлер.— № 11.
 Кролик и Улитка. Мир уменьшился. Ослик. Может быть. Кукушка.— М. Карем. Перевел с французского В. Берестов.— № 11.
 Легенда Коромысловой башни.— Н. Глазков.— № 12.

У НАС В ГОСТЯХ

Журнал «Картинная галерея» (Болгария) — № 9.
 Журнал «Фрэзи» (ГДР) — № 10.

ПУБЛИЦИСТИКА

Человек с планеты Земля.— Е. Рубцова.— № 1.
 Кругосветка.— № 2.
 «Амур, я Байнал!» — № 3.
 Богатства жаркой земли.— А. Сербин.— № 3.
 Кешна-путешественник.— В. Песков.— № 3.
 Космическая дорога.— Е. Рубцова.— № 4.
 Великий праздник — Первое мая.— Н. Тихонов.— № 5.
 Руною Ленина.— Н. Елистратова.— № 6.

Как воевал Кузнецик.— С. Караян.— № 6.
 Забор Тома Соьера и зеленые доллары.— В. Зорин.— № 7.
 Живой голос Ильича.— И. Колчина.— № 9.
 Загадки одной фотографии.— И. Колчина.— № 11.
 Звездные профессии.— В. Губарев.— № 12.

В нашем Ленинском кабинете

Всесильно, потому что верно.— М. Владимиров.— № 4.
 «С основания и раньше...»— Г. Гребеников.— № 8.
 Да здравствует Социалистическая революция!— Г. Гребеников.— № 10.
 Глава седьмая — первая глава.— С. Сутоцкий.— № 12.

Самое-самое

Колымский самородок.— А. Иванченко.— № 2.
 Первопроходцы.— И. Петрова.— № 3.
 «Сияние Севера».— А. Некрасов.— № 5.
 Автомобили переобуваются.— Л. Архипова.— № 6.

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Надежда Константиновна.— Рассказы юных экскурсоводов Музея имени Н. К. Крупской в Вавманском Доме пионеров Москвы.— № 2.
 О гимназисте Володе Ульянове, о его учителях и о гимназии, в которой он учился.— Л. Симонова.
 Рассказы юных экскурсоводов Ленинского музея школы № 1 Ульяновска.— № 4.
 Пионерские были.— Л. Подвойский.— № 5.
 Конкурс начинающих волшебников.— №№ 5, 10, 11, 12.
 Конечно, вы будете друзьями!— С. Богатырева.— № 6.
 Книга вышла в издательстве «Следопыт».— Л. Симонова.— № 6.
 В пионерском лагере «Орленок».— Фото В. Шустова.— № 7.
 Твой польский друг (К 25-летию Польской Народной Республики).— № 7.
 Шутонка педагога.— Я. Корчак.
 Перевела с польского Е. Мойтлис.— №№ 5, 7, 8, 9.
 Письмо.— № 8.
 Здравствуй, товарищ!— Т. А. Куценко, секретарь ЦК ВЛКСМ.— № 9.
 «Связь-3» уходит на задание.— А. Кричевский.— № 10.
 Идет «Зарница» — славная игра!— № 11.

Радиостанция «Здравствуй»

Флаги над крышами.— Н. Киселев.
 Еще какая творческая.— С. Богатырева.— № 1.

Провал операции «Хаос».— Г. С. Десницкий. Сначала обиделись, потом...— С. Богатырева.— № 2.
 Москва — Воронеж, туда и обратно. Чья газета интереснее?— № 3.

Слово интернациональным клубам. Операция «Чунокка».— № 5.
 Ко мне, мушкетеры! — Рассказы юнкоров корреспондентского отряда «Каравелла».— №№ 6, 7, 8.
 Твой банковский счет.— В. Матвеев.
 Наши новые друзья.— № 8.
 Фамилия, имя, отчество... Шурп.— С. Богатырева.— № 9.
 Экспедиция «Заветам Ленина верны!»— № 10.
 Что это за народ — октябрята.— № 11.
 Чья газета интереснее.— В. Крапивин, В. Матвеев.— № 12.
ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС.— №№ 1, 3, 6, 9.

Храбрые портняжки

Секрет четырех платьев.— И. Нагорная.— № 2.
 Твой новый костюм.— И. Нагорная.— № 3.
 «Храбрые портняжки» отвечают на письма.— № 7.
 Домашнее платье.— И. Нагорная.— № 10.

Рисуют и пишут читатели

Стихи маленьких поэтов Америки.— Перевел с английского Ю. Школенко.— № 1.
 Рисунки с выставки «Отечество».— № 1.
 Мы идем по ленинским местам.— Гравюры ребят.— № 4.
 Гроза. Когда мамы нет. Я расскажу вам эту историю.— Стихи вьетнамского мальчика Хоа. Перевели с французского Ю. Шевченко, Н. Энтелис.— № 4.
 Мальчишка рисует сражение.— № 7.
КОРАБЛИК.— №№ 3, 5, 6, 7, 8, 10.

СПОРТ

Клуб «Три мяча и шайба».— №№ 5, 6, 8, 9, 12.
 Вода, вода...— С. Глязер.— № 7.
 Окунь клюют!— В. Боронин.— № 7.
 Удача и еще кое-что.— В. Боронин.— № 8.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.— №№ 1—12.

НАУКА И ТЕХНИКА

Все разные и все хорошие.— Л. Матвеева.— № 1.
 Мы — лавинники.— А. Яблоков.— № 2.
 По морям вокруг Земли.— С. Сахарнов.— №№ 2, 5, 7, 8.
 Фабрика чудес.— Н. Колесникова.— № 3.
 Что у нее в середине.— Е. Рябова.— № 4.

Небесный сноход.— В. Бендеров, Э. Елян.— № 5.
 Как помог Леонардо да Винчи.— А. Пантошин.— № 5.
 Главная почта.— С. Богатырева.— № 6.

Джордано Бруно из Глазотова.— Л. Кузнецова.— № 8.
 Экспедиция «Ра».— Г. Анохин.— № 11.
 Сколько лет школе?— С. Соловейчик.— №№ 11, 12.
 Сто лошадей в упряжке.— А. Грибанов.— № 12.
ВСТРЕЧИ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ.— №№ 1, 2, 4, 10, 11, 12.

Рассказы о военном искусстве

Битва на Кулиновом поле.— А. Митяев.— № 7.
 Почерн полководца.— А. Митяев.— № 9.
 Главнокомандующий революции.— А. Митяев.— № 11.

Научный телеграф

Станция на ледяном острове; Существуют ли кладбища слонов.— С. Маленко; Нужны ли тнацие станки?— О. Либкин; Подводные эскадры и морской кот.— Ю. Котляр.— № 1.
 Второе рождение секунды.— Н. Ануфриева; Корабли погоды; Рыбам будет хорошо; Зернистая синтетическая; На всех парах.— М. Гуревич, О. Либкин.— № 5.
 Чудовище в аквариуме.— Ж. Марсо; Ветряк под облаками.— М. Гуревич, О. Либкин; Машина учится шагать.— № 10.
 Каналы Марса — что это такое?— Ф. Зигель; Легче легкого.— М. Кривич, Л. Ольгин. Рождение ледника.— Г. Анохин.— № 12.

Поэтическая география

Командоры.— В. Перцов.— № 1.
 Странный лес.— Н. Сладков.— № 2.
 Ущелье каменных козлов.— Н. Сладков.— № 3.
 Разноцветная Супутинка.— Ф. Штильмарк.— № 7.

Почему и отчего

Всегда ли нужны крылья?— О. Назаров; «Хладнокровные» муравьи.— Н. Носкова; «Солнечный ветер» и «солнечный ураган».— В. Черногорова.— № 3.
 Третий из восемнадцати.— Г. Гинзбург; Длинная биография; А все-таки загадка.— Е. Рубцова.— № 7.
 Взлетная полоса.— Н. Коньков, О. Назаров.— № 8.

ИСКУССТВО

На дальних рубежах.— Ю. Рогозин.— № 2.
 Глиняные сказки.— Г. Блинов.— № 3.
 Рассказы о театре.— И. Уварова.— №№ 4, 5, 7, 10, 11.
 Рисовать хорошо!— С. Артамонов.— № 5.

- А потом лепешки съели.— Л. Матвеева.— № 7.
- Слава красоте и силе.— С. Федоров.— № 10.
- Завтрашняя афиша.— Л. Голубкина.— № 10.
- Шевелев-младший.— Г. Блинов.— № 11.
- Приходите к нам на ёлку! — Н. Доброхотова.— № 12.
- Мы.— С. Богатырева.— № 12.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

- Путь, озаренный солнцем (о стихах М. Карима).— Ю. Новикова.— № 1.
- Рассказы о дедушке Крылове.— С. Федоров.— № 2.
- Луна без курносых, или две жизни Сирано де Бержерака.— Ю. Айхенвальд.— № 3.
- Мое знакомство с Асеевым.— В. Слуцкий.— № 4.
- Радость встречи.— Р. Фраерман.— № 5.
- Сказка — ложь, да в ней намек... (о сказках Пушкина) — В. Непомнящий.— № 6.
- Седой Гаврош (о А. Бруштейн).— А. Турков.— № 6.
- Ее талант (о Э. Выгодской).— И. Рахтанов.— № 8.
- О Василе Мысике и его стихах.— В. Слуцкий.— № 10.

ПРО КНИГИ

- Единственная в мире (о книге В. Бианки «Лесная газета»).— И. Халтурин; Будь здорова, книга.— А. Кириченко; Фея приходит в дом мистера Беннса (о книге П. Трэверс «Мэри Поппинс»).— С. Артамонов.— № 3.
- Книги уже в пути (о новых книгах писателей Литвы).— Ю. Новикова; Представьте себе, что он внезапно исчез (о книге В. Азерникова «200 лет спустя»).— А. Дорохов.— № 5.
- Смех смехом (о книге В. Драгунского «Рыцари и еще 57 историй»).— Л. Матвеева; Все о рыбах.— № 6.
- Важное событие в жизни Оди (о книге А. Мошковского «Дельфиний мыс»).— Е. Володина.— № 8.
- Живи под дождем (о книге С. Соловейчика «Мокрые под дождем»).— Л. Разгон; Смешного сверх всякой меры (о сборнике «Спящее яблоко»).— Е. Володина.— № 9.

ЮМОР

- Из записной книжки Смехотрона.— № 1.
- Вокруг репортажа из космоса.— Рисунки Ю. Черепанова.— № 1.
- Смешинки.— № 2.
- Забавные случаи.— № 3.
- Попробуй не засмейся!— № 5.
- Новые приключения Смехотрона и Полиглота, Веселые рассказы в картинках.— А. Борисов.— №№ 3, 4, 6, 7.
- КЛУБ «СОРОК СОРОК».— №№ 5, 6, 8, 10, 12.
- УМА ПАЛАТА.— №№ 1—12.

Линия отреза

АНКЕТА 69

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Что значит «пятерка», «тройка» или «двойка», тебе хорошо известно. Обычно отметки ставят тебе. А на этот раз ты получаешь право выставить свои оценки повестям, рассказам, сказкам и стихам, очеркам и статьям, напечатанным в этом году в «Пионере» (не всем, разумеется, на это и места не хватит, а тем, что прочитаны, тем, что запомнились).

Взгляни еще раз на содержание «Пионера» за год, все взвесь и принимайся за работу. Как говорится, будь строг, но справедлив.

Мы в редакции хорошо помним все, что было опубликовано в журнале, поэтому всюду ты можешь привести только фамилию автора, номер журнала и ставить свою оценку по пятибалльной системе. Например:

В. Крапивин, № 4, и твоя оценка.

Как ты оцениваешь повести этого года? _____

Рассказы? _____

Сказки? _____

Стихи? _____

Очерки и статьи? _____

Обложки? (тут можно указывать только номер журнала) _____

Рисунки? (можно писать так: С. Трофимов к рас. В. Тузова, № 4, и твоя оценка) _____

Теперь мы просим тебя подчеркнуть разделы, которые ты предлагаешь оставить в «Пионере» будущего года:

- В нашем Ленинском кабинете
- Надо посоветоваться
- Радиостанция «Здравствуй»
- Научный телеграф
- Самое-самое
- Рассказы о военном искусстве
- Поэтическая география
- Почему и отчего
- Театр «Фонарик»
- Клуб «Три мяча и шайба»
- Журнал «Кораблик»
- Кругосветка
- Пионерский глобус
- Про книги серьезные, книжки смешные...
- Встречи с Тремя Неизвестными
- Ума палата
- В стране шаха
- Клуб «Сорок сорок»
- Приключения Смехотрона
- Храбрые портняжки

Подчеркни, о чем ты любишь читать:

о науке, технике, о жизни и работе взрослых, о прошлом, будущем, о школе, жизни пионерского отряда, дружбе, любви, о сверстниках за рубежом, о международной жизни, о музыке, театре, кино, цирке, балете, живописи, о книгах, писателях, о делах военных, о спорте, о путешествиях, о разведчиках. Песни, сказки, занимательные задачи, ребусы, юмор.

НАПИШИ

- Сколько тебе лет
- Мальчик ты или девочка
- Где ты живешь: в городе, селе, поселке

Надеемся, что ты ответишь нам скоро. Спасибо.

Твой «Пионер»

СОДЕРЖАНИЕ

Конкурс начинающих волшебников.— Рисунки А. Вовиковой	1, 10, 21, 67,	76
Звездные профессии.— В. Губарев		2
Золотая рыбка.— Рассказ В. Вишнякова. Рисунки И. Пчелю		6
Сто лошадей в упряжке.— А. Грибанов		12
Подарок ко дню рождения.— Рассказ Б. Чут. Перевела с английского Т. Гинзбург. Рисунки Е. Медведева		13
Радиостанция «Здравствуй».— В. Крапивин, В. Матвеев		24
В нашем Ленинском кабинете		
Глава седьмая—первая глава.— С. Сутоцкий		28
Колча.— Рассказ Ю. Качаева. Рисунки С. Трофимова		31
Научный телеграф		34
Приходите к нам на ёлку! — Н. Доброхотова. Рисунки автора		37
Сколько лет школе? — С. Соловейчик. Продолжение. Рисунки Ю. Владимировой и Ф. Терлецкого		42
Легенда Коромысловой башни.— Стихи Н. Глазкова. Рисунки Н. Доброхотовой		45
Жизнь Ленина.— Повесть М. Прилежаевой. Продолжение. Рисунки О. Вереяского		46
Мы.— С. Богатырева. Рисунки А. Борисова		56
Человек-Горошина и Простаки.— Сказка А. Шарова. Окончание. Рисунки И. Галанина		60
Спортивный клуб «Три мяча и шайба».		68
Клуб «Сорок сорок».— Подготовил В. Левин. Рисунки А. Вовиковой		70
Встречи с Тремя Неизвестными.— Рисунки Б. Кыштымова		72
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Доброхотовой		73
На обложке:		
Зимний вечер. Рисунок Е. Медведева.		

Линия отреза

Неизвестные раскрывают свои тайны

(Ответы на задачи номера)

Расставьте числа

Расчет очень прост. Сумма всех расставленных чисел равна 78, расставляются все они по периметру трех квадратов. Отсюда сумма чисел по периметру каждого квадрата равна 26 (78 : 3). Задача имеет ряд решений. Вот некоторые из них:

I см. черт.	3	6	5	10	9	1	4	12	11	8	7	2
II	11	6	7	9	10	1	3	12	9	8	2	5
III	6	7	5	3	11	10	4	1	9	2	12	8
IV	2	8	5	6	4	3	10	9	7	12	1	11

Снова хитрые мыши

$\begin{array}{r} 1272 \\ -120 \\ \hline 72 \\ -72 \\ \hline 0 \end{array}$	$\begin{array}{r} 24 \\ \times 53 \\ \hline 72 \\ 1245 \\ \hline 158530 \end{array}$	$\begin{array}{r} 415 \\ \times 352 \\ \hline 830 \\ 3320 \\ 1245 \\ \hline 158530 \end{array}$	$\begin{array}{r} 325 \\ \times 147 \\ \hline 2275 \\ 1300 \\ 325 \\ \hline 47775 \end{array}$	$\begin{array}{r} 2628 \\ +2547 \\ \hline 5175 \end{array}$	$\begin{array}{r} 6666 \\ -4444 \\ \hline 2222 \end{array}$	$\begin{array}{r} 999 \\ \times 11 \\ \hline 999 \\ 999 \\ \hline 10989 \end{array}$
---	--	---	--	---	---	--

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Нафарова.**

А 00219. Подписано к печати 4/ХІ 1969 г.
Формат бумаги 84 × 60¹/₂. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 130 000 экз.
Изд. № 2306. Запас № 2796.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

К

ак-то вечером сидели Марина, Лёка и Алеша и спорили.

— Новый год встречаем у нас,— сказала Лёка.— Нас больше — мама, папа и мы с Лёкой, а вас двое — ты и бабушка.

— Нет,— сказал Алеша,— нас шесть: я, бабушка, Чубчик, Кит, Дженни и Федя.

— Ой, ой, шесть! — засмеялась Лёка.— Чубчик — собака, Кит и Дженни — рыбы, а Федя — чиж. Ой, ой!

— Их больше, будем у них,— подумав, сказала Марина.— И Алешин папа вдруг прилетит из своей Антарктиды.

— Ладно, будем у тебя, все равно квартиры рядом,— согласилась

Лёка.— Только уговор остается, сделаем что-нибудь сами. Думай, Алеша.

— Думаю, думаю, даже голова заболела,— вздохнул Алеша.— Пусть лучше бабушка пирог печет.

— Эх ты, а еще начинающий волшебник! Пирог, бабушка,— передразнила его Лёка.— Неинтересно. Надо что-то необыкновенное... А мороженое?

— Разве можно мороженое делать самим? — удивилась Марина.

На улице вдруг что-то ярко вспыхнуло, засветило, словно пролетел на посадку самолет. Окно с шумом распахнулось, охалка зеленых листьев влетела в комнату, и — динь-дон-динь — раздался перезвон маленького колокольчика. Окно захлопнулось, а перед удивленными ребятами на столе лежали пять листочков.

— Вот это ветрище! — восхищенно сказал Алеша.— Даже листы закинуло.

— Это калиновые, я гербарий собирала, знаю,— сказала Лёка, рассматривая листочки.— Здесь что-то написано!

Она зажгла настольную лампу, и буквы на листочках стали яркими и четкими.

2-й ЛИСТОК.

Пока мороженое стоит 2 часа при 0°, берешь 3 стакана чернослива и 1 стакан миндаля или орехов. Чернослив помоешь, ошпаришь кипятком и дашь потомиться 10 минут на малюсеньком огоньке, сольешь воду, вынешь косточки, обсушишь 3 минуты в духовке и вместо косточек положишь миндалинки или орешки (вначале их помоешь, ошпаришь кипятком, очистишь от кожуры и подсушишь 3 минуты в духовке). Это десерт к мороженому.

1-й ЛИСТОК.

«Спешу по срочному вызову на Сахалин. Остановиться не могу. Посылаю вам «экспресс-телеграмму». Каждый уважающий себя волшебник все, что захочет, должен сделать сам. Мороженое так мороженое. Очень просто.

5 стаканов молока, 4 желтка, 2 целых яйца разбалтываешь вместе, процеживаешь сквозь сито, всыпаешь 2 стакана сахара, размешиваешь и ставишь на легкий огонь на закрытую кружком конфорку. Разогреется, не снимая с огня, добавишь 1 ложечку свежего сливочного масла и мешаешь, мешаешь не переставая, пока не загустеет. Надо, чтобы масса заварилась до густоты сметаны, но ни в коем случае не закипела. Снимишь с огня, размешаешь последний раз и поставишь на холод. При 0° надо выдержать 2 часа. Потом переложить в мороженицу или в обычный молочный бидон, но так, чтобы масса не доходила до крышки на ладонь, поставишь на лед в ведро, обложишь льдом с солью и крутишь туда-сюда, пока не заморозится. В конце заморозки всыпаешь порошок ванильного сахара и 1 ложечку тонко резанной апельсиновой цедры. Вот и готово вкуснейшее на свете мороженое. Но постольку, поскольку Новый год — праздник великолепный, надо это вкуснейшее мороженое сделать великолепным.

3-й ЛИСТОК.

Берешь 4 оставшихся от мороженого белка — они должны пока стоять на холодном огне, — зовешь помощников, даешь миску с белками (посыпав их чуть-чуть солью, примерно $\frac{1}{4}$ чайной ложечки), и специальный сбивальный венчик или две вилки и просишь быстро-быстро сбить пену. Сбивать надо не в теплой кухне, а там, где прохладнее, у окна в комнате, например. Когда начнет подниматься пена, постепенно всыплешь 1 стакан сахарной пудры (можно сделать из сахара — в ступке) и попросишь еще быстро-быстро сбить. Получится снежная густая гора такой густоты, что с венчика не свисает, а держится шапкой. Противень смажешь слегка маслом, присыплешь чуть-чуть мукой и быстро положишь чайной ложкой снежные комочки, загубая хвостики вверх. Ставишь противень в легкую духовку ($\frac{1}{3}$ от полного огня) — и через 25—30 минут готовы вкуснейшие печенья. Остынут, снимишь с противня.

5-й ЛИСТОК.

Все это сделать просто, но, чтобы не мешать друг другу, надо заранее распределить обязанности. Выберите шеф-повара. Марина хотя и старшая, но я бы выбрала Лёку: она более внимательная. Марина и Алеша должны быть быстрыми и беспрекословными помощниками — почистят чернослив и орехи, собьют белки и мороженое, нарежут цедру, сделают из сахара пудру. А шеф-повар должен быть очень-очень внимательным и собранным, пропустишь, казалось бы, мелочь, например, не поточишь чернослив, а косточки и не вынуты, или возьмешь несвежее молоко или лежалые яички — мороженое свернется, а белки не собьются.

Когда придет время Нового года, достань самое красивое блюдо, положи в середину горной мороженое, кругом чернослив с орешками (присыпанный чуть-чуть сахарной пудрой), а в середину горки воткните чистые еловые лучинки (хорошо бы обмануть их в спирт) и зажгите. Праздник! А вкусно как!

Калинка

Буду свободна, обязательно залечу к вам еще».

Ребята посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, подбежали к окну. Полнейшая темнота и полнейшая тишина были там, за окном, и только далеко-далеко быстро двигалась малюсенькая светящаяся точка.

4-й ЛИСТОК.

И еще. Накануне надо сделать клюквенную воду. Поточишь 2 стакана клюквы с $\frac{1}{2}$ стакана воды минут 20 на огне, протрешь через сито или дуршлаг, зальешь остуженной водой (3 литра воды прокипятишь с 2 стаканами сахара), дашь отстояться 15 минут, процедишь, добавишь 1 разрезанный на мелкие кусочки апельсин (без косточек), хорошо размешаешь и нальешь в 1 большой или 2 маленьких кувшина, в которых и подашь потом на стол. А перед подачей их можно украсить или салфетками, или в про-

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

ЧТО ЭТО?

Что это? Что это?
Это снег за окном.
Кто это? Кто это
В этом снеге ночном?

Это всадники скачут
На взмыленных конях,
Хлопья пены слетают
На мой подоконник...

Это Герда скользит
По озерам Лапландии,
И в косичках ее,
Словно бабочки, бантики...

Это трактором таежным
Летят лесовозы,
Пробиваясь к теплу
Сквозь метельные грозы...

Я спросил у тебя:
«Что там, в небе ночном?»
Ты ответила мне:
«Снег идет за окном».

Слова Ю. СМЕРНОВА. Мелодия В. ЧЕРНЯКА.
Обработка М. ПРОТАСОВА.

В. Нафар

В печать 4/XI 1969 г.
Объем 9,33 усл. печ. л.
Тираж 1 130 000 экз.
Заназ № 2796.

Газета «Правда»,
№ 47, ул. «Правды», 24.